

Кринж и БРИЛЛИАНТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

18+

Юрий Верхолин

Кринж и бриллианты

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Кринж и бриллианты / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Шестнадцатилетняя Аня мечтала только об одном: чтобы мама перестала названивать в час ночи. Но после случайной встречи с ограблением ювелирного салона в её рюкзак с единорогом подбрасывают мешочек с бриллиантами. Теперь за ним охотятся и бандиты, и коррумпированный майор. Её «спасительница» — тридцатидвухлетняя взломщица Виктория — цинична, ранена и не доверяет никому. Особенно зумерам с их телефонами. Вместе они — живой кринж: одна учит выживать, другая — не выкладывать геолокацию в сторис. Им предстоит пробежать через ночные дворы, помойки, лесопарки и товарные поезда, чтобы остаться в живых. И не убить друг друга. «Кринж и бриллианты» — это бадди-муви про двух беглянок, у которых нет ничего, кроме тяжёлого рюкзака и полной несовместимости взглядов на жизнь. Чёрный юмор, острые диалоги и одна очень дорогая «Слеза Босфора».

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Тяжёлый рюкзак	5
Глава 1. Цифровой призрак	14
Глава 2. Правило трёх секунд и схран	39
Глава 3. Чистильщик и огнетушитель	56
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Юрий Верховин

Кринж и бриллианты

Пролог: Тяжёлый рюкзак

Ночной город не светится неонами. Это сказки для туристов и дешёвых сериалов. Настоящий ночной город в спальном районе — это оранжевые пятна ржавых фонарей, лужи с бензиновой радугой, вой одинокой сигнализации где-то во дворах и запах жареных семечек из круглосуточного ларька.

Аня шла по тротуару, сжимая в кармане куртки тёплый бок айфона. Батарейка — 14%. Подруга Ленка болтала о том, что Дима из параллельного класса — «абсолютный кринж», потому что в переписке использует стикеры с котятками.

— Я серьёзно, — Ленка поправила съехавшую набок сумку. — Если парень в 2026-м отправляет тебе кота, который обнимает сердечко — это ред флаг. Он не взрослый, а инфантильный.

— Угу, — Аня кивнула, хотя не слушала. Она думала о том, что мама снова позвонит в любую секунду. «Ты где? С кем? Когда будешь? Алкоголь не пила?» Мама работала учительницей химии, поэтому каждый диалог превращался в контрольную.

Вечеринка у Кати закончилась час назад. Обычная история: музыка на телефоне, разбавленный соком дешёвый вермут, чей-то парень, который пытался учить их жизни в 23 года. Аня выпила полстакана, почувствовала, что голова становится ватной, и решила, что пора валить. Ленка увязалась следом — её родители работали в ночную смену, поэтому домой она не рвалась.

— Срезаем через дворы? — Ленка кивнула на арку.

Аня вздохнула. Дворы — это темнота, бомжи на лавочках и риск наступить в крысиный помёт. Но идти в обход — лишние двадцать минут. Мама начнёт названивать, а потом устроит скандал: «Ты знаешь, сколько девочек пропадает по ночам?»

— Ладно, давай через дворы, — буркнула Аня.

Они свернули в арку. Подошвы кроссовок зашуршали по битому асфальту. Вокруг — хрущёвки с погашенными окнами. Только в одной квартире на третьем этаже горел синий экран телевизора. Какой-то дед смотрел старый боевик — оттуда доносились приглушённые выстрелы.

— Анель, ну ты видела её сторис? — Ленка не унималась. — Она выложила фото в спортзале, а там гантели по три килограмма. Зачем вообще постить? Это же даже не стоящая внимания мелочь, а пыль.

— Лен, заткнись, а? — Аня потрогала висок. Голова болела после вермута. — Мне сейчас мать позвонит, я должна придумать легенду.

— Скажи, что были у меня. Мои на смене.

— Твои — алкаши, они проболтаются.

— Не такие уж они и алкаши, — обиделась Ленка, но без огня.

Они вышли на небольшой пустырь, заставленный ржавыми гаражами-ракушками. Летом здесь мужики пили пиво и чинили жигули. Сейчас, в начале ноября, пустырь выглядел как декорация к постапокалиптическому фильму. Тусклый фонарь мигал через раз — то загорался, то гас, создавая эффект стробоскопа.

— Слушай, — Ленка остановилась, достала телефон. — Я должна снять тикток. Тут вайбовый свет.

— Ты серьёзно? В час ночи?

— У меня подписчики ждут. Я обещала контент.

Аня закатила глаза. Ленка вела блог о «психологии отношений»: у неё было три тысячи фолловеров, и она искренне считала себя инфлюенсером. На самом деле её смотрели только одноклассники, и то чтобы поржать.

Аня прислонилась к стене гаража, сунула руки в карманы. Холод пробирался сквозь тонкую куртку. Надо было брать пуховик, но пуховик — это «как у бабушки». Мама купила его на рынке, и он делал Аню похожей на фиолетового мишленовского человечка.

Ленка настраивала камеру, моргая ресницами. На фоне мигающего фонаря это выглядело глупо, но кто вообще разбирается в вайбе?

— Аня, ты можешь отойти на три шага? Ты попадаешь в кадр.

— Могу уйти, и тогда ты останешься здесь одна.

— Ну зачем ты такая агрессивная?

Аня не ответила. Её внимание привлёк звук. Сначала она подумала, что это выстрелы из телевизора того деда. Но звук был слишком громким, слишком реальным. И он доносился не из окон.

Лязг, треск, звон стекла.

— Ты слышала? — шепотом спросила Аня.

Ленка подняла голову, отрываясь от экрана.

— Что?

— Заткнись и слушай.

Тишина. И снова — удар, будто кто-то бил кувалдой по стеклу. Потом звук падающего металла, мат. Мужской голос, грубый:

— Быстрее, мать вашу! Я сказал — всё!

Аня почувствовала, как в животе холодеет. Инстинкт, доставшийся от обезьян, кричал: «Беги!» Но ноги не слушались. Ленка тоже замерла, сжимая телефон как оружие. Экран всё

ещё горел, и Аня быстро махнула рукой — выключи дуру. Ленка нажала кнопку, и вокруг стало темнее.

— Это с той стороны улицы, — прошептала Аня, кивнув в сторону переулка между гаражами. Там, за углом, была набережная и пара дорогих магазинов. В том числе ювелирный салон «Алмазная грань». Аня помнила его витрины — они светились даже ночью. Но сейчас, кажется, нет.

— Что нам делать? — Ленка дышала в ухо Ане, и это дыхание было горячим и пахло чипсами.

— Не дыши в ухо.

Аня осторожно выглянула из-за угла гаража. Прямо перед ними, метрах в сорока, была дорога. А за дорогой — вход в ювелирный салон. Дверь была выбита. Витрина разбита вдребезги. Осколки стекла сверкали в свете уцелевшего фонаря. И люди. Четыре фигуры в чёрном — трое мужчин и одна женщина. Они выносили сумки. Два больших чёрных мешка, тяжёлых, с ляками. И один маленький, размером с толстую книгу.

Сигнализация салона молчала — за час до дела Заур отключил её через человека в охранной фирме. У соседних домов тоже никто не вызвал полицию: в этом районе привыкли не высовываться. Но время всё равно поджигало. Кто-то из жильцов мог заметить разбитую витрину и позвонить.

Одна из фигур — женщина — работала быстрее других. Аня не видела лица, только силуэт — поджарый, спортивный, с короткими волосами. Женщина оглядывалась по сторонам, будто ждала кого-то. Потом она выругалась — Аня не расслышала слов, но тон был такой, что мурашки побежали по спине.

— Машина, — сказала женщина. — Где машина, Заур?

Второй силуэт, коренастый, с бритой головой, не оборачиваясь, бросил:

— За углом. Погружай и бегом.

Мужчины закинули два больших мешка в джип. Заур сел за руль, завёл двигатель. Виктория направилась было к пассажирской двери, но Заур заблокировал её.

— Сама добирайся, Вика, — усмехнулся он. Джип дёрнулся с места.

Но Виктория не растерялась. Она развернулась, подбежала к разбитой витрине и схватила маленький чёрный мешок — тот, что остался лежать на осколках.

— Она забрала «Слезу Босфора»! — заорал один из подельников, сидевший на заднем сиденье.

Заур резко затормозил. Высунулся в окно, махнул двоим, которые ещё не сели в машину:

— Бегом за ней! Мешок вернуть! А ты, — повернулся к подельнику на заднем сиденье, — гони тачку к пиццерии на Ленина, жди нас.

Подельник перелез на водительское место. Джип с рёвом уехал за угол, увозя два больших мешка. А Заур и двое его людей бросились пешком за Викторией.

Аня видела, как Виктория бежит прямо на них — в их двор, к гаражам, где они с Ленкой замерли как вкопанные. Лицо женщины — злое, сосредоточенное. В руке — маленький чёрный мешок.

А за спиной Виктории, метрах в тридцати, уже маячили трое преследователей — Заур и двое его людей. И те, увидев девчонок, заорали:

— Там свидетели! Двое!

— Убрать обоих! — крикнул Заур.

— За мной, — скомандовала Виктория и побежала в проход между гаражами. Аня с Ленкой, не думая, рванули следом. Выбора не было — сзади топали тяжёлые ботинки.

Бежать по ночным дворам — это не спорт. Это квест на выживание. Аня споткнулась о приподнятую плитку, чудом удержала равновесие, но левая коленка взорвалась болью — подвернула. Сзади топот приближался.

— Догоним!

— Заур, их теперь трое!

— Мне плевать! Мешок у неё!

Аня свернула в проход между домами. Ленка бежала впереди, её розовая сумка болталась на плече. Анин рюкзак — зелёный, с единорогом — был почти пустым, только тетрадки. Пока — пустым.

Они выскочили на маленькую площадь перед школой. Аня узнала это место — здесь она курила электронку после уроков. Сейчас школа выглядела как огромный мавзолей — тёмные окна, закрытые решётками.

Ленка резко свернула влево, к гаражам.

— Туда!

Аня побежала за ней. Гаражи стояли в три ряда, образуя узкие проходы. Они влетели в один из них. Аня ударилась плечом о ржавый угол, взвыла от боли. Ленка бежала впереди, но вдруг замерла — в конце прохода был забор с торчащей арматурой.

— Тупик, — выдохнула Ленка.

— Назад!

Но назад было уже не проскочить. Вход в проход перекрывал силуэт. Высокий, широкий в плечах, лысый. Заур. За ним виднелись ещё двое.

— Ну здравствуйте, — голос Заура был спокойным, почти ласковым. — Вика, ты решила завести новых подруг? Отдай мешок, и я, может быть, оставлю вас в живых.

Виктория встала перед девочками, закрывая их собой. Маленький мешок она сунула под куртку.

— Заур, ты кинул меня. Оставил без доли, без машины. Теперь это моё.

— Это не твоё, это общее. Отдай по-хорошему.

— А если нет?

— Тогда вы все умрёте. Мне не жалко.

Заур сделал шаг вперёд. Аня почувствовала, как колени становятся ватными. Из глаз брызнули слёзы — организм включил аварийный режим.

Ленка вдруг рванула в сторону. Она попыталась протиснуться между гаражом и стеной соседнего дома — щель шириной сантиметров двадцать. Но её сумка зацепилась за трубу. Ленка дёрнулась, сумка треснула, и из неё высыпалась мелочь — помада, ключи, пачка сигарет.

— Стоять! — Заур метнулся к ней.

Ленка бросила сумку и нырнула в щель. Заур схватил её за ногу. Девушка заверещала. Аня услышала треск ткани и увидела, как Заур вытаскивает подругу обратно.

— Пусти!

Заур развернул её и прижал к стене гаража. В руке блеснул нож.

— Кричать будешь, когда я тебе язык отрежу.

Аня стояла, не в силах пошевелиться. Виктория шагнула к Зауру, но двое подельников загородили ей путь. Один с бейсбольной битой, другой с обрезком трубы.

— Отойди от девочки, — сказала Виктория. Голос спокойный, но внутри — клокочущая ярость.

— Сначала мешок, — усмехнулся Заур.

Виктория выхватила из-под куртки маленький чёрный мешок. Заур потянулся к нему. И в этот момент Аня заметила на земле, среди рассыпанных вещей Ленки, перцовый баллончик.

Она метнулась к нему. Схватила. Пальцы не слушались, колпачок не открывался.

— Чёрт возьми, — прошептала она, наконец срывая его.

В этот момент Виктория сделала резкое движение. Она не отдала мешок Зауру — она швырнула его в сторону, к Ане. Мешок упал рядом с Аниным рюкзаком, который соскользнул с плеча и лежал на земле.

— Бери! — крикнула Виктория.

Аня, не понимая, что происходит, схватила маленький мешок. Он был легче, чем казался — килограмма четыре, не больше. Она сунула его в свой рюкзак, застегнула молнию. Заур заорал:

— Ты что творишь, дура?!

Он бросил Ленку — та ударила головой о выступ и сползла на землю, не двигаясь — и кинулся на Викторию. Началась драка. Нож против голых рук — но Виктория уворачивалась, била локтями, коленями. Один из подельников Заура попытался ударить её битой, но она подставила плечо — удар пришёлся вскользь, но всё же разорвал куртку и кожу.

Аня стояла с рюкзаком в руках. В голове — каша. Она нажала на спуск баллончика, не целясь — просто в сторону драки. Струя газа ударила в лицо Зауру. Он заорал, схватился за глаза, выпустил нож. Виктория использовала секунду — ударила его коленом в пах, потом локтем в переносицу. Хруст. Кровь.

— Бежим! — крикнула Виктория, хватая Аню за руку.

— Ленка! — Аня рванулась к подруге.

— Некогда!

— Я не брошу её!

Виктория на секунду присела, прижала пальцы к шее Ленки.

— Пульс есть. Очнётся. Им она не нужна — не видела лиц. А если мы останемся, все трое будем трупами. Бегом!

Аня всхлипнула, посмотрела на Ленку, потом на темноту, откуда уже доносились шаги — подельники Заура приходили в себя.

— Я вернусь, — прошептала она.

— Обязательно, — соврала Виктория и потащила её к забору.

Они перелезли через забор. Виктория подсадила Аню, та перевалилась через верх, содрала ладони о ржавые прутья. Приземлилась на кучу мусора. Виктория прыгнула следом. Сзади — крики, топот.

Они побежали по пустырю, усеянному битым кирпичом. Аня спотыкалась, но Виктория держала её за локоть.

— Кто ты? — выдохнула Аня.

— Та, кто только что спасла тебе жизнь. Вопросы потом.

Они свернули в узкую подворотню между двумя панельными многоэтажками. Темнота — хоть глаз выколи. Аня вытянула руку, чтобы не врезаться в стену.

— Стой, — скомандовала Виктория.

Они замерли. Тяжёлое дыхание, стук сердца. Вдалеке — голоса бандитов.

— Сюда, — Виктория нырнула в щель между гаражом и трансформаторной будкой. Аня за ней. Узко, темно, воняло мочой, маслом и смертью.

Бандиты пробежали мимо.

— Ушли?

— Куда они делись?

— Общайте дворы! Заур сказал — найти мешок и убрать свидетелей.

Голоса удалились. Тишина. Только где-то далеко завывала сирена — через пять-семь минут здесь будет полиция. Но бандиты уже ушли, а героиням нужна была передышка.

Аня выдохнула и заплакала. Всклипы вырывались из груди, она не могла их остановить. Виктория не утешала. Она просто стояла сзади и ждала.

— Помолчи, — сказала она наконец. — Сейчас самое опасное — не бандиты, а твоя истерика.

— Ты... ты ранена, — заметила Аня, увидев кровь на боку Виктории.

— Царапина. Не ссы.

Они просидели в щели ещё минут десять. Потом Виктория выглянула, прислушалась.

— Похоже, ушли. Давай искать место, где пересидеть до утра.

— А Ленка?

— Очнётся и уйдёт. Или вызовет полицию. Нам нельзя светиться, поняла?

Они двинулись дальше. Аня заметила, что рюкзак стал тяжелее — внутри лежал тот самый маленький мешок.

— Что ты туда положила? — спросила она.

— Наши жизни, — коротко ответила Виктория. — Если мы его потеряем, нас убьют всё равно. Не отставай.

Они вышли на задворки магазина. Рядом — три мусорных контейнера. Ржавые, зелёные, с откидными крышками. Запах стоял такой, что можно было вешать топор.

— Туда, — кивнула Виктория на средний.

— Нет, только не это.

— Хочешь жить — полезай.

Виктория откинула крышку. Внутри — чёрные пакеты, тряпки, объедки. Жидкость на дне. Аня вскочила на бортик, перевалилась внутрь. Рюкзак плюхнулся на что-то мягкое и склизкое. Её вырвало — прямо в пакеты. Виктория залезла следом, пригнулась. Крышка захлопнулась.

Темнота. Вонь. Тишина.

— Дай телефон, — шепнула Виктория через несколько минут.

— Зачем?

— Фонарик. Надо посмотреть, что в мешке.

Аня достала айфон. Батарейка — 14%. Экран загорелся. Пропущенные — четырнадцать, все от мамы. Три сообщения: «Ты где?», «Анечка, ответь», «Я звоню в полицию». Виктория увидела экран.

— Не вздумай отвечать. Через сеть вычислят за минуту. Выключи.

— Но мама...

— Мама будет в порядке, если мы останемся живы. Выключай.

Аня замерла. Пальцы дрожали. Она нажала на кнопку выключения — экран погас. Спрятала телефон в карман.

— Умница, — сказала Виктория. — А теперь фонарик.

Аня снова включила телефон — на этот раз в режиме полёта, без сети. Включила фонарик. Луч света выхватил лицо Виктории — разбитая бровь, кровь на щеке, но глаза спокойные, холодные.

— Открой рюкзак, — приказала Виктория.

Аня расстегнула молнию. Внутри, поверх тетрадки, лежал маленький чёрный мешок. Она вытащила его, развязала тесёмку.

Свет фонарика упал на бархатные коробочки. Аня открыла одну. Колье с камнем размером с лесной орех, прозрачным, с синеватым отливом. В другой — серьги с россыпью бриллиантов. Золотые цепочки, кольца с крупными вставками.

— Это... из того магазина? — прошептала Аня.

Виктория взяла одну серьгу, взвесила на ладони.

— Это, мелкая, мой выходной билет. Я успела схватить самое ценное, пока Заур грузил большие мешки. «Слеза Босфора» — бриллиант в десять карат. Плюс гарнитур. На пятнадцать миллионов. Может, больше.

— Ты положила это в мой рюкзак?

— Моя куртка порвана, мешок вываливался бы. А твой рюкзак — самое незаметное место. Кто заподозрит школьницу с единорогом?

— Но теперь меня будут убивать из-за этого?

— Тебя будут убивать из-за того, что ты свидетель. А это — просто довесок. Если мы выживем — продадим и поделим.

— А если нет?

— Тогда некому будет делить.

Виктория сунула серьгу обратно. Аня завязала мешок и убрала его в рюкзак.

— Сколько мы тут просидим? — спросила она.

— До утра. Или пока они не уйдут.

Они сидели в темноте. Холод пробирался сквозь куртку. Аня прижалась к Виктории — та не отстранилась.

— Расскажи про Заура, — попросила Аня.

— Что рассказывать? Работали вместе два года. Я вскрывала сейфы и сигнализации, он брал на себя «силовую часть». Думала, мы команда. А он оказался обычной мразью.

— И что теперь?

— Теперь он хочет меня убить. И тебя за компанию. Потому что мы — свидетели. И потому что у нас «Слеза Босфора».

Аня вздохнула.

— Меня мама убьёт, если узнает.

Виктория усмехнулась.

— Мама — меньшее из зол, мелкая.

Они просидели в контейнере до рассвета. Аня задремала — не глубоким сном, а таким, когда мозг отключается от ужаса. Проснулась от холода и вони. В щель между крышкой и стенкой пробивался серый свет.

— Пора, — Виктория толкнула крышку. Та поддалась с противным скрипом. Женщина высунулась, огляделась. — Пусто. Вылазь.

Аня перевалилась через борт и рухнула на мокрый асфальт. Куртка была в чём-то липком и зелёном. Волосы пахли так, что она снова едва сдержала рвоту.

— Ненавижу, — прошептала она. — Ненавижу этот день, этот город.

— День только начался, — равнодушно сказала Виктория. Она присела на корточки, осмотрела свою рану на боку — кровь запеклась коричневой коркой. — Зашивать придётся.

— Что мы будем делать?

— Во-первых, не «мы». Ты делаешь, что я говорю. Во-вторых, нам нужно отмыться и переодеться. В таком виде нас любой мент остановит.

— У меня есть квартира. Мама на работе до вечера.

Виктория усмехнулась.

— Ты серьёзно? Думаешь, Заур не отправил людей к твоему дому? Он уже знает, кто ты. Камеры в подворотне, твоё лицо. К вечеру твоя фотка будет во всех телеграм-каналах.

— Но это же не...

— Это Россия, мелкая. Полиция продажная, камеры везде. Забудь про маму, папу и дом. Ты теперь в розыске — как соучастница. И майор Соколов — местный куратор, который работает с Зауром — уже, наверное, у твоих родителей. Ждёт твоего звонка, чтобы вычислить нас.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела, как он забирал свою долю с прошлых ограблений.

Аня села прямо на асфальт, обхватив колени руками. Рюкзак валялся рядом.

— Я хочу к маме, — сказала она тихо.

— Все хотят к маме. Но мамы сейчас нет. Поднимайся. Нам нужно на вокзал.

— Зачем?

— В области нас будут искать дольше. Уедем в соседний город, пересидим, а там придумаем план.

Аня взяла рюкзак. Он был тяжелее обычного, но не настолько, чтобы невозможно было нести — килограмма четыре-пять, не больше. Она надела его, лямки впились в плечи.

— Долго я буду таскать твои камни? — спросила она.

— Пока не придумаем, как их продать. Заур уехал с двумя большими мешками. Это копейки по сравнению с тем, что у него. Но для нас — состояние. Если выживем.

— А если Заур найдёт нас?

— Найдёт. Вопрос — когда. У него деньги, люди, связи в полиции. У нас — рюкзак и пара дней форы.

Они двинулись через дворы, стараясь держаться теневой стороны. Аня брела, согнувшись под весом.

— Слушай, — сказала она, запыхавшись. — А ты вообще кто? Профессиональная грабительница?

— Взломщик сейфов и сигнализаций. Фриланс.

— Круто. Я думала, такие только в кино бывают.

— В кино они стреляют из ракетниц и уезжают на феррари. В жизни — получают ножом в живот от своих же.

— И сколько тебе лет?

— Тридцать два.

— А мне шестнадцать.

— Догадалась. У тебя прыщик на подбородке.

Они вышли на маленькую площадь. Остановка пустая. Только пьяный мужик на лавке дрых. Виктория отошла к киоску, делая вид, что рассматривает меню. Аня осталась одна, прижимая к себе рюкзак. В животе урчало — не ела с вечера. И пить хотелось. И спать. И плакать.

Она достала телефон. Включила — в режиме полёта, без сети. 6:15 утра. Батарейка упала до 8% — холод сделал своё дело. Пропущенные звонки и сообщения висели в списке, но она не стала их открывать. Виктория права — нельзя светиться.

— Выключи и убери, — сказала Виктория, подходя. — Идём.

Аня выключила телефон, сунула в карман. Виктория схватила её за руку и потащила прочь от остановки.

— Куда мы?

— Пешком. Через лесопарк.

Они свернули в лесопарк. Деревья стояли голые, ноябрьские, с мокрой корой. Под ногами хлюпала грязь. Аня спотыкалась на каждом шагу, но рюкзак не отпускала.

— Зачем ты меня спасаешь? — спросила она. — Правда. Могла бросить.

Виктория остановилась, повернулась. Приподняла край порванной куртки — на боку темнела глубокая ссадина, из которой всё ещё сочилась кровь.

— Видишь? Я ранена. Бежать с этим мешком я не смогу — выроню, и мы оба трупы. А ты молодая, быстрая, и никто не заподозрит школьницу. Ты — мои ноги. Пока ты несёшь груз, у меня есть шанс вытащить нас обоих.

— То есть я просто выючная лошадь?

— Самая симпатичная выючная лошадь на районе. Идём.

Они вышли к железной дороге. Рельсы уходили вдаль, поблескивая в сером свете. Слева, метрах в трёхстах, стоял товарный состав — вереница полувагонов и цистерн. Поезд не двигался, но из-под него слышалось шипение — воздух в тормозной системе.

— Туда, — кивнула Виктория на последний полувагон с высокими бортами. — Сейчас пойдёт состав, мы спрячемся.

— Как ты узнала?

— Слышу. Рельсы гудят. Минут через пять тронется.

Они подошли к вагону. Виктория залезла первой, протянула руку Ане. Внутри пахло угольной пылью, мазутом и ржавым металлом. Аня втянула рюкзак следом — мешок с камнями глухо стукнул о днище.

— Садись и молчи.

Аня опустилась на холодный металл. Через несколько минут состав дёрнулся — сначала медленно, потом быстрее. В щели между бортами поплыли серые дома, трубы заводов, пустыри. Поезд набирал скорость, увозя их из города.

Аня посмотрела на свои грязные руки, на рюкзак с бриллиантами, на женщину напротив.

— Весь мир сошёл с ума, — прошептала она.

— Мир всегда был сумасшедшим, — ответила Виктория, глядя в проходящую мимо пустоту. — Просто раньше ты этого не замечала.

Поезд ускорялся. Город оставался позади. Впереди были только неизвестность, холод и страх. И рюкзак, который весил теперь не килограммами — смертью.

Глава 1. Цифровой призрак

Аня проснулась не сразу, а как будто вынырнула из какого-то липкого, тяжёлого сна, где темнота имела запах. Сначала она почувствовала холод: он сидел в спине, в пояснице, в коленях, под лопатками, в пальцах, которые она всю ночь сжимала в кулаки так крепко, что ногти оставили на ладонях маленькие полумесяцы. Потом пришла боль. Шея не поворачивалась, правая нога затекла до покалывания, плечо ныло от того, что она спала, прижавшись к рифлёной металлической стенке контейнера. И только после этого на неё обрушился запах. Густой, кислый, влажный, почти живой. Прокишее молоко, гнилая капуста, мокрый картон, кошачья моча, дешёвый табак, сладковатая тухлая рыба и холодная ржавчина. Аня вдохнула, закашлялась, согнулась и едва не ткнулась лицом в чёрный мусорный пакет, который за ночь прилип к её рукаву. Пакет противно чмокнул, когда она отдернула руку. На пальцах осталась липкая серая влага. Несколько секунд она смотрела на неё так, будто это было самое страшное из всего, что произошло вчера. Потом память вернулась вся сразу: вечер, музыка из чужой квартиры, подруга, смех, двор, разбитое стекло, мужские голоса, чей-то приказ, бег, тяжёлое дыхание в горле, рука Виктории на её куртке, рюкзак, который вдруг стал неподъёмным, и этот контейнер — железная пасть, в которую их загнали не как людей, а как мусор, который нужно спрятать до утра. Аня резко подняла голову и ударилась затылком о крышку. Металл гулко ответил. Она зажала рот ладонью, потому что звук показался ей оглушительным.

Напротив, почти не двигаясь, сидела Виктория. При дневном свете, который просачивался через узкую щель между крышкой и корпусом контейнера, она выглядела хуже, чем ночью, но почему-то опаснее. Ночью Аня видела в ней только силуэт, резкие движения и глаза, которые не спрашивали разрешения. Теперь стали видны подробности: короткие тёмные волосы слиплись у виска, на скуле тянулась засохшая царапина, воротник чёрной куртки был в

бурых пятнах, один рукав разошёлся по шву, а под ним белела грязная ткань футболки. Лицо у Виктории было серым от усталости, но глаза оставались ясными. Не испуганными. Не сонными. Не человеческими в обычном смысле. Они работали. Смотрели, считали, сравнивали, запоминали. Аня вдруг поняла, что женщина, скорее всего, действительно не спала. Или спала так, как собака на цепи: одним глазом, одним ухом, половиной мозга. В правой руке у Виктории лежал маленький складной нож. Не угрожающе, не театрально, а буднично, как у других людей лежит телефон или ключи. Большой палец медленно водил по рукояти. Это движение было таким спокойным, что от него становилось не по себе.

— Не стучи, — тихо сказала Виктория.

Аня несколько секунд просто смотрела на неё, всё ещё не веря, что это её утро. Не будильник. Не мама, которая орёт из кухни: «Ты опять проспала». Не чайник. Не кот, который прыгает на кровать. А мусорный контейнер, кровь на чужой куртке и женщина с ножом. Она хотела ответить что-то язвительное, но горло сжалось. Получилось только сиплое:

— Я не специально.

— Специально было бы хуже.

Снаружи послышался скрежет. Потом звон бутылок. Потом тяжёлый удар, будто кто-то бросил в соседний бак мешок с кирпичами. Аня вздрогнула всем телом и машинально вцепилась в лямку своего зелёного рюкзака. Рюкзак лежал рядом, между её ногой и стенкой контейнера, и даже в полумраке выглядел нелепо: школьный, с потёртым карманом, с грязным пятном на боку и маленьким брелоком-единорогом, который каким-то чудом пережил ночь и теперь болтался на молнии, испачканный, но всё ещё розовый. Аня посмотрела на него и почувствовала странный приступ злости. Ей захотелось оторвать этого идиотского единорога и выбросить. Потому что он был из той жизни, где самым страшным было опоздать на контрольную или случайно выложить сторис с кривым лицом. Из той жизни, которая вчера закончилась так быстро, что она даже не успела понять, в какой момент.

— Это что? — прошептала она.

Виктория чуть повернула голову, прислушиваясь не к ней, а к улице.

— Дворники.

— Ты уверена?

— Один хромает. Второй курит. Третий матерится на пакеты. Не группа захвата.

Аня замерла.

— Ты это по звуку поняла?

— По звуку, запаху и уровню интеллекта.

Несмотря на страх, Аня почти фыркнула. Но тут же услышала мужской голос совсем близко. Голос был грубый, утренний, злой. Он ругался на кого-то по телефону, говорил, что «эти козлы опять всё навалили мимо бака», потом кашлянул, сплюнул, и шаги приблизились к контейнеру. Аня ощутила, как тело само сжимается, делается меньше. Ей захотелось исчезнуть, втянуть голову в плечи, стать пакетом, картонкой, чем угодно, только не живой девчонкой в грязной куртке. Виктория подняла два пальца. Тихо. Ни звука. Аня зажала рот ладонью. Снаружи что-то ударило по стенке контейнера. Металл дрогнул. Крышка над головой приподнялась на сантиметр, и полоска света стала шире. Аня увидела кусок серого неба, край кирпичного дома, чёрную ветку дерева. Сердце так сильно забилося, что ей показалось: его слышно снаружи.

Крышка опустилась обратно. Дворник не заглянул внутрь. Он только выругался, потянул какой-то пакет снаружи, снова сплюнул и пошёл дальше. Шаги удалялись медленно, мучительно долго. Где-то рядом хлопнула дверь подъезда, тонко запищал домофон, женщина раздражённо сказала ребёнку: «Быстрее, мы опаздываем», ребёнок ответил что-то сонное и обиженное. Обычная жизнь. Такая обычная, что от неё хотелось плакать. Аня вдруг представила, как сейчас могла бы идти в школу с наушниками в ушах, смотреть в телефон, лениво

листать ленту, ненавидеть всех за то, что утро. И эта обычность показалась ей роскошью, которую она вчера потеряла, как теряют серёжку в траве: глупо, случайно, навсегда.

Виктория подождала ещё немного, потом медленно убрала нож в карман и приподняла крышку на два пальца. Свет резанул по лицу. Она смотрела наружу не как человек, который хочет выбраться, а как человек, который проверяет чужую территорию перед входом. Слева. Справа. Верхние окна. Подъезд. Двор. Машины. Лужи. Камеры. Балконы. Аня видела только узкую щель, но даже по напряжению в плечах Виктории понимала: та сейчас не просто смотрит. Она собирает карту.

— Слушай внимательно, — сказала Виктория, не оборачиваясь. — Сейчас выходим. Не резко. Не бегом. Не озираешься. Не плачешь. Не хватаешься за телефон. Рюкзак на одно плечо не вешать, только на два. Капюшон не натягивать до носа, будешь выглядеть как воришка из плохого сериала. Идёшь рядом, но не вплотную. Если я говорю «стоять» — стоишь. Если говорю «вниз» — падаешь. Если говорю «молчи» — молчишь, даже если считаешь, что у тебя очень важное мнение.

Аня слушала и чувствовала, как злость начинает пробиваться сквозь страх. Злость была маленькая, горячая и очень нужная, потому что без неё она бы сейчас просто разрыдалась. Она обняла рюкзак, поморщилась от его тяжести и сказала:

— А если я хочу домой?

Виктория наконец посмотрела на неё.

— Все хотят домой.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— У меня мама. Она, наверное, всю ночь не спала.

— Наверное.

— Она вызовет полицию.

— Уже вызвала.

От этих слов у Ани внутри всё оборвалось.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у неё пропала дочь. Нормальная мать вызывает полицию. Ненормальная сначала пишет в родительский чат.

— Не смешно.

— Я и не старалась.

Аня полезла в карман за телефоном. Движение было быстрым, почти рефлекторным. Телефон оказался на месте. Живой. Тёплый от её тела. Экран, весь в жирных разводах и одной тонкой трещине в углу, загорелся сразу, будто только этого и ждал. И там было столько уведомлений, что Аня сначала не смогла прочесть ни одного. Пропущенные вызовы. Сообщения. Мессенджеры. Подруга. Мама. Снова мама. Голосовые. Ещё вызовы. Красные значки, цифры, полоски уведомлений. Мир не исчез. Он долбил к ней в экран, требовал ответа, тянул её обратно. От этого стало одновременно легче и страшнее. Она не умерла для всех. Её искали. Её ждали. Её любили. Значит, всё ещё можно было исправить. Просто позвонить. Просто сказать: «Мам, я жива». Просто объяснить, что какая-то психованная женщина не даёт ей выйти. Просто дождаться полиции.

Виктория увидела экран и изменилась в лице. Не сильно. У неё вообще всё происходило без лишней мимики. Но Аня заметила: взгляд стал жёстче.

— Убери.

— Нет.

— Аня.

— Я позвоню маме.

— Нет.

- Ты мне не мать.
- К счастью для нас обеих.
- Я должна сказать, что жива.
- Ты должна остаться живой.
- Это одно и то же!
- Нет.

Аня сжала телефон обеими руками. Пальцы дрожали, но она держала его крепко, как последнюю вещь, которая ещё принадлежала ей. Не Виктории. Не бандитам. Не ночи. Ей. В этом телефоне была её жизнь. Фотографии, чаты, голосовые, тупые мемы, переписки, сохранённые видео, школьные группы, мама, подруги, музыка, пароли, заметки, всё. Без него она была не просто испуганной девчонкой в контейнере. Без него она была никем.

- Я не буду с тобой спорить, — сказала Виктория. — Не сейчас.
- Отлично. Тогда не спорь.

Аня нажала на контакт матери.

Виктория перехватила её запястье так быстро, что Аня даже не успела отдернуть руку. Боли почти не было, только железная фиксация. Пальцы женщины легли точно на сустав, и телефон оказался в воздухе между ними, светящийся, дрожащий, как маленькая бомба.

- Отпусти!
- Не повышай голос.
- Отпусти, сказала!
- Снаружи люди.
- Мне плевать!
- А мне нет.

Они смотрели друг на друга в тесной вонюхонке контейнера, среди пакетов, ржавчины и серого утреннего света. Аня чувствовала, что сейчас либо ударит её, либо расплчется, либо сделает всё сразу. Виктория не злилась. Это было хуже. Она смотрела на Аню так, как врач смотрит на пациента, который пытается вырвать катетер: без ненависти, но и без права на глупость.

- Пять секунд, — прошипела Аня. — Просто пять секунд. Я скажу, что жива.
- За пять секунд телефон успеет отсоединиться от сети.
- Он и так в сети!
- Вот именно.

Аня замолчала. Эта фраза почему-то прозвучала страшнее остальных. Телефон продолжал светиться. На экране появилось новое сообщение от мамы: «АНЯ ОТВЕТЬ ПОЖАЛУЙСТА Я УМОЛЯЮ». Потом ещё одно: «ПОЛИЦИЯ УЖЕ ЕДЕТ». Потом голосовое. Потом вызов. Имя матери запульсировало на экране, и у Ани вдруг всё поплыло перед глазами. Она перестала видеть Викторию, контейнер, мусор. Она видела только слово «мама» и зелёную кнопку ответа.

- Она меня ищет, — сказала Аня уже тише. — Понимаешь?

На лице Виктории что-то едва заметно дрогнуло. Может быть, усталость. Может быть, раздражение. Может быть, воспоминание, которое она тут же задавила.

- Понимаю.
- Тогда дай ответить.
- Нет.
- Да что ты за человек такой?
- Живой. Пока.

Снаружи снова послышался шум. На этот раз другой. Не дворники. Не случайные шаги. Машина медленно въехала во двор, шины прошуршали по мокрому асфальту, двигатель несколько секунд работал на холостых, потом заглох. Виктория мгновенно отпустила Анино запястье, но не потому, что сдалась. Она выключила экран телефона одним движением, при-

жала палец к губам и снова подняла крышку на миллиметр. Аня, всё ещё дрожа от злости, машинально подалась ближе. Через щель она увидела чёрную машину у дальнего подъезда. Не полицейскую. Просто тёмную. Тонированные стёкла. Грязные номера. Из машины никто не выходил.

— Это они? — прошептала Аня.

— Не знаю.

— Как не знаешь? Ты же всё знаешь.

— Я знаю достаточно, чтобы не изображать уверенность там, где её нет.

Минута тянулась бесконечно. Машина стояла. Двор жил своей жизнью. Женщина в пуховике прошла мимо с маленькой собакой, собака рванулась к контейнерам, потянула поводок, залаяла. Аня похолодела. Собака лаяла именно на их контейнер. Тонко, настойчиво, противно. Хозяйка одёрнула её, сказала: «Милка, фу, там гадость», но собака продолжала тянуться к контейнеру, будто чувствовала внутри не мусор, а людей. Аня замерла, боясь пошевелиться. К счастью, хозяйка наконец раздражённо дёрнула поводок и утащила собаку к подъезду. Лай стих. Чёрная машина по-прежнему стояла.

— Нам надо выходить, — сказала Виктория.

— Сейчас?

— Через минуту будет хуже.

— Почему?

— Потому что мусоровоз вернётся на эту линию. Потому что двор просыпается. Потому что твой телефон уже слишком долго живой. Потому что машина у подъезда может быть случайной, а может не быть. Выбирай любое объяснение.

Аня посмотрела на телефон в своей руке. Экран был чёрным, но она знала, что там внутри продолжает биться её прежняя жизнь. Сообщения приходят. Мама звонит. Кто-то уже пересылает её фото. Кто-то обсуждает, что она «пропала после тусовки». Ей стало стыдно и страшно одновременно. Стыдно за грязные волосы, за запах, за контейнер, за то, что её жизнь могла стать чужим контентом. Страшно — потому что Виктория, возможно, была права.

— Я не могу просто исчезнуть, — сказала она.

— Можешь.

— Нет.

— Придётся.

— Это кринж какой-то.

Виктория посмотрела на неё так, будто слово «кринж» было отдельной болезнью.

— Кринж — это когда тебя находят по геолокации и стреляют в лицо.

Аня замолчала.

— Рюкзак надевай, — добавила Виктория. — И не делай такое лицо. Ты не в кино. Камеры крупный план не возьмут.

Рюкзак оказался тяжелее, чем ночью. Аня попыталась поднять его одной рукой, но лямка больно врезалась в пальцы, и рюкзак глухо ударился о дно контейнера. Внутри что-то плотное сместилось. Не звякнуло, не зашуршало, а именно сместилось — тяжело, глухо, как камень в мешке. Виктория на секунду повернула голову. Аня заметила это и нахмурилась.

— Что?

— Ничего.

— Он не был таким тяжёлым.

— Был.

— Нет.

— Ты вчера бежала на адреналине. На адреналине люди машины поднимают. Иногда даже свои оценки по алгебре.

— Очень смешно.

— Я не обещала хороших шуток.

Аня с трудом надела рюкзак на оба плеча. Лямки сразу впелись в плечи, потянули назад. Она качнулась, ухватилась за стенку контейнера, ладонь скользнула по ржавчине и влажной грязи. Хотелось закричать от отвращения, но она только зажмурилась. Виктория наблюдала за ней без сочувствия, но внимательно.

— Корпус чуть вперёд. Вес распределяй на бёдра. Не заваливайся назад. Если побежишь — короткий шаг, не прыгай. Упадёшь — не подставляй руки, рюкзак потянет.

— Спасибо, тренер по помойному фитнесу.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Злишься. Значит, не развалилась.

Эта фраза почему-то ударила точнее, чем грубость. Аня отвернулась. Ей не хотелось, чтобы Виктория видела её лицо. Потому что оно сейчас точно было детским. Не шестнадцатилетним, не дерзким, не «я сама разберусь», а испуганным. Маленьким. Таким, с каким зовут маму, когда ночью поднялась температура.

Виктория приоткрыла крышку шире, ещё раз проверила двор и выбралась первой. Двигалась она странно: быстро, но без суеты, будто каждое движение уже было решено заранее. Одна рука на краю контейнера, нога на выступ, корпус наружу, короткий взгляд влево, вправо, вверх. Через секунду она уже стояла на асфальте и протягивала руку Ане.

Аня посмотрела на эту руку. Сильную, грязную, с содранной костяшкой. Ей ужасно не хотелось её брать. Взять руку — значило признать, что без Виктории она не выберется. Что ей нужна помощь. Что вся её самостоятельность, все её «я не маленькая», все споры с мамой о том, что она может сама ездить вечером, возвращаться поздно, решать, с кем общаться, — всё это сейчас ничего не стоит перед банальной стенкой мусорного контейнера.

— Прыгай, — сказала Виктория.

— Я сама.

— Не геройствуй. У тебя рюкзак.

— Я сказала, сама.

Аня попыталась выбраться без помощи, поставила ногу на скользкий выступ, подтянулась, рюкзак дёрнул её назад, колено ударилось о край, и она почти сорвалась обратно. Виктория поймала её за рукав и вытащила наружу одним резким движением. Аня оказалась на асфальте, согнулась, вдохнула утренний воздух и вдруг поняла, что даже грязный двор пахнет свободой по сравнению с контейнером. Холодный воздух обжёг лёгкие. Ветер тронул мокрые волосы у висков. Где-то далеко шумела трасса. Над пятиэтажками висело серое небо, низкое, неуютное, московско-областное, такое, под которым всё кажется немного беднее и честнее: облезлая детская площадка, мокрые лавочки, окурки у подъезда, рекламная наклейка «Ремонт холодильников» на ржавой двери мусорной камеры, голуби, которые ковыряли разорванный пакет у соседнего бака.

Аня стояла среди всего этого с тяжёлым рюкзаком и телефоном в руке, в грязной куртке, с запахом помойки в волосах, и не могла поверить, что прохожие не останавливаются. Никто не смотрел на неё как на главную героиню катастрофы. Мужчина с портфелем прошёл мимо, не отрываясь от экрана. Девушка в наушниках обогнула лужу. Старушка несла пакет из «Пятёрочки». Дворник снова матерился где-то за углом. Мир не заметил, что Аня только что выбралась из контейнера после ночи, в которой её, кажется, пытались убить.

— Идём, — сказала Виктория.

— Куда?

— Отсюда.

— Это не ответ.

— Пока лучший из доступных.

Они пошли вдоль дома, не к арке, где было открытое пространство, а к узкому проходу между гаражами и кирпичной пристройкой. Виктория двигалась чуть впереди, но не настолько, чтобы казаться с Аней вместе. Она уже успела изменить походку: стала медленнее, расслабленнее, как обычная женщина после тяжёлой ночной смены или неприятного утра. Нож исчез. Лицо стало пустым. Даже усталость теперь выглядела бытовой, не криминальной. Аня пыталась повторять за ней, но рюкзак тянул назад, плечи болели, а телефон в ладони казался горячим. Она украдкой нажала на кнопку. Экран вспыхнул. Новые сообщения. Новый вызов. Мама.

Виктория даже не обернулась.

— Выключи экран.

Аня застыла.

— Ты на затылке видишь?

— Ты отражаешься в окне машины.

Аня посмотрела налево. В грязном стекле припаркованной «Лады» действительно отражалась её рука с телефоном. Она почувствовала раздражение, почти унижение. Невозможно было сделать ничего без того, чтобы эта женщина не заметила.

— Мне нужно ответить.

— Мы уже обсуждали.

— Нет, это ты обсуждала сама с собой.

— Значит, повторю для аудитории. Телефон убери.

— А если я закричу?

Виктория остановилась. Медленно повернулась. Не угрожающе. Спокойно. От этого стало хуже.

— Тогда кто-нибудь выглянет из окна. Кто-нибудь снимет нас на видео. Через десять минут ролик будет в районном чате. Через двадцать — у людей, которые ищут твой рюкзак. Через тридцать — мы снова будем бежать. Только уже уставшие, грязные и с твоей истерикой в качестве саундтрека.

Аня стиснула зубы.

— Ты всё превращаешь в конец света.

— Потому что иногда это экономит время.

Они прошли мимо торца дома. На стене висела камера видеонаблюдения — белая полу-сфера под козырьком подъезда. Виктория заметила её раньше, чем Аня успела поднять голову. Женщина чуть сместилась, пошла ближе к припаркованным машинам, так, чтобы их частично закрывал высокий фургон с надписью «Доставка воды». Аня автоматически пошла следом. Камера смотрела куда-то в сторону двери, но всё равно ей стало неприятно. Вчера она никогда бы не подумала о камере. Камеры были частью города, как урны или светофоры. Они просто были. Теперь каждая выглядела глазом.

— Видишь? — спросила Виктория.

— Камеру?

— Умница. Уже не совсем мебель.

— А раньше я была мебель?

— Раньше ты была человеком с телефоном и нулевой ситуационной осведомлённостью.

— Это оскорбление?

— Диагноз.

Аня хотела ответить, но телефон снова завибрировал. Уведомление от подруги: «ТЫ ГДЕ??? ТВОЯ МАМА У МЕНЯ». Следом: «МЕНЯ МЕНТЫ СПРАШИВАЛИ». Следом: «АНЬ ЭТО НЕ СМЕШНО». У Ани внутри всё похолодело. Полиция уже была у подруги. Значит, всё реально. Не просто мама запаниковала. Не просто ночной кошмар. Её искали официально. И если её искали официально, значит, можно было прийти, объяснить, показать Викторию, рассказать про мужчин, про стекло, про рюкзак. Она резко остановилась.

— Они уже у Лены.

— Кто?

— Полиция.

— Поздравляю. Система начала делать вид, что работает.

— Ты не понимаешь! Они ищут меня!

— Я понимаю лучше тебя.

— Нет! Ты вообще никого не любишь, да? Тебе просто удобно тащить меня куда-то, потому что у тебя свои проблемы!

Виктория подошла ближе. Между ними оставалось меньше метра. За спиной у Ани стоял грязный фургон, впереди — женщина, которая вчера вытащила её из смерти и теперь не давала вернуться к жизни.

— Послушай меня, — сказала Виктория тихо. — Вчера ночью тебя увидели люди, которые не оставляют свидетелей. Один из них связан с теми, кто носит форму. Если ты сейчас придёшь в ближайший отдел, тебя не посадят на диван, не дадут какао и не скажут: «Бедная девочка, всё закончилось». Тебя сначала изолируют. Потом заберут телефон. Потом начнут задавать вопросы. Потом появится добрый мужчина лет пятидесяти, очень вежливый, с усталыми глазами и голосом, которому хочется верить. Он скажет твоей матери, что всё под контролем. Он скажет тебе, что Виктория опасная преступница. Он скажет, что нужно просто отдать рюкзак. А потом ты исчезнешь из протоколов.

Аня смотрела на неё и не могла вдохнуть.

— Ты это придумываешь.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

Виктория не ответила сразу. На секунду её лицо стало совсем чужим. Не холодным, не злым, а старым — не по возрасту, а по тому, что оно помнило.

— Потому что меня уже так списывали.

Где-то рядом хлопнула дверь машины. Обе одновременно повернули головы. Из чёрной машины у подъезда вышел парень в серой толстовке. Молодой, лет двадцать пять, обычный до безликости. Он не смотрел прямо на них, но слишком медленно закрыл дверь. Слишком долго поправлял капюшон. Слишком внимательно оглядывал двор. Виктория мгновенно взяла Аню за локоть и повела дальше, не ускоряясь.

— Не смотри на него.

— Он за нами?

— Возможно.

— Это твой любимый ответ?

— Мой любимый ответ — «нет». Но сегодня не тот день.

Аня шла, чувствуя, как рюкзак бьёт по спине при каждом шаге. Лямки уже натерли плечи. Телефон в руке снова завибрировал, но теперь она не смотрела. Не потому, что смирилась. Нет. Внутри всё кричало: ответь, ответь, пока ещё можно. Но рядом шёл этот парень. Позади стояла чёрная машина. Впереди была арка, за ней улица, автобусы, люди, камеры, жизнь. И Виктория, которая держала её за локоть так крепко, будто та могла в любую секунду сорваться и побежать прямо в пасть.

Они вышли из двора и свернули к остановке, где уже толпились люди с сонными лицами. Виктория начала диктовать базовые правила: телефон не использовать, никому не писать, даже точку, даже смайлик, даже своё гениальное «я жива, не кипишуйте». Третье: не смотреть в камеры. Четвёртое: не покупать ничего картой. Пятое: если видишь полицию — не радуешься. Шестое: если слышишь своё имя — не оборачиваешься. Седьмое: если я говорю идти — идёшь.

— А восьмое?

— Не задаёшь тупых вопросов.

— Поздно.

— Я заметила.

Остановка пахла мокрой одеждой, дешёвым кофе из автомата и утренним раздражением. Люди стояли, уткнувшись в телефоны. У каждого в руке был маленький светящийся прямоугольник, и Аня вдруг увидела это со стороны: десятки экранов, десятки лиц, согнутых над ними, десятки добровольных маяков. Ещё вчера она была такой же. И сейчас хотела быть. Хотела снова стать нормальной девочкой, которая пишет маме, жалуется подруге, смотрит, кто лайкнул фотку. Но Виктория стояла рядом и смотрела не на телефоны, а на отражения в стекле остановочного павильона. На окна автобуса. На человека в серой толстовке, который вышел из двора и теперь будто случайно шёл в их сторону.

Телефон снова завибрировал. Аня не выдержала. Она опустила взгляд. На экране было короткое сообщение от мамы: «ДОЧЕНЬКА ЕСЛИ ТЫ ЭТО ВИДИШЬ ПРОСТО НАЖМИ ЛЮБУЮ КНОПКУ». И вот это окончательно сломало её. Не угрозы. Не кровь. Не контейнер. Не тяжёлый рюкзак. А эта фраза. Просто нажми любую кнопку. Потому что в ней была вся мама: не требующая объяснений, не ругающая, не спрашивающая, почему она не дома. Просто дай знак, что ты есть.

Аня большим пальцем коснулась экрана.

Виктория перехватила телефон раньше, чем сообщение успело открыться. На этот раз не мягко. Она вырвала его одним движением, развернулась и пошла от остановки в сторону подземного перехода.

— Эй! — Аня бросилась за ней. — Отдай!

Люди на остановке обернулись. Кто-то равнодушно посмотрел, кто-то усмехнулся, одна женщина нахмурилась, но вмешиваться никто не стал. В городе можно было увидеть почти всё, если это не касалось лично тебя.

— Отдай телефон! — прошипела Аня, догнав Викторию у лестницы.

— Нет.

— Ты не имеешь права!

— Имею возможность. В экстремальных ситуациях этого достаточно.

— Это мой телефон!

— Был.

— Что значит «был»?

Виктория остановилась у входа в переход. Снизу тянуло сыростью, мочой, холодным бетоном и жареными пирожками из ларька на другой стороне. Над ступенями гудела лампа. По плитке стучали каблуки. Где-то внизу играл уличный музыкант — плохо, устало, одну и ту же мелодию, от которой становилось ещё тоскливее.

— Это уже не телефон, — сказала Виктория. — Это поводок. И на другом конце не твоя мама.

Аня смотрела на неё, тяжело дыша.

— Я тебя ненавижу.

— Нормально. Ненависть тоже держит в тонусе.

— Ты больная.

— Возможно.

— Ты просто хочешь контролировать меня.

— Да.

Аня замолчала, не ожидая такой честности.

Виктория убрала телефон во внутренний карман куртки и кивнула вниз, в переход.

— Пошли.

— Без телефона я никуда не пойду.

— Пойдёшь.

— Нет.

— Пойдёшь, потому что парень в серой толстовке сейчас стоит у киоска и делает вид, что выбирает жвачку. Потому что чёрная машина больше не у подъезда. Потому что твоя мать уже вызвала полицию, а полиция — не равно спасение. И потому что если ты сейчас останешься здесь, то через час будешь очень жалеть, что не послушала женщину, которая хотя бы примерно понимает, как долго живут свидетели.

Аня медленно повернула голову. Парень действительно стоял у киоска. Он не смотрел на них прямо. Но и жвачку не выбирал. Просто стоял слишком ровно, слишком спокойно, с телефоном у уха. Мир качнулся. Всё, что ещё минуту назад казалось истерикой Виктории, вдруг получило форму. Аня сделала шаг вниз. Потом второй. Рюкзак больно ударил по спине. Единорог на молнии тихо стукнулся о пластик застёжки. Сверху завизжали тормоза автобуса. Кто-то засмеялся. Кто-то ругнулся. Телефон, спрятанный у Виктории в кармане, снова начал вибрировать — глухо, настойчиво, как сердце, которое ещё не знало, что его собираются остановить. И Аня поняла: утро только началось.

В переходе было теплее, чем на улице, но от этого не становилось легче. Тепло здесь было грязным, человеческим, залежавшимся: мокрые куртки, дешёвые пирожки, перегретое тесто, кислый кофе из автомата, сырость стен, старая моча возле закрытого киоска и металлическая пыль от перил. Аня шла за Викторией вниз по ступеням и чувствовала, как каждый шаг отдаётся в плечах. Рюкзак тянул назад, лямки врезались в тело через куртку, и ей приходилось чуть наклоняться вперёд, чтобы не потерять равновесие. После ночи в контейнере ноги слушались плохо: колени были ватными, мышцы дрожали, в правой ступне всё ещё покалывало от онемения. Но сильнее всего болела не спина и не шея. Сильнее всего болело то место внутри, где ещё несколько минут назад был телефон. Он был у Виктории. В кармане её грязной чёрной куртки. Живой. Звонящий. Вибрирующий. Аня слышала это даже сквозь шум перехода. Может быть, на самом деле не слышала, а просто знала. Как будто телефон продолжал вибрировать не в чужом кармане, а у неё в грудной клетке. Мама звонила. Мама писала. Мама, наверное, уже сорвалась на крик, потом на слёзы, потом снова на крик. И где-то рядом с ней были полицейские, соседи, отец Лены, сама Лена с опухшим лицом после бессонной ночи, чужие взрослые, которые задавали вопросы и делали вид, что контролируют ситуацию. Аня представляла свою комнату: кровать не заправлена, худи на стуле, чашка на подоконнике, зарядка у розетки, открытая тетрадь, в которой она вчера так и не дописала какую-то глупую домашку. Всё там оставалось на месте. А она сама шла по переходу в одежде, пахнущей помойкой, рядом с женщиной, которая отобрала у неё единственную нитку к дому.

На середине лестницы Виктория вдруг остановилась и, не оборачиваясь, сказала:

— Не реви.

Аня застыла.

— Я не реву.

— Пока нет. Через двадцать секунд начнёшь. Предупреждаю заранее.

— Ты вообще человек?

— По документам.

— Документы, наверное, поддельные.

— Не все.

Аня стиснула зубы так, что заболели скулы. Ей хотелось вцепиться Виктории в волосы, вывернуть карман, забрать телефон и убежать наверх, к людям, к остановке, к автобусу, к полиции, к маме. Но впереди, у киоска, где продавали сигареты и жвачку, в отражении мутной витрины она снова увидела серую толстовку. Парень не спускался за ними явно. Он держался выше, у входа, будто просто разговаривал по телефону. Но стоял так, чтобы видеть лестницу. Виктория, не поворачивая головы, тоже видела его в отражении. Это почему-то окончательно добило Аню. Не потому что стало страшно. А потому что страх получил доказательство. До

этого ещё можно было спорить, что Виктория преувеличивает, что машина случайная, что парень просто парень, что полиция поможет, что всё это бредовый сон после плохой вечеринки. Теперь сон упорно не заканчивался.

Внизу переход расходился на две стороны. Слева тянулся длинный коридор к выходу у торгового ряда, справа — к автобусной остановке и маленькой площади перед станцией. На стенах висели объявления: «Куплю волосы дорого», «Ремонт телефонов», «Кредит без отказа», «Юрист. Списание долгов», «Пропала кошка Соня». Последнее объявление Аня заметила слишком ясно. На нём была распечатанная фотография рыжей кошки с круглыми глазами и номер телефона внизу. Кто-то заботливо оторвал несколько бумажных язычков с цифрами. Кошку искали. По-человечески, открыто, с объявлениями, с надеждой. Аню тоже искали, только её фотография, наверное, уже уходила не на столбы, а в чаты, ориентировки, служебные группы, каналы, где люди с удовольствием пишут «жесть» под чужой бедой.

Виктория свернула не к станции, а к ряду мелких магазинчиков. Один киоск только открывался: женщина в синей жилетке поднимала металлическую шторку, ругаясь себе под нос. Изнутри пахло кофе, пластиком и вчерашней выпечкой. Рядом пожилой мужчина раскладывал газеты, хотя Аня была уверена, что газеты уже никто не покупает, кроме людей, которые принципиально ненавидят интернет. У стены стоял автомат с водой, гудел холодильник с напитками, на потолке мигала лампа, и от этого всё пространство казалось больничным, бледным, ненастоящим.

— Стой здесь, — сказала Виктория.

— Нет.

— Это было не приглашение к дискуссии.

— Отдай телефон.

— Позже.

— Сейчас.

Виктория посмотрела на неё. В её взгляде не было раздражения. Это было почти обидно. Она не воспринимала Анину злость как угрозу, только как шум.

— Ты можешь орать, — сказала она тихо. — Можешь привлечь внимание. Можешь устроить сцену. Тогда к нам подойдёт охранник, потом вызовут наряд, потом парень в серой толстовке получит красивую возможность не марать руки самому. И всё это произойдёт потому, что тебе очень хочется нажать зелёную кнопку. Достойный финал.

— Ты не знаешь мою маму.

— Мне и не надо.

— Она не выдержит.

— Выдержит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что матери выдерживают почти всё. Иногда зря.

Эта фраза прозвучала странно. Не как сарказм. Не как профессиональная сухость. В ней было что-то личное, но Виктория тут же закрыла это лицо, как закрывают дверь перед сквозняком. Она отвернулась к киоску и купила две бутылки воды, пачку влажных салфеток и дешёвые жевательные резинки. Наличными. Купюры достала из внутреннего кармана, мятые, старые. Продавщица даже не посмотрела на них толком. Её больше интересовал телефон, лежавший рядом с кассой: там кто-то прислал голосовое, и она слушала его на минимальной громкости, прижимая ухо к динамику.

Аня не выдержала и шагнула ближе к Виктории.

— Пожалуйста, — сказала она уже не зло, а тихо. От этого самой стало противно. — Просто дай мне сказать одно предложение. «Мам, я жива». Всё. Я больше ничего не скажу. Даже где я, не скажу. Клянусь.

Виктория взяла сдачу, бутылки, салфетки, отошла от киоска и только потом ответила:

— Ты не умеешь молчать, когда боишься.

— Умею.

— Нет.

— Ты меня вообще не знаешь.

— Уже знаю достаточно.

— Да что ты знаешь?

— Что ты будешь плакать. Что она будет кричать. Что ты начнёшь оправдываться. Что она спросит, где ты. Что ты посмотришь по сторонам. Что скажешь хотя бы одну деталь. Станция, переход, автобус, киоск, что угодно. Или она включит громкую связь, потому что рядом полицейский. Или у неё уже пишется разговор. Или твой номер уже стоит на контроле. Или твой телефон уже отдал последнюю координату. Мне продолжать?

Аня смотрела на неё, и каждое слово било неприятно точно. Она хотела сказать, что всё это паранойя. Но парень в серой толстовке всё ещё был где-то наверху. Чёрная машина исчезла. Полиция уже была у Лены. А её телефон действительно всё ещё работал. Значит, мир, который она держала в ладони, мог держать её за горло.

— Я не могу не ответить, — сказала она.

Виктория открыла бутылку воды и протянула ей.

— Пей.

— Я не хочу.

— Пей, пока не упала.

— Отдай телефон.

— Вода сначала.

— Ты издеваешься?

— Регидратация важнее истерики.

Аня выхватила бутылку, сделала несколько больших глотков и сразу закашлялась. Холодная вода ударила в пустой желудок. Она вдруг поняла, что не ела с прошлого вечера, а может, и раньше. В животе болезненно сжалось. Виктория наблюдала, потом кивнула на салфетки.

— Руки. Лицо. Волосы не трогай, только хуже размажешь. Куртку застегни. Рюкзак не снимай.

— А запах?

— Запах — наш союзник.

— В смысле?

— От тебя несёт так, что люди будут смотреть в сторону из вежливости.

Аня на секунду потеряла дар речи.

— Спасибо. Очень поддержала.

— Не за что.

Она вытерла руки влажной салфеткой. Серая грязь пошла полосами. Потом лицо. Щёки щипало. Под ногтями было чёрное. На рукаве куртки — засохшая грязь, на джинсах — пятна, на кроссовках — что-то липкое. Она представила, как выглядит со стороны: школьница после конца света. Только без красивого фильтра, без драматичной музыки и без шанса переснять дубль. И всё равно главным оставался телефон. Он снова завибрировал. На этот раз Аня увидела это по куртке Виктории: ткань едва заметно дрогнула. Женщина тоже почувствовала. Её лицо стало жёстче.

— Кто? — спросила Аня.

— Не важно.

— Важно.

— Это мама?

Виктория не ответила. Аня шагнула к ней и попыталась сама сунуть руку в карман. Виктория перехватила её запястье, развернула, прижала к стене перехода. Не больно, но жёстко.

Мир на секунду сузился до холодной плитки под лопатками, запаха сырости и лица Виктории совсем близко.

- Не лезь ко мне в карманы.
- Тогда не воруй мои вещи!
- Я спасаю тебе жизнь.
- Да не просила я!
- Просила. Когда бежала и орала.
- Я не орала!
- Орала.
- Отпусти!

Несколько прохожих оглянулись. Виктория тут же отпустила её и отступила на шаг, будто ничего не произошло. Аня, наоборот, стояла красная, дрожащая, с горящими глазами. Ей было унижительно. Унижительно, что её так легко остановили. Унижительно, что люди посмотрели и прошли мимо. Унижительно, что она хочет к маме, как маленькая, и не может даже позвонить.

Телефон снова начал звонить. Уже не коротко вибрировать, а долго, настойчиво. Виктория посмотрела вниз на карман, потом на Аню. В её лице работал расчёт. Аня вдруг поняла: сейчас решается что-то важное.

- Ты хотела звонок, — сказала Виктория.

Аня замерла.

- Да.
- Получишь.
- Правда?
- Один. На моих условиях.
- Каких?

— Громкую связь не включать. Локацию не говорить. Названия не называть. Станции, улицы, ориентиры — ничего. Не говоришь, с кем ты. Не говоришь про рюкзак. Не говоришь про контейнер. Не говоришь про вчерашних людей. Только: «Я жива. Я сама выйду на связь». Всё.

- Она спросит, где я.
- Не отвечаешь.
- Она будет плакать.
- Не отвечаешь.
- Она вызвала полицию.
- Особенно не отвечаешь.

— Сорок секунд, — перебила Виктория. — На сорок первой я забираю телефон. Если начнёшь сливать информацию — заберу раньше.

Аня кивнула слишком быстро. Ей было всё равно на условия. Всё равно на угрозы. Всё равно на тон. Главное — услышать маму. Услышать настоящий голос, не буквы на экране, не всплывающие уведомления. Голос. Живой. Домашний. Тот самый голос, который ругал за беспорядок, спрашивал, ела ли она, раздражал своей тревожностью и вдруг стал самым нужным звуком на свете.

Виктория достала телефон. Экран был весь в уведомлениях. Вызов ещё шёл. Мама. Фото контакта — мама на даче, в смешной панаме, улыбается. Аня увидела это фото и сразу расплакалась, хотя секунду назад собиралась держаться. Слёзы пошли сами, горячие, злые, некрасивые. Виктория поморщилась.

- Соберись.
- Я собрана.
- У тебя лицо течёт.
- Заткнись.

— Уже лучше.

Виктория нажала на ответ, но телефон из рук не выпустила. Она держала его так, чтобы Аня могла говорить, но не могла убежать с ним. Это было отвратительно и разумно одновременно.

— Аня?! — голос матери ударил так громко, что Аня вздрогнула. — Аня, господи, это ты?! Ты где?! Аня!

Услышать её оказалось почти физически больно. В груди что-то разорвалось. Все слова, которые Аня готовила, рассыпались. Она только всхлипнула.

— Мам...

— Аня! Господи! Доченька, где ты?! Что случилось?! Ты почему не отвечала?! Мы всю ночь... Господи, ты жива? Ты ранена? Где ты сейчас?

Виктория подняла руку и начала отсчитывать пальцами. Сорок секунд. Тридцать девять.

— Я жива, — выдавила Аня. — Мам, я жива.

— Где ты?! Я сейчас приеду! Скажи адрес! Полиция здесь, они помогут, ты только скажи где ты!

Аня посмотрела на Викторию. Та медленно покачала головой.

— Я не могу.

— Что значит «не можешь»? Аня, ты с кем? Тебя кто-то держит? Скажи да или нет! Если рядом кто-то есть, просто кашляни!

— Мам, нет, я...

Виктория резко сжала пальцы на корпусе телефона. Предупреждение.

— Я сама выйду на связь, — сказала Аня, глотая слёзы. — Пожалуйста, не...

— Что «не»? Аня, ты меня слышишь? Не отключайся! Полиция сказала, что твой телефон можно найти, они уже работают, ты только держи его включённым! Папа сейчас едет, Лена плачет, мы все...

— Кто из полиции? — внезапно спросила Виктория.

Аня испуганно посмотрела на неё.

На том конце наступила доля тишины.

— Кто это? — голос матери сразу изменился. В нём появился ужас. — Аня, кто рядом с тобой?

Виктория забрала телефон ближе к себе.

— Фамилия сотрудника.

— Кто вы такая?! Что вы сделали с моей дочерью?!

— Фамилия сотрудника, который у вас дома.

— Я вызываю полицию! Вы слышите? Они уже здесь! Они вас найдут!

— Фамилия.

В трубке послышались голоса. Мужской голос на фоне что-то сказал спокойно, почти ласково. Аня не разобрала слов, но увидела, как лицо Виктории стало неподвижным. Не просто серьёзным. Каменным.

Мать заговорила уже тише, будто кто-то стоял рядом и слушал:

— Здесь майор Соколов. Он сказал, что всё будет хорошо. Аня, пожалуйста, делай, что он говорит. Он говорит, тебе нужно оставаться на линии. Они определяют, где ты. Доченька, не бойся. Это полиция.

Виктория нажала отбой, спрятала телефон в карман и резко оглянулась. В полумраке перехода, метрах в пятнадцати, она заметила движение. Парень в серой толстовке, тот самый, что стоял у киоска, спускался по лестнице. Он уже не скрывался — шёл прямо к ним, и в опущенной руке блеснул нож.

— Стой здесь, — шепнула Виктория и шагнула вперёд.

Парень ускори́лся. Виктория ждала, пока он приблизится, а когда замахнулся, ушла в сторону, перехватила его руку и резко дёрнула вниз. Нож звякнул о плитку. Второй рукой она ударила парня локтем в переносицу — коротко, сильно. Он охнул и начал оседать. Виктория толкнула его на колени, и он замер, схватившись за лицо.

— Бежим, — сказала она, хватая Аню за локоть. Они рванули в конец перехода, свернули за угол и смешались с толпой у выхода. Парень остался сидеть на полу, провожая их мутным взглядом.

Мир на секунду исчез. Аня смотрела на погасший экран и не понимала, что произошло. Потом поняла.

— Ты что сделала?

— То, что должна была.

— Она же говорила!

— Именно.

— Ты отключила мою маму!

— Да.

— Ты больная! Ты совсем больная!

Аня бросилась к ней, уже не думав ни о парне в серой толстовке, ни о переходе, ни о людях. Она ударила Викторию кулаком в плечо. Потом ещё раз. Удары вышли слабыми, детскими, но в них было всё: страх, бессилие, контейнер, ночь, запах мусора, мама в трубке, слово «Соколов», которое для Ани пока ничего не значило, и ненависть к единственному человеку рядом. Виктория позволила ударить себя два раза. На третий поймала её руки.

— Хватит.

— Нет! Отдай! Я ей перезвоню!

— Нет.

— Она с ума сойдёт!

— Зато останется жива.

— Что ты несёшь?

— То, что твоя мать сейчас стоит рядом с человеком, который может заказать твою смерть и оформить это как спасательную операцию.

Аня замерла. Слова были слишком большими, слишком страшными, слишком киношными. Их невозможно было принять в переходе, где рядом продавали пирожки и кто-то ругался из-за сдачи. Майор. Заказать смерть. Мать. Полиция. Всё это не помещалось в одну реальность.

— Он полицейский, — сказала она.

— Да.

— Значит, он должен помогать.

Виктория коротко усмехнулась. Без веселья.

— Хорошая версия мира. Держись за неё, если хочешь умереть с чистой душой.

— Ты не можешь так говорить.

— Могу.

— Ты его знаешь?

Виктория молчала. И этого молчания оказалось достаточно.

— Ты его знаешь, — повторила Аня.

— Знаю.

— Кто он?

— Проблема.

— Для тебя?

— Теперь для нас.

Аня отступила на шаг. Плитка под ногами была скользкой, рюкзак тянул назад, и она едва не села прямо на грязный пол. Виктория автоматически протянула руку, но Аня отдернулась.

— Не трогай меня.

— Как скажешь.

— Нет, ты скажи. Что происходит? Почему он у моей мамы? Почему ты его боишься? Почему он ищет меня? Что в этом рюкзаке? Почему все смотрят на рюкзак? Почему вчера тот мужик сунул туда мешок? Почему ты делаешь вид, что это нормально?!

Она выпалила всё на одном дыхании и только потом поняла, что люди вокруг опять смотрят. Мужчина с газетами перестал раскладывать пачки. Продавщица в киоске подняла голову. У лестницы на секунду мелькнула серая толстовка и исчезла. Виктория заметила это тоже.

— Позже, — сказала она.

— Нет. Сейчас.

— Сейчас мы уходим.

— Я никуда с тобой не пойду.

— Пойдёшь.

— Не пойду!

Виктория наклонилась ближе и сказала очень тихо:

— Соколов у твоей матери. Твой телефон только что дал активность. Парень наверху видел, как мы спорим. Через несколько минут здесь станет тесно. Если хочешь доказать всем, что ты взрослая, выбери момент поумнее.

Аня дышала часто, прерывисто. Хотелось спорить. Но тело уже верило Виктории больше, чем голова. Тело помнило ночь. Тело помнило бег. Тело помнило, как рука Виктории вытаскивала её за куртку за секунду до того, как сзади что-то грохнуло в стену. Тело хотело жить, даже если сердце хотело к маме.

— Что он с ней делает? — спросила Аня почти беззвучно.

Виктория ответила не сразу.

— Пока ничего.

— Пока?

— Ему нужна ты. И то, что у тебя.

— Что у меня?

Виктория посмотрела на рюкзак. Слишком быстро. Но Аня заметила.

— Что в рюкзаке?

— Потом.

— Да что значит «потом»?!

— Значит, когда мы не будем стоять под камерами в переходе после звонка, который, вероятно, уже засветил сектор.

Аня подняла голову. Камера была прямо над ними. Чёрный полушар под потолком, заляпанный пылью. Она смотрела вниз равнодушным стеклянным глазом. Аня вдруг почувствовала себя голой. Не в смысле одежды. В смысле видимости. Её можно было увидеть везде. В телефоне, в камере, в отражении витрины, в чужом взгляде, в мамином голосе, в полицейском протоколе, в школьном чате. Она всю жизнь думала, что быть онлайн — значит существовать. Теперь Виктория пыталась доказать ей обратное: существовать — значит быть найденной.

Телефон снова завибрировал. На этот раз обе посмотрели на него одновременно. Виктория не стала читать уведомление. Она просто выключила экран.

— Больше звонков не будет, — сказала она.

— Нет.

— Да.

— Ты обещала один. Я его получила. Теперь я хочу ещё.

— Это не магазин.

— Я должна объяснить маме!

— Ты уже сказала, что жива. Этого достаточно.

— Для кого достаточно? Для тебя?

— Для ситуации.

Аня рассмеялась. Коротко, истерично, почти беззвучно.

— Для ситуации. Класс. Моя мать там сходит с ума, какой-то майор стоит у неё дома, меня ищут бандиты, я пахну помойкой, у меня рюкзак весит как труп, а ты говоришь «для ситуации».

— Труп весит больше.

Аня уставилась на неё.

— Что?

— Ничего.

— Это была шутка?

— Плохая.

— Да ты просто подарок судьбы.

— Обычно меня называют иначе.

Секунда абсурдной тишины вдруг разрядила напряжение не до конца, но слегка. Аня почти ненавидела себя за то, что ей захотелось усмехнуться. Нельзя было усмехаться, когда мама плачет. Нельзя было разговаривать с этой женщиной так, будто они знакомы. Нельзя было привыкать. Но мозг цеплялся за любую щель, где можно было не паниковать.

Виктория открыла пачку жвачки, высыпала две пластинки себе в ладонь и протянула Ане.

— Жуй.

— Зачем?

— Запах перебить. И челюсть займёшь, меньше будешь орать.

— Ты всегда такая заботливая?

— Нет. Сегодня я почти нежная.

Аня взяла жвачку только потому, что во рту действительно было мерзко. Сладкий мятный вкус показался неуместным, почти роскошным. Он не убрал запах контейнера, но хотя бы создал иллюзию, что её тело всё ещё принадлежит цивилизации.

Они двинулись по переходу к дальнему выходу. Виктория шла не быстро, но направление выбрала так, чтобы не возвращаться к серой толстовке. Аня шла рядом, чувствуя странное опустошение после звонка. Она слышала маму. И стало не легче. Стало хуже. Потому что теперь мама была не спасением, а ещё одной точкой риска. Раньше Аня думала: стоит дотянуться до дома, и всё закончится. Теперь дом оказался под чужим контролем. Там сидел майор Соколов, которого Виктория знала и боялась не как случайного полицейского, а как человека из прошлого. И это прошлое, похоже, протянуло руку к Ане через её собственный телефон.

У выхода из перехода Виктория остановилась в тени, не поднимаясь сразу на улицу. Сверху доносился шум машин, визг тормозов, голоса торговцев, короткий лай собаки. На ступенях лежал раздавленный стаканчик из-под кофе. По перилам стекала вода. В углу сидел бездомный в старой куртке, но не спал: глаза у него были открыты, мутные и внимательные. Он посмотрел на Анин рюкзак, потом на Викторию, потом быстро отвёл взгляд. Виктория заметила и это.

— Сними брелок, — сказала она.

— Что?

— Единорога. Сними.

Аня машинально взялась за брелок.

— Зачем?

— Примета. Запоминается.

— Это просто брелок.

— Именно.

— Нет.

Виктория посмотрела на неё с лёгким недоумением.

— Ты серьёзно?

Аня сама понимала, как глупо это выглядит. Телефон отобрали. Мама плачет. За ними следят. А она держится за грязного розового единорога. Но именно поэтому и держалась. Если снять его, рюкзак окончательно станет не её. Жизнь окончательно станет не её. А этот брелок купила мама в каком-то дурацком переходе после ссоры, когда они обе делали вид, что не извиняются, но всё уже простили. Он был смешной, дешёвый, с облезлым золотым рогом. И сейчас он почему-то значил больше, чем должен.

— Нет, — повторила Аня. — Не сниму.

— Ладно. Пока.

— Что значит «пока»?

— Значит, когда он нас сдаст, я скажу «я предупреждала».

— Ты невыносима.

— Зато полезна.

Они поднялись наверх. Улица встретила их мокрым ветром и шумом утреннего потока. Машины ползли к светофору, маршрутка высаживала пассажиров, у ларька с шаурмой стояли двое рабочих, курили и спорили о зарплате. На другой стороне дороги виднелась вывеска станции. Люди шли туда плотнее, быстрее, с одинаковыми лицами тех, кто ещё не проснулся, но уже опоздал. В этом потоке было легко раствориться, если знать как. Виктория явно знала. Она сразу изменила темп, встроилась между женщиной с пакетом и мужчиной в пуховике, заставила Аню идти рядом, но не прилипать. Снаружи они стали похожи на кого угодно: тётка и трудная племянница, мать и дочь после скандала, две случайные пассажирки, которые просто идут к станции.

Телефон в кармане Виктории больше не звонил. И это было хуже звонка. Аня представляла, как мама смотрит на погасший экран. Как снова набирает. Как майор Соколов мягко говорит: «Не волнуйтесь, мы уже почти определили». Как кто-то записывает время звонка. Как где-то на карте появляется точка или круг, внутри которого они сейчас идут. Она не знала, правда ли это технически, не знала, насколько быстро всё работает, но после слов Виктории воображение дорисовывало страшнее любой реальности. Ей хотелось спросить, успели ли они их найти. Но она боялась ответа.

Виктория сказала сама:

— После звонка у нас мало времени.

— Сколько?

— Зависит от того, кто слушал.

— Соколов слушал?

— Да.

— Ты уверена?

— Да.

— Почему?

— Потому что он не отдаёт такие вещи подчинённым, когда чувствует запах денег.

Аня посмотрела на неё.

— Денег?

Виктория не ответила. Рюкзак вдруг стал ещё тяжелее. Не физически — он и так тянул плечи почти до боли. Тяжелее стало знать, что внутри не просто что-то случайное. Что все эти взгляды, бандиты, Соколов, ночная погоня и звонок маме сходятся в одну точку за её спиной. В

зелёный школьный рюкзак с единорогом. Она хотела остановиться, сорвать его, открыть прямо на улице и посмотреть. Но Виктория будто прочитала это по движению плеч.

— Не сейчас.

— Я ничего не сказала.

— Ты громко подумала.

— Ненавижу, когда ты так делаешь.

— Привыкай. Они перешли дорогу на зелёный. На середине перехода Аня услышала сирену. Короткую, далёкую, но тело сразу среагировало: живот сжался, ноги стали ватными. Виктория не ускорила. Только положила руку ей между лопаток и слегка подтолкнула вперёд.

— Не замирай.

— Это за нами?

— Не знаю.

— Опять.

— Когда узнаю точно, тебе не понравится.

Сирена ушла в сторону. Но после неё город изменился. Или изменилась Аня. Каждый мужчина в тёмной куртке казался наблюдателем. Каждая машина — той самой. Каждый телефон в чужой руке — камерой. У станции, на столбе, висела ещё одна камера. У входа — рамка металлодетектора, рядом охранник с лицом человека, который ненавидит всех пассажиров заранее. Виктория оценила вход, очередь, охранника, камеры, стеклянные двери, потом свернула не к главному входу, а вдоль стены, к боковому проходу.

— Мы куда?

— Не через главный.

— Почему?

— Потому что главный для людей, которые верят в безопасность.

— А боковой?

— Для людей, которые умеют читать таблички «служебный вход» как рекомендацию.

— Мы что, опять нарушаем закон?

— Ты хочешь список по алфавиту или по тяжести?

Аня хотела ответить, но не смогла. Слишком устала. Слишком хотела есть. Слишком болели плечи. Слишком свежим был мамин голос в голове. Они дошли до боковой двери, возле которой курил уборщик в оранжевом жилете. Виктория не стала ломиться внутрь, не стала угрожать, не стала делать ничего киношного. Она просто прошла мимо, как будто им туда и надо, кивнула уборщику с такой усталой уверенностью, что тот даже не спросил. Аня, затаив дыхание, прошла следом. Уборщик только посмотрел на её рюкзак и сказал:

— Школа, что ли, уже началась?

Аня едва не ответила автоматически, но Виктория сделала это раньше:

— У неё всегда начинается не вовремя.

Уборщик хмыкнул и отвернулся.

Внутри пахло хлоркой, пылью и горячим железом. Где-то работала вентиляция. За стеной гудели поезда. Они оказались в узком служебном коридоре, который вывел их к дальнему краю платформы. Здесь было меньше людей, меньше камер и больше грязного бетона. Аня выдохнула только тогда, когда они смешались с пассажирами у табло.

Телефон в кармане Виктории снова коротко завибрировал. Женщина достала его, посмотрела не на уведомления, а на верхнюю строку экрана. Потом выключила совсем. Долго держала кнопку, пока экран не потух окончательно.

— Всё, — сказала она.

— Что всё?

— Звонок закончен. Связь закончена. Твоя прежняя жизнь поставлена на паузу.

— Ты не имеешь права так говорить.

— И всё равно говорю.

— Я ей ещё позвоню.

— Нет.

— Позвоню.

— С этого телефона — нет.

Аня почувствовала, как холод поднимается от живота к горлу.

— Что значит «с этого телефона»?

Виктория посмотрела на неё спокойно, почти безжалостно.

— Значит, во второй раз он нас убьёт быстрее.

И именно в этот момент Аня впервые по-настоящему поняла: Виктория не просто не даст ей позвонить. Виктория собирается отрезать её от мира окончательно. Не на час. Не до вечера. Не пока они «разберутся». Окончательно. Телефон, который ещё минуту назад был мамой, домом, фотографиями, чатами и доказательством, что Аня существует, в глазах Виктории уже был мёртвым предметом. Цифровым трупом, который надо закопать до того, как по запаху придут хищники.

Аня медленно протянула руку.

— Отдай.

— Нет.

— Виктория.

Это был первый раз, когда она произнесла её имя не как обвинение, а как просьбу. Виктория заметила и всё равно покачала головой.

— Нет.

На табло мигнул номер электрички. Толпа у края платформы пошевелилась. Где-то далеко зашумел приближающийся поезд. Воздух дрогнул, принёс запах тормозной пыли и мокрого металла. Аня стояла посреди чужих людей, с тяжёлым рюкзаком за спиной и пустотой в ладони, где должен был быть телефон, и вдруг поняла, что звонок маме не спас её. Он только доказал, насколько далеко она уже от дома.

Виктория не стала ломать телефон сразу. Это оказалось хуже, чем если бы она сделала это резким движением, без подготовки, как вырывают пластырь вместе с кожей. Она держала его в руке слишком спокойно, почти бережно, словно предмет ещё заслуживал уважения, хотя для неё уже был не телефоном, а уликой, маяком, открытой раной в сети. Аня шла рядом по краю платформы и смотрела на чёрный прямоугольник в её пальцах с такой сосредоточенной ненавистью, будто могла взглядом прожечь корпус и вернуть себе весь мир обратно: маму, комнату, школьные чаты, фотографии, сохранённые видео, тупые переписки, голосовые Лены, музыку, заметки, пароли, мемы, всё, что ещё утром казалось личным, а теперь оказалось опасным.

Электричка, которая только что подошла к дальнему пути, выплюнула толпу сонных пассажиров. Люди текли мимо них, пахли мокрыми куртками, табаком, шампунем, дешёвым дезодорантом, утренним кофе и усталостью. Кто-то задел Анин рюкзак плечом, и она едва удержалась на ногах: тяжесть снова дёрнула назад, будто за спиной у неё висел не школьный рюкзак, а мешок с мокрым цементом. Виктория сразу поймала её за локоть, не глядя, коротко, профессионально, и тут же отпустила, чтобы не выглядеть слишком связанной с ней.

— Не падай, — сказала она.

— Спасибо за ценный совет.

— Бесплатный.

— В отличие от телефона?

— Телефон уже не твой актив.

Аня резко повернула голову.

— Что?

— Он стал риском.

- Ты можешь говорить нормально? Не как робот из налоговой?
- Могу. Твой телефон нас сдаёт. Я его уберу.
- Нет.
- Да.
- Нет, Виктория.

Она впервые произнесла это имя с настоящей угрозой. В горле стоял ком, руки дрожали, плечи болели, в желудке было пусто, во рту всё ещё держалась мерзкая смесь мяты от жвачки и контейнерной вони. Но злость давала ей остатки силы. Телефон был последней границей. После него оставалась только Виктория, тяжёлый рюкзак и город, который вдруг стал чужим.

Виктория не ответила. Она вела её не к вагонам, а к дальнему концу платформы, где было меньше пассажиров и больше хозяйственного мусора: серые ящики для песка, облезлая будка с закрытым окошком, ряды металлических шкафов. За ограждением начиналась техническая зона, но калитка была приоткрыта. Виктория прошла туда уверенно.

- Мы опять куда-то незаконно идём? — спросила Аня.
- Ты быстро учишься.
- Это не комплимент.
- Я не обещала комплименты.

За калиткой был узкий служебный проход между глухой бетонной стеной и техническими помещениями станции. Здесь звук платформы стал приглушённым, будто его накрыли мокрым одеялом. Слышались только далёкие объявления, гул поездов, капающая вода из трубы. Пахло пылью, озоном, старой краской.

Виктория села на бетонный блок, положила телефон на ящик экраном вверх. Аня стояла напротив.

- Если попытаешься выхватить, я сломаю его быстрее и некрасиво.
- Ты всё равно собираешься его сломать.
- Я собираюсь объяснить, почему.
- Мне не надо объяснять.
- Надо. Иначе ты при первой возможности купишь новый, войдёшь в свой аккаунт и снова включишь фонарь над головой.
- У меня нет денег на новый.
- Это единственная здравая новость за утро.

Аня почувствовала, как внутри снова поднимается паника. Пока телефон существовал, оставалась возможность. Можно было улучшить момент, вырвать, убежать, перезвонить, хотя бы открыть фотографии. Но Виктория явно тянула не потому, что сомневалась. Она тянула, чтобы Аня поняла.

— Там мои фото, — сказала Аня. Голос прозвучал слишком тихо, почти детски. — Там всё.

- Не всё.
- Там фотки с мамой. С Леной. С моря. Там видео с концерта. Там переписки. Там голосовые. Там... там папка с бабушкой, он умер, ясно? Там его голос есть. Один раз он мне записал, как поздравляет с днём рождения. Я это не переносила никуда. Я просто... оно там.

Последние слова вышли почти шёпотом. Виктория посмотрела на неё иначе. Не мягко, нет. Но внимание стало другим, не только тактическим. Несколько секунд она молчала. Где-то за стеной прошёл поезд.

- Облако включено? — спросила Виктория.
- Что?
- Резервное копирование. Фото. Видео. Контакты.
- Не знаю.
- Пароль помнишь?

— Конечно.

— Двухфакторка?

— Что?

Виктория закрыла глаза на секунду, будто считала до трёх.

— Ладно. Значит так. Есть шанс, что часть твоего цифрового кладбища уже скопирована в облако. Если выживем, будешь оплакивать дедушкины голосовые с нового устройства. Сейчас вопрос не в том, что тебе жалко. Вопрос в том, что жалость может привести за нами людей с оружием.

— Не называй это кладбищем.

— Почему?

— Потому что это не смешно.

— Я и не шучу.

Аня отвернулась к стене. На бетоне кто-то написал маркером «Слава, верни деньги». Ниже другой рукой было добавлено: «Слава умер». Ещё ниже кто-то пририсовал смайлик. Абсурдность этой стены вдруг почти довела её до истерики.

— Я не хочу быть призраком, — сказала Аня.

— Призраки живут дольше свидетелей.

— Это опять твоя мотивационная цитата?

— Можешь вышить на подушке, если переживём.

— Ненавижу тебя.

— Запомнила.

Виктория взяла телефон, быстро провела по экрану, открыла настройки. Делала всё не как обычный пользователь, который ищет нужный пункт, а как человек, много раз заходивший в чужие устройства в стрессовых условиях.

— Что ты делаешь?

— Смотрю, насколько всё плохо.

— И?

— Всё плохо, но без творческого подхода. Геолокация включена. Мобильный интернет включен. Wi-Fi включен. Bluetooth включен. Автоподключение к сетям включено. Уведомления на заблокированном экране включены. Мессенджеры, соцсети, облако, школьные чаты, семейные группы. Поздравляю, ты не человек, ты новогодняя гирлянда.

— У всех так.

— Да. Поэтому всех легко искать.

— Меня не искали раньше.

— Потому что ты никому с ресурсом не была нужна.

Виктория положила телефон на ящик и начала говорить тихо, быстро, без пафоса. Телефон ловит сотовые вышки, даже если ты не звонишь. Приложения обновляются и стучат серверам. Мессенджеры показывают активность. Соцсети любят всё, что можно привязать к месту: фото, сторис, отметки, друзья рядом, случайный Wi-Fi в торговом центре, Bluetooth-маячки, камеры, терминалы, турникеты. Если у кого-то есть доступ к оператору — плохо. Если есть знакомые в полиции — хуже. Если человек вроде Соколова понимает, кого надо попросить и кому пригрозить, круг поиска сужается быстро. Не до точки на карте, как в кино, но достаточно, чтобы поднять район, проверить камеры, сопоставить последний звонок.

— То есть если я просто напишу маме точку... — начала Аня.

— Это будет событие. Время. Активность. Возможно, IP.

— А если с чужого телефона?

— Если ты войдёшь в свой аккаунт — труп встал и пошёл. Если позвонишь наизусть — меньше риска, но номер матери уже под контролем. Любая связь — это мост. По мостам ходят в обе стороны.

Аня медленно сползла по стене и села на корточки, не снимая рюкзак. Бетон был холодный даже через джинсы. Она смотрела на телефон, и он впервые показался ей не другом, а животным, которое притворялось домашним, пока не привело волков к двери.

— Я просто хотела, чтобы мама не боялась, — сказала она.

— Знаю.

— У тебя есть дети?

Вопрос вырвался сам. Виктория не изменилась в лице, но пауза стала длиннее обычной.

— Нет.

— Тогда не знаешь.

— Чтобы понимать страх, не обязательно рожать.

— Но обязательно хоть кого-то любить.

Виктория посмотрела на неё. В проходе стало тихо, хотя за стеной всё так же гудела станция.

— Сильно для человека, который десять минут назад хотел слить наше местоположение маме.

— Ты ужасная.

— Эффективная.

На экране всплыло новое уведомление. Неизвестный номер: «Аня, это майор Соколов. Ты в опасности. Женщина рядом с тобой преступница. Ответь одним словом, и мы тебя заберём». Под текстом: «Твоя мама рядом. Она очень волнуется».

Аня прочитала и почувствовала, как всё внутри сжалось. Сообщение было спокойным, грамотным, почти добрым.

— Это он?

— Да.

— Может, он правда хочет помочь?

— Он написал не «ты ранена?», не «где ты?». Он написал «ответь одним словом». Ему нужна активность.

Сообщение исчезло за новым уведомлением. Мама снова писала. Потом неизвестный номер. Потом Лена: «АНЯ ОНИ СКАЗАЛИ ЧТО ТЫ С КАКОЙ-ТО ЖЕНЩИНОЙ ЭТО ПРАВДА???». Потом школьный чат: «Это она?», «Киньте фотку», «Жесть». Кто-то уже переслал мутный скрин с камеры: две фигуры у мусорных баков, одна с зелёным рюкзаком. Качество плохое, лица не видно, но рюкзак виден. И единорог.

Аня перестала дышать.

— Брелок, — сказала Виктория.

Аня медленно взяла единорога в руку. Ещё полчаса назад она отказалась его снимать. Теперь он смотрел на неё пластиковым глазом как предатель.

— Они уже знают.

— Да.

— Это из-за него?

— Не только. Но он помогает.

Аня потянула кольцо. Пальцы плохо слушались. Металл застрял. Виктория молча достала нож, аккуратно поддела кольцо и сняла брелок одним движением. Протянула Ане.

— Сама решай: выбросить или оставить.

— Ты же сказала...

— Я сказала, что он риск. Решение твоё.

Аня бросила единорога в мусорный контейнер. Он ударился о пустую пластиковую бутылку с тихим стуком. Никакой музыки. Никакого красивого момента. Просто маленькая вещь исчезла среди мусора.

Аня вернулась к Виктории, и вдруг почувствовала, что ненависть к ней стала сложнее. Не меньше. Просто сложнее. Потому что Виктория могла снять брелок сама, но дала выбрать. И от этого было почему-то больнее.

— Теперь телефон, — сказала Виктория.

Аня хотела возразить, но не стала. Виктория выключила телефон, сняла чехол, вытащила сим-карту и переломила её пополам. Щелчок прозвучал тихо, но Аня вздрогнула. Потом Виктория поднялась, подошла к краю технического прохода, где из трубы сочилась вода, собираясь в грязную, глубокую лужу. Она размахнулась и с силой швырнула телефон в воду.

— Что ты делаешь? — спросила Аня.

— Топлю. Вода — лучший друг цифровой смерти. Короткое замыкание добывает плату быстрее любого молотка. Доставай его кто хочет — пусть пробуют.

Она бросила туда же обломки сим-карты. Телефон утонул, пузырьки воздуха лопнули на поверхности. Через несколько секунд всё стихло.

— Теперь он мёртв окончательно, — сказала Виктория. — Соколов сможет отследить его последний сигнал, но это будет ложный след. Мы уже далеко.

Аня смотрела на мутную воду, в которой исчезла её прежняя жизнь. Внутри было пусто, как после пожара.

— Я цифровой труп? — спросила она.

— Да. Для них — да. Твой телефон мёртв. Аккаунты — мёртвы. Геолокация — пустота. Это твой щит.

Аня молча кивнула.

Они пошли обратно к платформе. Без брелока рюкзак выглядел чужим, почти голым. Без телефона рука Ани всё время тянулась к пустому карману. На выходе из технического прохода Виктория остановилась, проверила платформу, людей, камеры.

— Видишь что-нибудь?

— Людей.

— Гениально.

— Мужик у колонны третий раз смотрит сюда.

Виктория не повернула голову сразу. Сначала посмотрела в отражение стекла, потом чуть сместилась.

— Не на нас. На расписание.

— А девушка в красной куртке?

— Опаздывает. Не угроза.

Аня неожиданно коротко усмехнулась. Почти беззвучно.

— Пей, — сказала Виктория, протягивая вторую бутылку.

— Опять?

— Да. У цифровых трупов тоже бывает обезвоживание.

— Ты сейчас пытаешься шутить, чтобы я не разревелась?

— Нет.

— Врёшь.

— Да.

Это было первое честное «да», которое не резало. Аня взяла бутылку. За минуту до этого она была человеком с телефоном. Теперь стала человеком без телефона, без брелока, без связи, но с очень странной женщиной рядом.

На табло загорелась следующая электричка до Москвы.

— Идём к хвосту состава.

— Почему?

— Меньше камер, меньше людей, больше выходов.

— Ты всё время так думаешь?

- Да.
- Как ты вообще в магазине молоко покупаешь?
- Быстро.
- А если очередь?
- Оцениваю угрозы.
- Угроза — бабка с тележкой?
- Самая недооценённая категория.

Аня хотела не улыбаться. Не имела права. Но уголок губ всё равно дёрнулся. Она отвернулась, чтобы Виктория не увидела.

- Запомни это чувство, — сказала Виктория.
- Какое?
- Когда страшно, но ты всё равно идёшь.

Они вышли на платформу. Электричка подходила медленно, с визгом тормозов. Аня шла рядом с Викторией, чувствуя, как пустой карман хлопает по бедру. Её прежняя жизнь лежала где-то позади: в воде, в обломках, в мусорном контейнере, в облаке, если повезёт. Впереди были вагоны, неизвестность и рюкзак, который становился тяжелее с каждой минутой. Она больше не была онлайн. И город впервые перестал видеть её сразу.

Они прошли к дальним платформам. Виктория выбрала вагон ближе к хвосту состава. Внутри было тепло, пахло пылью и старыми сиденьями. Они сели у двери, лицом к проходу. Рюкзак между ними, прижатый коленом. Аня опустилась рядом и только теперь поняла, насколько устала. Без телефона руки стали лишними.

- Не спать, — сказала Виктория.
- Я не собиралась.
- Собиралась.
- Ты невыносима.
- Да.

На одной из остановок в вагон вошёл парень. Молодой, в тёмной толстовке с капюшоном. Лица не разглядеть — только смуглые скулы и тёмные глаза. Он не смотрел в окно, не смотрел в телефон. Он смотрел прямо на них. Вернее — прямо на рюкзак.

Аня толкнула Викторию локтем. Та не повернула головы, только прошептала:

- Не смотри на него. Дыши ровно.
- Электричка замедлялась. Парень вышел на следующей станции. Двери закрылись.
- Кто это был? — прошептала Аня.
 - Не знаю. Может, случайный пассажир. Может, нет.
 - И что теперь?
 - Теперь мы выходим на следующей станции и идём в лес. Быстро.

Электричка остановилась. Они вышли. Холодный воздух пах соснами и влажной землёй. Виктория повела её в лес, по тропинке, скрытой елями. Аня шла следом, не оглядываясь, но чувствуя, что там, за платформой, кто-то смотрит. Она не знала, был ли это тот парень. Но с этого момента она поняла: мир стал враждебным. Каждый прохожий мог быть врагом. Каждый взгляд — прицелом. Каждый телефон — маяком. Она была цифровым трупом. И это было её единственным спасением.

Глава 2. Правило трёх секунд и схрон

Они шли лесом несколько часов. Аня потеряла счёт времени, ноги гудели, рюкзак врезался в плечи, но Виктория не останавливалась. Лес постепенно редел, деревья расступались, и вскоре впереди показались бетонные заборы, ангары и трубы — промзона на окраине города. Виктория уверенно вела её к старым складам, где, по её словам, можно было найти машину.

Промзона начиналась не за забором, а гораздо раньше — с запаха мокрого бетона, машинного масла, старой пыли и ржавчины, который постепенно вытеснил из воздуха лесную сырость. Аня сначала даже не поняла, что они вышли к окраине какого-то промышленного массива: деревья ещё стояли по обе стороны заброшенной дороги, под ногами всё ещё чавкала грязь, с веток капала вода, но впереди уже виднелись прямые линии, которых в лесу не бывает — бетонные плиты, сетчатый забор, крыши складов, столбы с камерами и длинные тёмные ворота, за которыми глухо гудела чужая рабочая жизнь. После электрички, после леса, после всех этих часов без телефона и нормального времени промзона показалась Ане почти городом, но городом неправильным, без людей на лицах: здесь всё было создано не для прогулок, не для случайных прохожих, не для девочки с зелёным рюкзаком, а для фур, погрузчиков, охраны, камер, пропусков и людей, которые знают, куда идут.

Виктория знала. Она не спрашивала дорогу, не оглядывалась растеряннo, не выбирала направление наугад. Она двигалась вдоль бетонного забора так, будто видела под ним невидимую карту: где камера поворачивается слишком медленно, где прожектор давно перегорел, где в сетке есть провис, где водители оставляют машины, потому что им лень идти на дальнюю стоянку, и где чужая дорогая вещь может стать не добычей, а инструментом.

Аня шла за ней и чувствовала, как рюкзак снова превращает каждое движение в маленькое наказание. После леса плечи болели тупо и постоянно, но в промзоне боль стала раздра-

жать сильнее, потому что вокруг появились машины, дороги, люди, возможность движения без этой проклятой тяжести за спиной.

На стоянке у бокового ангара стояли фургоны, пара старых седанов, белая «Газель» с облезшей надписью «мебель без переплат» и чёрный внедорожник, слишком чистый и слишком дорогой для этого места. Он стоял чуть в стороне, под неработающим фонарём, на границе между обзором камеры и слепой зоной от бетонного выступа. Даже Аня это заметила, хотя ещё вчера не увидела бы ничего, кроме «красивая тачка». Теперь она смотрела иначе. Машина не была просто машиной. Она была возможностью, ловушкой, чужими деньгами, чужим маршрутом, чужой системой безопасности.

Виктория остановилась не сразу возле неё, а прошла мимо, как будто не заинтересовалась, потом вернулась по другой траектории, задержавшись у разбитого стекла на земле, посмотрела в отражение тёмного кузова, оценила камеру на углу склада и только после этого сказала, почти не двигая губами, чтобы Аня встала ближе к забору и не крутила головой. Сказала так, будто это не просьба, а часть механизма, где каждый винтик должен попасть на своё место.

Внедорожник пах богатством ещё до того, как его открыли. Это было нелепо, но Аня действительно почувствовала это заранее: гладкий чёрный кузов, тяжёлые двери, полированные диски, тонированные окна, отсутствие пыли на ручках, аккуратная свежая грязь на арках, не такая, как у рабочих машин, а городская, дорогая, привезённая с асфальта. Внутри, когда Виктория за двадцать с небольшим секунд открыла водительскую дверь тонким металлическим инструментом, пахло новой кожей, дорогим пластиком, мужским парфюмом, кофе из хорошей кофейни и едва заметной химической свежестью салонной чистки. Этот запах ударил Аню почти сильнее, чем сам факт взлома.

Где-то люди покупают себе такие машины, кладут в подстаканник стакан латте, ругаются на пробки, выбирают музыку, а она стоит рядом, грязная, голодная, без телефона, с рюкзаком, из-за которого её могут убить.

Виктория не дала ей долго рассматривать салон. Она скользнула внутрь не как угонщик из фильма, а как врач в операционную: без восторга, без суеты, с холодной сосредоточенностью. Сначала не двигатель. Не руль. Не бардачок с возможными деньгами. Панель. Нижняя кромка пластика. Блок у левой ноги водителя. Зона под рулевой колонкой. Она достала маленький прибор, похожий на брелок с экраном, коротко провела им возле панели; тот ответил тихим писком, потом вторым, более резким. Аня уже открыла рот, чтобы спросить, но сама остановилась.

Вопросы всё чаще становились роскошью, которую нужно заслужить.

Виктория сняла декоративную накладку так аккуратно, будто не ломала чужую машину, а открывала заранее оставленную для неё коробку. Под пластиком оказались провода, штатные разъёмы, плотный чёрный блок с маленькой антенной и почти незаметным индикатором. Аня узнала его не сразу, но тело отреагировало раньше головы: внутри похолодело. Трекер. Ещё один маленький глаз. Ещё одна нитка, ведущая к тем, кто ищет. Она ожидала, что Виктория вырвет его немедленно, раздавит каблуком, выбросит в лужу, как утром расправилась с телефоном. Но Виктория только усмехнулась — коротко, некрасиво, по-настоящему довольная не находкой, а возможностью. Она не стала отключать устройство. Наоборот, проверила контакт, поправила провод, вернула блок так, чтобы он продолжал жить.

Аня не выдержала и спросила, почему она его не убирает. В голосе получилось больше паники, чем злости.

— Мёртвый маяк ничего не показывает, — ответила Виктория, не глядя на неё. — А живой можно заставить врать. Если Заур, Соколов или кто-то из их людей уже ждут движения этой машины, они увидят именно то, что должны увидеть. Чёрный внедорожник выедет из

промзоны, засветится на камерах, даст красивый, уверенный след. Все любят следы. Особенно люди, которые думают, что умнее других.

Аня смотрела на неё и впервые с почти физической ясностью понимала разницу между человеком, который просто убегает, и человеком, который строит маршрут для чужой ошибки. У Виктории в глазах не было азартного блеска, которым обычно в кино показывают крутых преступников. Там был счёт. Холодный, злой, быстрый счёт, где учитывались камера на складе, направление выезда, время реакции охраны, звонок водителя, возможный доступ Соколова к патрулям, привычка бандитов Заура идти напролом, собственная усталость, возраст Ани, вес рюкзака и даже запах промзоны, где две грязные женщины меньше бросаются в глаза, чем в торговом центре.

Она уже тогда строила запасной путь. Не лес. Не костёр. Не «как-нибудь перебьёмся». Схрон. Мёртвая точка. Место, о котором никто не знает, потому что настоящий профессионал не доверяет удаче больше одного раза подряд.

Она спросила, кто Виктория вообще такая, и вопрос прозвучал тише, чем она ожидала. Не вызов, не истерика, не подростковое «да кто ты такая», а настоящая попытка понять человека, который за сутки сломал её телефон, спас от погони, украл машину, нашёл трекер быстрее, чем Аня успела заметить коврики в салоне, и теперь собирался использовать этот трекер как приманку.

Виктория не ответила сразу. Она устроилась на водительском сиденье, но двигатель всё ещё не заводила. Сначала проверила зеркала, положение камеры, угол выезда, затем достала из кармана маленький сканер частот. Прибор тихо щёлкал и шипел, ловя обрывки чужих сигналов: охрана склада, грузовая рация, какие-то помехи, короткая фраза из дальнего эфира, которую Аня не разобрала. Только после этого Виктория повернула голову.

— Я та, кто знает, где у этой тачки кнопка, а у тех парней — кнопка паники.

Ответ был не ответом, но в нём было достаточно правды, чтобы Аня замолчала. Потому что кнопка паники у тех парней действительно существовала. Жадность. Спешка. Уверенность, что девчонка с рюкзаком и раненая женщина будут просто бежать, прятаться, ошибаться. Виктория собиралась нажать именно туда.

Двигатель внедорожника ожил мягко, почти благородно, без хрипа и рывка, к которому Аня успела привыкнуть после старых машин и электричек. В салоне загорелась приборная панель, навигационный экран показал карту, климат-система выдохнула тёплым воздухом, и на одну абсурдную секунду всё стало похоже на нормальную поездку: дорогая кожа под рукой, приглушённый шум двигателя, чистые коврики, мягкий свет дисплея. Но Виктория не дала этой иллюзии закрепиться. Она не выехала сразу. Подождала. Считала секунды. Аня видела, как на лице женщины ничего не происходит, но в неподвижности было больше действия, чем в чужой суете. Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать. Где-то за складом хлопнула металлическая дверь. По стоянке прошёл мужчина в рабочей куртке, даже не посмотрел в их сторону. На сканере что-то коротко пискнуло. Виктория усмехнулась ещё раз и только тогда плавно вывела внедорожник из слепой зоны на открытую полосу стоянки, прямо под камеру, ровно настолько медленно, чтобы машина попала в запись чётко, с номером, с направлением, с уверенным следом.

Аня почувствовала, как у неё внутри всё сжимается от противоречия: *её учили прятаться от камер, а теперь Виктория специально показывалась. Но показывалась не сама. Показывала машину. Подарок. Приманку. Ложный ответ на вопрос, который враги ещё только задавали.*

Внедорожник пошёл с места мягко, почти лениво, будто не украденный, не чужой, не с грязным трекером под панелью, а выезжающий с подземной парковки дорогого жилого комплекса после спокойного ужина. Аня ожидала рывка. Ожидала визга шин, киношного разворота, удара в сиденье, чтобы голова мотнулась назад, а сердце сразу провалилось куда-то под

ребра. Но Виктория только чуть сильнее прижала педаль, вывела машину из тени между складами и, не включая дальний свет, покатила вдоль мокрого забора.

Аня выдохнула:

— Почему так медленно?

Голос у неё был тонкий, сорванный. Рюкзак с бриллиантами она держала на коленях обеими руками, будто он мог сам выпрыгнуть и побежать обратно к тем, от кого они только что ушли.

Виктория смотрела не на дорогу — сквозь дорогу. Зрачки бегали коротко: зеркало, обочина, приборка, правая мёртвая зона, снова зеркало. На лице не было ни торжества, ни страха. Только сжатая челюсть и тонкая морщина между бровей.

— Потому что они ждут рывка.

— Кто они?

— Все.

Навигатор на центральном экране внезапно моргнул. Красная полоска маршрута дёрнулась, будто машина сама пересчитала путь. Потом в углу вспыхнуло предупреждение о связи со спутниками. Аня уставилась на экран.

— Он нас видит?

— Не он. Они.

Виктория повернула на пустую промзонную улицу. Справа тянулись глухие ангары, слева — ряд бетонных блоков, на которых висели рваные остатки старой рекламы. Под колёсами хрустнула щебёнка. Машина была слишком тихой для этого места: кожа, климат-контроль, мягкая подсветка, ровное урчание двигателя. Всё внутри пахло чужими деньгами.

— Сейчас начнётся, — сказала Виктория.

— Что начнётся? — спросила Аня, но в зеркале заднего вида уже появилась пара фар. Далеко. Низко. Слишком ровно. Аня увидела их не сразу, а когда увидела, у неё похолодели пальцы. Фары не спешили, не метались, не приближались резко. Они просто держались там, за ними, как привязанные.

— Это они? — спросила она.

— Один из хвостов.

— Один из?!

Виктория не ответила. Она сняла правую руку с руля, убрала звук навигатора, потом коснулась кнопки обогрева заднего стекла. Движение обычное, бытовое, почти скучное. Но Аня поняла, что Виктория проверяет отражение, блики, углы обзора, всё сразу.

Впереди показалась развязка. Виктория перестроилась влево без резкого манёвра, дала машине набрать скорость до шестидесяти, потом до семидесяти. Чёрная машина сзади повторила перестроение. Аня сглотнула.

— Может, просто газанём?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда они поймут, что мы поняли.

— А мы типа не поняли?

— Мы поняли тихо.

Чёрная машина приблизилась. Теперь было видно: тонированный седан, низкий, тяжёлый, с грязными номерами. Не патруль. Не случайный водитель. Он держался на расстоянии, но не терял. И почти сразу, где-то справа, за рядом складов, коротко взвыла сирена. Аня вздрогнула всем телом.

— Нет, нет, нет...

Виктория впервые чуть улыбнулась. Не весело. Сухо.

— Второй хвост проснулся.

Она резко утопила педаль. Внедорожник перестал быть мягким. Его потянуло вперёд всей массой, сиденье ударило Аню в спину, рюкзак придавило к животу. Мокрый асфальт под колёсами зашипел. Фары складов, заборы, рекламные щиты потекли назад грязными полосами.

— Держись.

— Я держусь!

— Не за рюкзак. За ручку.

Аня вцепилась в потолочную ручку так, что суставы побелели.

Виктория прошла развязку на жёлтый, почти красный. Слева загудел грузовик. Его кабина выросла рядом, огромная, грязная, с облупленным логотипом. Аня увидела лицо водителя — круглое, злое, распахнутый рот. Потом Виктория уже уходила вправо, в узкий съезд между бетонными отбойниками. Чёрный седан рванул следом. Сирена ДПС стала ближе.

— Они нас остановят? — Аня говорила слишком быстро. — Если сейчас, то да. Если оторвёмся — нет.

— Мы оторвёмся?

— Пока не знаю.

Виктория держала руль двумя руками, низко, крепко. Плечо у неё работало с задержкой, как у человека, который чувствует боль, но отложил её на потом. На виске выступил пот. В свете приборки лицо стало серым, жёстким. Навигатор снова моргнул. Красная линия предлагала вернуться на трассу. Виктория отключила экран ладонью.

— Теперь по памяти.

— Ты знаешь, куда ехать?

— Я знаю, куда им надо думать, что мы едем.

Впереди промзона раскрылась длинной дорогой. По обеим сторонам стояли фуры, полуприцепы, контейнеры. Между ними горели редкие натриевые фонари. Асфальт был в ямах и масляных лужах. Виктория погасила фары.

— Ты что делаешь?!

— Глаза.

— Какие глаза?!

— Их.

Мир снаружи на секунду провалился в темноту. Остались только жёлтые фонари, белые полосы разметки, тусклые отражения в лужах. Чёрный седан сзади включил дальний. Свет ударил в салон, вырезал пальцы Ани на ручке, её колени, край зелёного рюкзака. Виктория чуть повернула руль, пропуская внедорожник между двумя стоящими фурами. Зазор казался невозможным. Металл прошёл совсем рядом, справа скрежетнула ветка грязного брезента, слева зеркало едва не слизнуло ржавый борт. Аня зажмурилась.

— Не закрывай глаза, — сказала Виктория.

— Я не могу!

— Можешь. Смотри вперёд. Тошнить будет меньше.

— Меня уже тошнит!

— Дыши носом. Четыре вдох, шесть выдох.

— Я тебя ненавижу!

— Потом.

Внедорожник вылетел из коридора между фурами. Виктория включила фары обратно, но сразу повернула влево, на технический проезд. Чёрный седан проскочил мимо въезда на полкорпуса, его тормоза взвизгнули. Он начал сдавать назад. В этот момент с другой стороны промзоны вылетела машина ДПС. Сине-красные вспышки разрезали ночь. Сирена ударила в бетонные стены и вернулась многократным эхом.

— Они с двух сторон! — закричала Аня.

— Не с двух. Их поставили на трекер.

— И что это значит?

— Значит, они тупые.

Виктория резко дала вправо. Внедорожник прыгнул через разбитый бордюр, днище глухо ударило о бетон. Аня вскрикнула, рюкзак чуть не слетел на пол. Машина вынеслась на старую погрузочную площадку, где стояли деревянные поддоны, ржавые тележки и открытый шлагбаум. Виктория не объехала поддоны. Она прошла через них. Дерево взорвалось щепой под бампером. Одна доска ударила по капоту и улетела в темноту. В зеркале Аня увидела, как патрульная машина затормозила перед завалом, мигалки бешено замелькали, а чёрный седан, уже вернувшийся на след, нырнул в соседний проезд.

Виктория считала вслух:

— Три... два... один...

Она выкрутила руль влево. Внедорожник развернуло боком. Шины завизжали. На мгновение Ане показалось, что машина сейчас перевернётся, что вся эта дорогая кожа, стекло, металл, бриллианты и их тела смешаются в один удар. Но Виктория поймала занос, выровняла машину и вдавила газ.

— Что это было?!

— Правило трёх секунд.

— Какое ещё правило?!

— Человек реагирует с задержкой. Машина тоже. Страх — дольше.

— Я сейчас умру.

— Не сейчас.

Они вылетели на параллельную улицу. ДПС осталась сзади, чёрный седан снова появился сбоку, за сетчатым забором. Он шёл по соседнему проезду, пытаясь выйти наперерез. Виктория увидела это раньше Ани. Она сбросила скорость.

— Почему тормозим?! Они же рядом!

— Пусть думают, что успели.

Седан ускорился. Его фары мелькали между столбами забора. Впереди два проезда сходились у широких ворот логистического хаба. Аня поняла, что чёрная машина хочет выскочить первой и перекрыть дорогу.

— Они нас зажмут!

Виктория молчала. Седан вырвался из-за забора. Его нос уже был на их полосе. Внутри мелькнул силуэт водителя. Второй человек на пассажирском сиденье повернул голову к ним. Виктория ударила по тормозу. Внедорожник клюнул носом. Аню бросило вперёд, ремень впился в грудь, воздух вылетел из лёгких. Чёрный седан проскочил перед ними, не успев перестроиться, его заднюю часть занесло. Он врезался в груды пластиковых дорожных барьеров. Не сильно. Но достаточно, чтобы потерять секунды.

Виктория уже сдавала назад.

— Ты назад едешь?!

— Он тоже так подумал.

Она крутанула руль, вывернула внедорожник в обратную сторону и ушла в узкий проезд, который до этого был у них за спиной. ДПС, вырвавшаяся из-за угла, проскочила мимо нужного поворота и затормозила слишком поздно. Аня увидела в зеркале, как патрульные мигалки мечутся, как синий свет ложится на мокрый асфальт, как кто-то распахивает дверь.

— Они выйдут!

— Пусть бегают.

Дорога стала хуже. Асфальт закончился. Началась бетонка, разбитая плитами. Машину трясло так, что зубы стучали. В салоне запахло разогретой резиной и пылью из вентиляции. Где-то под панелью тихо тикал пластик. Аня держалась одной рукой за ручку, другой прижимала рюкзак. Её мутило. Во рту был кислый привкус, как после дешёвого энергетика и слёз.

- Скажи честно, — выдавила она. — Ты вообще знаешь, что делаешь?
- Да.
- А если нет?
- Тогда ты первая заметишь.
- Очень смешно.
- Я не шутила.

Виктория свернула к старой железнодорожной ветке. Рельсы пересекали дорогу под углом, заросшие травой и мусором. Впереди горел одинокий фонарь. За ним — тёмный ряд складов и высокий забор. Чёрный седан снова догонял. ДПС отстала, но сирена всё ещё была слышна, размазанная по ночи.

- Они опять сзади!
- Вижу.
- Они быстрее!
- Здесь — нет.

Виктория направила внедорожник прямо на рельсы. Удар был жёсткий. Машину подбросило. Аня вскрикнула, голова дёрнулась, ремень снова резанул плечо. Что-то в багажнике глухо ударило. Виктория поморщилась — коротко, почти незаметно, но Аня увидела. Боль прошла по её лицу тенью.

- Ты ранена, — сказала Аня.
- Не сейчас.
- Что значит не сейчас? Ты кровью пахнешь!
- Значит, нос работает.

Седан за ними пошёл через рельсы быстрее. Слишком уверенно. Его передние колёса подпрыгнули, днище чиркнуло металл, и машину повело. Водитель удержал, но потерял скорость. Виктория этим пользовалась. Она вывела внедорожник к длинному складу с погрузочными воротами. Одни ворота были приоткрыты. Щель казалась чёрной пастью.

- Мы туда? — Аня уже не кричала. Сил не было. Только сиплый шёпот.
- Через.
- Через склад?!
- Через него.

Виктория не сбавила скорость до конца. Только перед самыми воротами резко прижала тормоз, сложила зеркала кнопкой и влетела в темноту. Внутри пахло сыростью, картоном, старым маслом и мышами. Фары выхватывали ряды пустых стеллажей, пластиковые ящики, оборванные ленты, пыль, висящую в воздухе. Где-то справа скользнула крыса. Аня перестала дышать. Виктория ехала между стеллажами так, будто уже была здесь. Раз, вправо. Два, прямо. Три, влево. Под колёсами хрустело стекло. Впереди показался второй выход — не ворота, а широкий проём без створок, закрытый полосами прозрачного пластика.

- Голову ниже.

Аня пригнулась. Пластиковые полосы ударили по лобовому стеклу, размазали пыль, хлопнули по крыше. Машина вылетела наружу в узкий двор за складом. Чёрный седан не рискнул сразу войти внутрь. Его фары остановились у первых ворот. Виктория коротко посмотрела в зеркало.

- Умный.
- Это плохо?
- Это дольше.

Она повернула к старой автомойке на краю хаба. Над въездом висела вывеска, половина букв не горела. Щётки внутри были неподвижны, мокрые, похожие на чёрные водоросли. Рядом стоял мусоровоз с поднятым контейнером. Двигатель у него работал, низко и тяжело.

Аня даже не сразу поняла, что это не случайность. Виктория сбросила скорость, выровняла машину и сказала:

— Сейчас самое важное. Выходишь по моей команде. Рюкзак не бросаешь. Дверью не хлопаешь. Если упадёшь — встаёшь без звука.

— А машина?

— Машина поедет дальше.

— В смысле?!

— Трекер поедет.

Виктория направила внедорожник в тень за автомойкой, почти вплотную к мусоровозу. Чёрный седан уже появился на въезде во двор. Его фары резанули пространство, на секунду ослепили Аню. Виктория дёрнула ручник, заглушила свет, но двигатель оставила включённым.

— Три секунды, — сказала она.

— Что?

— На страх. Потом двигайся.

Она выскочила первой. Аня не хотела выходить. Ноги не слушались. Внутри было хоть какое-то тепло, хоть какая-то оболочка. Снаружи — ночь, бетон, фары, люди, которые их искали. Но Виктория уже открыла её дверь снаружи, схватила за лямку рюкзака и почти вытащила. Холод ударил в лицо. Аня ступила на мокрый бетон, поскользнулась, но удержалась. Виктория толкнула её в тень между мусоровозом и стеной.

— Ни звука.

Виктория нырнула под панель со стороны водителя. Движения стали быстрыми, точными, злыми. Что-то щёлкнуло. Она выдернула не сам трекер, а маленький блок с проводом и магнитной площадкой, уже заранее ослабленный. Потом одним движением сунула его в рваный мешок с мусором, который лежал у заднего колеса мусоровоза.

— Это всё? — прошептала Аня.

— Нет.

Виктория вернулась в салон, поставила передачу, заблокировала руль ремнём через спицу и сиденье, подперла педаль обломком металлической трубы, найденной у стены. Машина дёрнулась вперёд медленно, как слепая, покатила вдоль забора к открытому выезду. Аня смотрела, не понимая. Внедорожник, пустой, с их трекером уже не внутри, поехал сам. Чёрный седан рванул за ним. Патрульная сирена снова приблизилась, но теперь уходила в сторону движения машины. Мусоровоз взревел. Контейнер заскрежетал, поднялся выше. Мешок с трекером вместе с остальным мусором провалился внутрь металлической пасти. Виктория схватила Аню за запястье.

— Пошли.

— Куда?

— В чистую зону.

— Это что ещё значит?

— Место, где они нас не ищут.

Они побежали не к дороге, не к свету, не к людям. Виктория повела её вдоль стены автомойки, через узкую щель в заборе, завешанную куском старого баннера. За баннером был проход, такой тесный, что рюкзак застрял. Аня дёрнулась, едва не вскрикнула. Виктория закрыла ей рот ладонью. Пальцы пахли металлом, кровью и холодным пластиком.

— Тише.

Аня кивнула. Виктория отпустила, развернула рюкзак боком и протолкнула её дальше. Они оказались за пределами хаба, в тёмном коридоре между двумя заборами. Над головой висели кабели. Под ногами была грязь, битое стекло, окурки, замёрзшие лужи. Сзади ревели моторы. Впереди было тихо.

Аня оглянулась. Сквозь щель между листами профнастила она увидела, как пустой внедорожник катится к выезду, как за ним бросается чёрный седан, как мигалки ДПС цепляются за тот же след. Все они уходили туда, куда Виктория хотела их увести.

Это была не погоня. Это был маршрут. Виктория не спасалась. Виктория вела их за собой, как ведут злую собаку на привязи — не туда, где прячется хозяин, а туда, где верёвка оборвётся сама.

Аня согнулась, упёрлась ладонью в колено и задышала ртом. Её вывернуло бы, если бы в желудке было что-то кроме страха. Виктория остановилась рядом, прислушалась к ночи, потом коротко сказала:

— Две минуты. Потом они поймут.

— Что поймут?

— Что охотились на железку.

Где-то далеко взвыла сирена. Потом ещё одна. Потом звук начал уходить, растворяясь за складами и мокрыми бетонными стенами. Аня подняла голову. Лицо у неё было белое, губы дрожали, глаза блестели.

— А мы куда?

Виктория посмотрела вперёд, туда, где тёмный проход вёл глубже в промзону, к старым гаражам, заброшенным цехам и местам, которых не было на нормальных картах.

— Домой, — сказала она.

— У тебя есть дом?

Виктория чуть поправила воротник, будто прятала кровь под тканью.

— Нет. У меня есть схрон.

Они двинулись дальше. Виктория шла быстрым, экономным шагом, держась в тени. Аня за ней, почти спотыкаясь, прижимая рюкзак к груди. Она видела, как Виктория иногда замирает, прислушивается, как выбирает маршрут не по дорогам, а по провалам в заборах, теням, звукам.

Виктория остановилась у угла кирпичного цеха, подняла руку. Аня застыла, хотя сердце тут же ударило в горло. Слева послышались шаги. Не бег. Не погоня. Обычные шаги человека, который идёт по своей ночной грязной работе. Потом вспыхнул огонёк сигареты. За углом кто-то кашлянул, сплюнул и пробормотал в телефон:

— Да нет тут никого... Я сказал, пусто... Ну пусть сами смотрят...

Аня перестала дышать. Виктория медленно отступила назад и прижала Аню к стене. Не грубо, но так, что спорить было невозможно. Кирпич был холодный и влажный. Через куртку он всё равно пробрался к лопаткам. Аня чувствовала запах Виктории: кровь, кожа, бензин, металлическая пыль. И ещё что-то едва заметное — оружейное масло, резкое, сухое. Человек за углом прошёл мимо, не приближаясь. Его шаги растворились в стороне хаба. Виктория выждала ещё пять секунд, потом ещё три. Только после этого двинулась.

Они пересекли открытый участок между двумя гаражными рядами. Виктория выбрала момент, когда вдалеке проехала фура и её шум прикрыл их шаги по гравию.

У длинного забора из бетонных плит она присела, провела пальцами по нижнему краю третьей плиты от столба и нащупала проволочную петлю. Потянула. Нижняя часть плиты не поднялась, конечно, но рядом с ней сдвинулся узкий лист ржавого железа, который Аня приняла за мусор. За ним оказался проход.

— Серьёзно? — выдохнула Аня.

— Что?

— У тебя тут прям тайные ходы!

— Не тайные. Никому не нужные.

Виктория пролезла первой, затем забрала у Ани рюкзак, протащила его аккуратно, не цепляя ткань, и вернула.

За проходом земля уходила вниз. Старый бетонный спуск вёл к ряду полуподвальных боксов. Когда-то здесь, наверное, чинили грузовики или хранили запчасти. Теперь ворота у большинства были заварены, заколочены или просто висели криво. На стенах — облезлая краска, потёки, старые номера, нарисованные белой краской. Вода капала с потолочных плит в длинный жёлоб, заросший грязным льдом. Виктория достала маленький фонарик, но не включила сразу. Сначала закрыла его ладонью, затем дала узкий луч вниз, только под ноги. Свет был слабый, синий, почти неживой.

— Почему не ярче? — спросила Аня.

— Яркий свет видно.

— А слабый?

— Слабый тоже. Но позже.

Они спустились. Температура изменилась. Сверху была ночная сырость, здесь — подвальный холод. Он лежал плотнее, как вода. Пахло старым бетоном, плесенью, ржавчиной, мокрой землёй и чем-то ещё, что Аня не сразу узнала. Потом поняла: пыль. Не домашняя, не книжная, а серая, гаражная, в которой годами лежат болты, канистры и мёртвые провода.

Виктория остановилась у бокса номер 17. На воротах висел старый навесной замок, огромный, ржавый, явно нерабочий. Аня даже успела подумать, что это тупик. Виктория не тронула замок. Она присела у левого края ворот, нащупала в трещине кирпичной кладки тонкую металлическую пластину, сдвинула её ногтем. Под пластиной оказался маленький цилиндрический замок, почти незаметный в грязи.

— Это твой схрон? — прошептала Аня.

— Первый слой.

— А сколько слоёв?

— Достаточно.

Виктория достала ключ не из кармана, а из внутренней подкладки ремня. Ключ был плоский, матовый, без брелока. Она вставила его, повернула. Щелчок прозвучал тихо, но в подвале он показался громким. Потом был второй замок — не на воротах, а в полу. Виктория подняла металлическую скобу, вытянула штырь. Третий — сверху, спрятанный в тени под балкой. Для него она использовала не ключ, а короткий шестигранник из рукояти фонарика. Четвёртый оказался обычной цепью, но цепь была не заперта, а заведена так, что без знания движения её можно было дёргать десять минут и только шуметь.

Аня смотрела на это молча.

Виктория выжила потому, что всё делала заранее. До страха. До крови. До погони. До чужих решений. До Ани.

Наконец ворота подались. Не распахнулись. Только отошли на полметра, ровно настолько, чтобы внутрь мог пройти человек боком. Виктория остановила их ладонью, не давая скрипнуть дальше.

— Заходи.

— Там темно.

— Снаружи тоже.

— Очень утешает.

— Заходи.

Аня вошла. Первое ощущение — холод. Второе — запах. Внутри пахло оружейным маслом, сухой пылью, старым бетоном, консервным металлом и резиной. Этот запах был не жилой, но и не мёртвый. В нём не было хаоса заброшки. Всё здесь имело место, вес, назначение. Даже темнота казалась уложенной по полкам.

Виктория вошла следом, закрыла ворота, вернула цепь, штырь, верхний фиксатор. Потом включила лампу. Не потолочную. Потолка как будто не существовало. Она подсоединила клемму к аккумулятору на металлическом стеллаже, и в углу загорелась холодная светодиод-

ная лампа. Свет был резкий, белый, без тепла. Он не делал помещение уютным. Он делал его видимым.

Аня моргнула. Перед ней была не комната. Нора. Нора человека, который не верит дверям, людям, государству, замкам, обещаниям и удаче. Вдоль левой стены стояли стеллажи. На них — вода в пятилитровых канистрах, коробки с консервами, сухие пайки, пакеты круп, соль, сахар, батарейки, фонари, аптечки в прозрачных пластиковых контейнерах. Всё подписано чёрным маркером: дата, количество, срок. Ни одной лишней вещи. Ни одной случайной. Справа — верстак. На нём лежали инструменты, чистые тряпки, маленькие баночки, изолента, пластиковые стяжки, перчатки, старый кнопочный телефон без батареи, несколько сим-карт в пакетике. Над верстаком висела доска с крючками. На крючках — ключи, карабины, ножницы по металлу, моток тонкой проволоки, складная пила, налобный фонарь. В дальнем углу стояла раскладушка, сложенная и пристёгнутая ремнём к стене. Рядом — два спальных мешка в гермочехах. Под ними — ящик с одеждой. На полу — резиновый коврик, чтобы не оставлять грязь по всему помещению.

Аня медленно опустила рюкзак, но тут же вспомнила слова Виктории и замерла, не доведя его до пола.

— Куда?

Виктория показала на пластиковый ящик у стены.

— Туда. Не на бетон.

Аня поставила рюкзак на ящик. Осторожно. Будто внутри была не россыпь чужих камней, а больной зверёк. И только когда лямки выскользнули из её пальцев, она поняла, как сильно устали руки. Плечи заныли сразу, тупо и глубоко. Спина была мокрой от пота. Лицо горело, но ноги мёрзли.

— Это... твоё? — спросила она.

Виктория сняла куртку не полностью, только расстегнула, чтобы проверить бок. Тёмная ткань у ребра прилипла к телу. Она посмотрела, оценила, застегнула обратно.

— На бумаге — нет.

— А на самом деле?

— На самом деле сейчас наше.

Аня обвела взглядом стеллажи, лампу, канистры, аптечки, металлическую дверь, четыре замка, верстак, холодный бетон.

— Здесь кто-нибудь знает, что ты есть?

— Нет.

— Даже Заур?

Виктория посмотрела на неё. В этом взгляде было достаточно ответа. Аня сглотнула. Снаружи, очень далеко, сирена ещё раз тонко взвыла и оборвалась, будто кто-то закрыл её в другой реальности. Виктория подошла к двери, приложила ухо к металлу, постояла так несколько секунд. Потом выключила фонарик, оставив только аккумуляторную лампу, и сказала:

— Всё. Чистая зона.

Аня села на ящик рядом с рюкзаком, потому что ноги больше не держали. Металл под ней был холодный. Она обхватила себя руками и вдруг поняла, что впервые за эту ночь над ней есть крыша, перед ней — дверь, а между ней и теми, кто их ищет, стоит не удача, не случайность и не чья-то жалость. Стоит женщина с кровью под курткой, с лицом из камня и с заранее приготовленной норой в мёртвом бетоне.

Виктория проверила лампу, аккумулятор, замки, потом повернулась к стеллажу с аптечками.

— Пять минут молчишь, — сказала она. — Потом будешь задавать свои вопросы.

Аня хотела ответить резко. Хотела сказать, что она не маленькая, что имеет право знать, что вообще происходит, что её сейчас чуть не убили, что в её рюкзаке лежит кошмар на мил-

лионы. Но вместо этого только кивнула. Потому что за дверью снова прокатился дальний, еле слышный вой сирены. А внутри пахло пылью, маслом, старым бетоном и выживанием.

Виктория встала у верстака, сняла куртку. На черной футболке у ребер расплзлось тёмное пятно. Не ярко-красное, как в кино. Почти чёрное. Густое. Липкое. Она обработала кожу вокруг пореза. Антисептик пах резко, медицински, почти больнично. Виктория надела перчатки, взяла пинцет, коротко посмотрела на Аню.

— Смотри.

— Не могу.

— Можешь.

— Зачем?

— Чтобы не фантазировать. Фантазия хуже крови.

Аня медленно повернула голову. Виктория работала короткими движениями. Лицо стало неподвижным, только кожа у скулы чуть дёргалась. На лбу выступил пот. Она не стонала. Не ругалась. Не просила помочь. Пинцет щёлкнул один раз, второй. Потом из раны вышел маленький тёмный осколок, блеснул в холодном свете и упал на салфетку. Звук был почти неслышим. Но Ане показалось, что он ударил по всей комнате.

— Всё? — прошептала она.

— Видимая часть.

— А невидимая?

— Будем надеяться, что её нет.

— Это твой план? Надеяться?

Виктория наконец посмотрела на неё.

— Нет. Мой план — промыть, закрыть, не умереть от заражения и не делать вид, что я в санатории.

Аня нервно хмыкнула. Смех вышел больной, короткий, срывающийся. Она сама испугалась этого звука. Виктория промыла рану, наложила стерильную салфетку, прижала, подождала, проверяя, насколько быстро она темнеет. Кровь шла, но не хлестала. Это, видимо, её устроило. Она достала широкие полоски пластыря, стянула края раны, наложила повязку, закрепила бинтом вокруг корпуса. На каждом вдохе бинт чуть поднимался. На каждом выдохе Виктория становилась на полсантиметра ниже, будто усталость наконец находила, куда давить.

— Ты сама себе это делаешь часто? — спросила Аня.

— Не настолько часто, чтобы гордиться.

— Но умеешь.

— Неумение дорого стоит.

Виктория сняла перчатки, вывернув их внутрь, бросила в отдельный пакет. Потом взяла бутылку воды, сделала маленький глоток, не больше, прополоскала рот, сплюнула в пластиковую ёмкость с крышкой. Даже это было у неё организовано. Даже грязная вода не должна была оказаться где попало.

Потом она достала оружие. Аня увидела пистолет только теперь, хотя, наверное, он был при Виктории всё это время. Чёрный, компактный, без киношного блеска. Не предмет для угрозы. Инструмент. Как ножницы. Как фонарь. Как ключ.

Аня напряглась.

— Он заряжен?

— Был.

— А сейчас?

— Сейчас проверим.

Виктория села на низкий металлический табурет у верстака. Не расслабилась — просто перенесла вес. Поставила перед собой чистую тряпку, вынула магазин, отвела затвор, проверила патронник. Патрон лег на ткань с коротким металлическим звуком. Аня вздрогнула.

— Не трогай, — сказала Виктория, не глядя на неё.

— Я и не собиралась.

— Люди часто не собираются. Потом трогают.

Она разобрала пистолет частично, быстро, без демонстрации. Затвор. Рама. Ствол. Пружина. Никакого театра, никакого любования. На руках у неё уже не дрожала боль; боль была где-то глубже, под движениями. Аня видела, как Виктория иногда задерживает дыхание, когда поворачивается корпусом, но пальцы остаются точными.

Запах оружейного масла стал сильнее. Сухой, холодный, с металлической горчинкой. Он смешался с запахом антисептика, крови, пыли и бетона. От этого воздух в схроне сделался плотным, как будто его можно было резать.

Виктория протёрла детали, проверила ствол на свет, убрала грязь с направляющих, нанесла каплю масла. Потом собрала оружие обратно. Щелчки были тихими, уверенными, почти будничными.

— Ты бывший мент? — спросила Аня.

Виктория вставила магазин не до конца, потом вынула снова.

— Бывший оперативник.

— Это типа полиция?

— Типа.

— А сейчас ты кто?

— Сейчас я проблема.

— Для кого?

— Для тех, кто думал, что проблем не будет.

Аня обняла колени сильнее. Ей хотелось завернуться во что-нибудь, стать меньше, исчезнуть между ящиком и стеной. Но исчезнуть не получалось. В углу лежал рюкзак. На верстаке — пистолет. Перед ней — женщина, которая вытаскивала из себя осколки и говорила так, будто всё это нормальная среда обитания.

— Заур тебя знает? — спросила Аня.

Виктория не сразу ответила. Она проверяла патроны один за другим, перекладывая их на тряпку. Каждый осматривала пальцами, как слепая. Капсюль. Гильза. Пуля. Потом обратно.

— Думает, что знает.

— А майор? Соколов?

— Знала.

— Он правда майор?

— У него форма настоящая. Всё остальное — вопрос.

— Он нас найдёт?

Виктория подняла глаза.

— Если будем шуметь, ошибаться и верить людям — да.

— А если не будем?

— Тогда позже.

— Это типа обнадёживает?

— Это честно.

Аня посмотрела на рюкзак. Он лежал в углу, зелёный, грязный, нелепый. Тяжёлый. Маленький пластиковый брелок когда-то висел на молнии, но теперь его не было — она вспомнила, как выбросила единорога в переходе. Детская вещь на сумке, которая больше не была детской. Она вспомнила, как утром собирала туда обычную ерунду. Зарядку. Кофту. Тетрадь. Батончик. Наушники. Тогда рюкзак был просто рюкзаком. Теперь он был причиной, уликой, приманкой, приговором.

— Может, их выбросить? — сказала она тихо.

— Что?

— Камни. Бриллианты. Всё это. Выбросить в канализацию, и всё.

Виктория вставила последний патрон в магазин.

— Поздно.

— Почему поздно?

— Потому что они уже знают, что ты их видела. И я их видела. И трекер уехал не туда. И машина ушла пустой. И кто-то уже понял, что против него работает не испуганная школьница.

— Но если камней не будет...

— Им нужны не только камни. Контроль. Тишина. Свидетели. Возврат потерь. Пример для остальных.

Аня отвернулась к стене. На стене висели пакеты с сухими пайками и аптечные контейнеры. Под каждым была подпись. «Вода. 30 л». «Консервы. Рыба». «Антибиотики». «Фильмы». «Батарей». Всё было аккуратно, спокойно, подготовлено. Ане стало почти обидно от этой аккуратности. Её жизнь развалилась за одну ночь, а у Виктории для развала был отдельный стеллаж.

— Ты знала, что тебе когда-нибудь понадобится такая нора, — сказала Аня.

— Да.

— И тебе не страшно жить так?

Виктория положила магазин рядом с пистолетом.

— Страшно жить иначе.

Аня не сразу нашла, что ответить.

Виктория встала, подошла к другой полке и достала маленький блокнот на спирали. Карандаш. Не ручку. Карандаш писал в холоде, не тёк, не засыхал, не оставлял лишних проблем. Она перелистнула несколько страниц. Там уже были списки: даты, предметы, короткие пометки, схемы, номера. Никаких длинных фраз.

Она начала писать. Аня смотрела на движение карандаша. Шорох грифеля по бумаге был неожиданно мирным. Почти школьным. Только список был не школьный.

— Что ты пишешь?

— Что нужно.

— Нам?

— Да.

— А что нам нужно?

Виктория не остановилась.

— Одежда. Обувь тебе. Наличные мелкими. Чистый телефон. Еда на двое суток. Обезболивающее. Антибиотик. Карта. Транспорт без камер. Информация по Соколову. Информация по Зауру. Канал выхода.

— Канал выхода куда?

— Из города.

— Мы уедем?

— Если получится.

— А если нет?

— Будем делать так, чтобы получилось.

— Ты всегда так отвечаешь? Будто всё можно разложить по ящикам?

Виктория посмотрела на стеллажи.

— Лучше по ящикам, чем по пакетам.

Аня поняла не сразу. Потом поняла — и ей стало холоднее. Она прижала лоб к коленям. Ткань джинсов пахла сыростью, грязью и её собственным потом. Ей хотелось плакать, но слёзы почему-то не шли. Может, закончились. Может, тело решило, что плач — лишняя трата воды.

Виктория продолжала писать. Карандаш. Страница. Пауза. Ещё строка. Снаружи что-то глухо стукнуло. Аня резко подняла голову. Виктория не дёрнулась. Только положила карандаш

и выключила лампу. Темнота упала сразу. Аня перестала видеть даже свои руки. В первые секунды ей показалось, что кто-то вошёл. Что темнота сама стала человеком. Но потом она услышала, как Виктория двигается без света: шаг к двери, лёгкий скрип резиновой подошвы, едва заметный металлический звук. Пистолет в руке. Наверное. Снаружи снова стукнуло. Потом протянуло ветром по железу. Что-то болталось на соседнем боксе. Лист жести. Цепь. Мусор. Виктория ждала. Аня ждала вместе с ней, хотя не знала, чего. В темноте сердце снова стало слишком громким. Ей казалось, что его слышно за дверью. Что любой, кто пройдёт мимо, остановится и скажет: там кто-то живой, там девчонка, она дышит, она боится.

Прошла минута. Может, меньше. Виктория включила лампу обратно, но не сразу на полную. Свет вернулся холодным пятном у пола, потом поднялся выше.

— Ветер, — сказала она.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому что если бы это был человек, он бы уже ошибся второй раз.

Аня выдохнула. Она даже не заметила, что задерживала дыхание. Виктория вернулась к верстаку и снова взяла карандаш. Но теперь движения стали чуть медленнее. Боль догоняла её. Это было видно. Она держалась, но тело уже выставляло счета: плечо ниже, дыхание короче, левая рука ближе к боку. На лице выступила серость.

— Тебе надо лечь, — сказала Аня.

— Мне надо думать.

— Ты можешь думать лёжа.

— Лёжа люди начинают верить, что они в безопасности.

— А мы не в безопасности?

Виктория посмотрела на дверь.

— Мы в паузе.

Это слово повисло между ними. Пауза. Не спасение. Не конец. Не укрытие навсегда. Просто промежуток между тем, что уже случилось, и тем, что ещё придёт. Аня вдруг поняла, что вся эта бетонная нора, замки, стеллажи, вода и оружейное масло не отменяют опасность. Они только дают время. А время здесь было главной валютой. Даже бриллианты в углу не стоили столько, сколько стоили эти несколько часов без погони.

— Зачем ты меня спасла? — спросила Аня. Вопрос вырвался сам. Она не планировала спрашивать именно сейчас. Но тишина, лампа, кровь на салфетках, рюкзак в углу и эта женщина, которая существовала будто отдельно от нормального мира, вытолкнули слова наружу. — Тебе было проще бросить меня. Там. В машине. В контейнере. Где угодно. Ты могла забрать рюкзак и уйти. Или не забирать. Просто уйти. Я бы тебя не догнала. Я бы даже не поняла куда. Зачем?

Виктория повернулась к ней. Холодный свет падал сверху и делал её глаза темнее. Усталость не смягчала лицо. Наоборот — убирала всё лишнее. Оставляла кость, кожу, волю.

— Мне не нужны свидетели, которые плачут, — сказала она. — Плачущие свидетели бегут к первым взрослым. Первые взрослые звонят в полицию. Полиция звонит Соколову. Соколов звонит тем, кто платит. Через час тебя находят. Через два — меня. Через три — нас обоих нет. Ты пока молчишь. Это полезно.

Аня смотрела на неё. Слова были грубые. Жестокие. Настолько жестокие, что сначала даже не ранили. Просто ударили по воздуху, как холодная вода.

— То есть я тебе нужна как проблема под контролем?

— Да.

— И всё?

— Сейчас — да.

Аня кивнула, но подбородок дрогнул. Она отвернулась, потому что не хотела, чтобы Виктория видела лицо. Не хотела давать ей это маленькое доказательство: вот, пожалуйста, свидетель всё-таки плачет. Только слёзы теперь пришли тихо. Не истерикой. Не всхлипами. Они просто набрались в глазах и потекли по щекам, горячие, злые, унижительные.

— Я не хотела это брать, — сказала она почти беззвучно. — Я вообще не должна была там оказаться.

— Никто не должен.

— А оказались.

— Да.

— Мне шестнадцать.

— Я помню.

— Ты так говоришь, будто это деталь.

— Сейчас всё деталь.

— А для меня нет!

Голос сорвался. Она тут же зажала рот ладонью, испуганно посмотрела на дверь. Виктория не шевельнулась.

— Тише.

— Я знаю, — прошептала Аня. — Я знаю, что тише. Я всё знаю. Не ставить рюкзак на землю. Не вставать в свет. Дышать носом. Молчать. Держать. Не смотреть. Смотреть. Я уже вообще не понимаю, что делать.

Виктория молчала. Аня вытерла щёки рукавом. Рукав был грязный, и по коже прошла холодная полоса.

— Я хочу домой, — сказала она. Это прозвучало не как просьба. Как признание в слабости.

Виктория отвернулась первой. Подошла к стеллажу, открыла пластиковый ящик с надписью «ТЕПЛО». Достала серую флисовую кофту, пару толстых носков, тонкое термоодеяло в упаковке. Положила рядом с Аней.

— Переобуйся.

Аня смотрела на вещи.

— Носки мокрые. Через двадцать минут начнёшь трястись сильнее. Через час будешь бесполезна.

— Опять полезна-бесполезна?

— Да.

— Ты невозможная.

— Носки.

Аня взяла их. Пальцы всё ещё дрожали. Она стянула кроссовки, потом мокрые носки. Стыдно было почему-то даже за это — сидеть в чужом подвале, с голыми замёрзшими ступнями, рядом с женщиной, которая только что зашивала себя без врача. Но сухая ткань оказалась такой простой, такой человеческой, что Аня едва снова не расплакалась. Носки были грубые, толстые, мужского размера, но тёплые. Она натянула них, затем флисовую кофту поверх своей. Кофта пахла пластиком, складом и чем-то нейтральным, но всё равно стала первым мягким предметом за ночь.

Виктория тем временем достала маленькую газовую горелку. Не включала большой свет, не двигалась лишний раз. Поставила металлическую кружку, плеснула воду из канистры, зажгла пламя. Синий язычок коротко лизнул дно. В тишине горелка шипела почти уютно. Аня слушала этот звук. Он был странным. После сирен, моторов, визга шин, ударов, хруста поддонов и собственного сердца этот маленький ровный шипящий огонь казался невозможной роскошью. Не костёр в лесу. Не киношное спасение под звёздами. Просто горелка в бетонной

норе, поставленная человеком, который заранее знал, что горячая вода может удержать кого-то от развала.

Виктория бросила в кружку пакетик чая, залила кипятком, подождала, перелила в крышку термоса и поставила перед Аней на ящик. Не вручила, не сказала «держи», не посмотрела мягко. Просто поставила. Но крышка была горячая, и от неё сразу пошло тепло. Аня обхватила её ладонями. Тепло ударило в пальцы почти болью. Кожа отвыкла. Она поднесла чай к губам, но не сразу выпила. Сначала вдохнула пар. Пахло дешёвым чёрным чаем, металлом, пластиком и чем-то ещё — может, сахаром, может, старым термосом. Первый глоток обжёг язык. Вкус был горьковатый, слишком крепкий, без лимона, без нормального сахара, без всего, что делает чай домашним. Но он был горячий. Он пошёл вниз по горлу и будто обозначил внутри путь, где Аня ещё живая.

Виктория сняла свою куртку с края верстака и бросила её на ящик.

Аня накинула её на плечи. Куртка была тяжёлая, пахла дымом, кровью, бензином и улицей. На подкладке у бока было влажное пятно, но Виктория бросила её так, чтобы оно оказалось снаружи, не касалось Ани. Девочка заметила это. Мелочь. Почти ничего. Но заметила.

— А ты замёрзнешь.

— Нет.

— Ты ранена.

— Я не сахарная.

— Это вообще не ответ.

— Другого нет.

Аня пила чай маленькими глотками. Виктория сидела на табурете, проверяла обойму. На стенах холодно белел свет лампы. В углу лежал рюкзак — зелёный, грязный, нелепый. Тяжёлый. Аня чувствовала его вес даже на расстоянии.

Рюкзак тянет её к земле физически. Не только плечи — всё тело. Бриллианты, которые стоят целое состояние, лежат внутри, и каждый грамм — напоминание: она больше не школьница, не дочь, не свидетель. Она часть этого. Часть побега, часть плана, часть риска.

Но теперь над ней была крыша. Бетонная, холодная, но крыша. Перед ней — дверь с четырьмя замками. Рядом — женщина, которая знала, что такое готовиться к худшему.

Где-то далеко, за стенами схрона, снова прокатилась сирена. Тонкая, едва слышная. Она не приближалась. Она жила своей отдельной жизнью, где-то там, наверху, где полиция, бандиты и люди, которые всё ещё искали двух женщин с зелёным рюкзаком.

Аня сделала последний глоток чая. Крышка термоса опустела. Она поставила её на ящик, укуталась в Викторину куртку, подтянула колени к груди.

Виктория сидела на табурете, пистолет лежал на верстаке, рукоятью к ней, стволом к стене. Она смотрела на дверь. Не спала. Не отдыхала. Просто существовала в паузе между тем, что уже случилось, и тем, что ещё должно случиться.

Аня закрыла глаза не до конца. Она боялась темноты под веками, но усталость была сильнее.

Последнее, что она увидела перед тем, как провалиться в неглубокий, тревожный полусон, был рюкзак в углу. Зелёный. Грязный. Нелепый. Тяжёлый.

И Виктория рядом с ним.

Не добрая. Не спасительница. Не мама.

Просто крыша над головой, пока мир снаружи пытался их найти.

Глава 3. Чистильщик и огнетушитель

Утро в гараже №17 наступило без солнца. Оно не вошло полосой света через окно, не легло на пол тёплым пятном, не принесло запах мокрого асфальта, кофе, хлеба или чужой обычной жизни. В схроне не было окон. Утро здесь определялось не небом, а часами на запястье Виктории, слабым падением напряжения на аккумуляторе и тем, что Аня перестала вздрагивать от каждого металлического звука за воротами.

Лампа всё ещё горела холодно, бело, безжалостно. За ночь она не стала домашней. Просто перестала резать глаза. Бетонные стены оставались серыми. Стеллажи — сухими и строгими. Рюкзак с бриллиантами лежал на пластиковом ящике в углу, как больной орган, который нельзя ни вырезать, ни оставить без присмотра.

Аня проснулась не сразу. Сначала она почувствовала куртку. Тяжёлую, пахнущую кровью, бензином, дымом и улицей. Потом — затёкшую шею. Потом — холодный ящик под бедром. Потом — рот, пересохший так, будто она всю ночь ела пыль. И только потом вспомнила всё. Мусоровоз. Сирены. Пустой внедорожник. Рюкзак. Виктория. Она резко открыла глаза и дёрнулась.

— Тише, — сказала Виктория.

Аня замерла. Виктория сидела у верстака, уже без куртки, в разрезанной сбоку футболке и с перевязкой вокруг корпуса. Лицо было серое от усталости. Волосы у висков подсыхли неровными прядями. Под глазами лежали тени. Но пальцы работали точно: она снимала старую повязку.

Аня сразу отвернулась.

— Не начинай, — сказала Виктория.

— Я не начинаю.

- Ты отвернулась.
- Это называется личные границы.
- Это называется страх крови.
- Это называется нормальная реакция нормального человека.
- Нормальные люди сейчас спят дома.

Аня медленно повернулась обратно. Виктория отклеивала край бинта от кожи. Делала это аккуратно, без рывков, но всё равно на скулах у неё проступило напряжение. Повязка за ночь прилипла. Когда последний слой отошёл, Аня увидела тёмное пятно, раздражённую кожу, стянутый пластырем порез и синяк вокруг ребра. Рана выглядела хуже, чем ночью. Не больше, но честнее. В холодном утреннем свете схрона всё становилось честным.

- Плохо? — спросила Аня.
- Виктория посмотрела на рану через маленькое зеркало.
- Жить можно.
- Это у тебя такая шкала качества?
- Основная.
- А не основная?
- Бежать можно или нельзя.
- И?

Виктория осторожно нажала пальцами рядом с повязкой, проверяя отёк. Челюсть сжалась.

- Бежать можно. Недолго. Плохо.
- Супер. Просто база.
- Виктория взглянула на неё.
- Что?
- База. Ну... типа основа. Ладно, неважно.
- Говори по-русски, когда страшно.
- Мне не страшно.

Виктория молча посмотрела на её руки. Аня опустила взгляд. Пальцы действительно дрожали. Уже не так, как ночью, когда тело было готово выбросить себя из кожи, но всё равно заметно. Мелко, раздражающе. Она сжала ладони в кулаки и спрятала их под курткой.

- Это от холода, — сказала она.
- Конечно.
- Не беси.
- Уже лучше.
- Что лучше?
- Злишься. Значит, мозг включился.

Виктория обработала кожу вокруг раны. Антисептик снова резко ударил в воздух медицинской горечью. Аня поморщилась, но не отвернулась. Она заставила себя смотреть. Сначала на руки Виктории, потом на бинт, потом на рану. Внутри всё сжималось, но изображение не расплывалось. Кровь была просто кровью. Кожа — кожей. Порез — порезом. Не конец света. Просто повреждение, которое надо закрыть.

Виктория заметила, что она смотрит.

- Привыкаешь.
- Слушай, — сказала Аня, посмотрев на рюкзак. — У нас тут ночь была. Почему мы до сих пор таскаем эти коробки? Бархат, картон, пустые ячейки. Это же лишний вес.

- Виктория подняла на неё глаза. Усталые, но внимательные.
- Предложение?
- Давай переупакуем. Оставим только камни. Выкинем всё лишнее.
- Виктория помолчала секунду, потом кивнула:

— Давай.

Она сама подошла к рюкзаку, расстегнула молнию и вытряхнула содержимое на пластиковый ящик. Чёрный мешок с «Слезой Босфора» и гарнитуром, несколько бархатных коробок разного размера, маленькие мешочки. Аня смотрела на это с удивлением: она почти забыла, что внутри не просто камни, а целые наборы с упаковкой.

Виктория взяла нож, аккуратно поддела крышку первой коробки. Оттуда выпал крупный бриллиант, завернутый в папиросную бумагу. Она положила его в чёрный мешок. Потом вторую коробку. Третью. Аня помогала: вскрывала, вынимала, складывала. Картонные коробки летели в угол, бархат — в отдельный пакет для мусора (Виктория сказала, что их нельзя оставлять в схроне). За несколько минут они превратили россыпь дорогих упаковок в один плотный, тяжёлый мешок, перевязанный резинкой.

Рюкзак стал заметно легче. Но всё равно оставался неподъёмным — килограмма четыре, не меньше.

— Теперь лучше, — сказала Аня, застёгивая молнию.

— Ты только что сэкономила мне плечо, — ответила Виктория.

— Не благодари. Я просто жадная до веса.

Виктория не усмехнулась, но уголок губ чуть дёрнулся.

Она подошла к верстаку, открыла металлическую коробку, которую Аня раньше не замечала, и достала оттуда два маленьких устройства. Каждое размером с крупную фасолину, с гибкой дужкой и крошечным микрофоном на проводе. Наушники-гарнитур. Аня не сразу поняла, что это. Виктория протянула один ей.

— Рация.

— Что?

— Гарнитура. Вставляешь в ухо, микрофон крепишь на воротник. Говоришь почти шёпотом — я слышу. Я говорю — ты слышишь. Дистанция до трёхсот метров в помещении. Дальше — хуже, но в ТЦ хватит.

Аня взяла устройство, покрутила в пальцах. Оно было лёгкое, почти невесомое. Пластик, резина, маленькая кнопка сбоку.

— У тебя были наушники? Всё это время?

— Были. В этом ящике. Ждали своего часа.

Виктория показала, как вставлять наушник в ухо, как крепить микрофон к воротнику куртки, как включать и на какую кнопку нажимать, чтобы говорить. Аня повторила. Чужая резина в ухе щекотала, но быстро перестала мешать.

— Проверь, — сказала Виктория и отошла к противоположной стене схрона.

— ...Ты меня слышишь? — тихо спросила Аня, чувствуя себя глупо.

Голос Виктории прозвучал в ухе чётко, почти без искажений:

— Как в соседней комнате.

— Кринжово.

— Работает.

Она вернулась к Ане, забрала наушник, проверила заряд, показала, как менять батарейку.

— Включаешь только перед выходом из схрона. Экономишь заряд. В ТЦ говорим коротко. Никакой болтовни. Координаты, направления, описание. Поняла?

— Координаты, направления, описание. Не флудить.

— Хорошо.

Виктория убрала гарнитуры в маленький непромокаемый пакет, сунула во внутренний карман.

— Сегодня выходим.

Аня подняла голову.

— Куда?

— В город.

Слово прозвучало хуже, чем «погоня». В схроне было тесно, холодно, грязно, пахло бетоном и оружейным маслом, но за ночь он стал понятным. Здесь были стены. Замки. Стеллажи. Правила. В городе были камеры, люди, витрины, полицейские, случайные взгляды, чужие телефоны, двери, которые открываются неизвестно куда.

— Зачем? — спросила Аня.

— Обувь тебе. Одежда. Наличные. Сим-карты. Еда. Обезболивающее. Антисептик. Зарядка. Возможно, транспорт.

— У нас же тут всё есть.

— Тут есть пауза. Жизни тут нет.

Аня посмотрела на стеллажи. Консервы, вода, аптечки, батарейки. Всё аккуратно. Всё заранее. Но Виктория была права. Это было место, где переживают ночь. Не место, где живут. Даже воздух здесь был запасным.

— А почему ТЦ? — спросила Аня.

— Толпа. Парковки. Магазины. Банкоматы. Туалеты. Несколько выходов. Камеры есть, но их много. Чем больше камер, тем хуже их быстро смотреть.

— Это звучит как кринж-план.

— Это звучит как рабочий план.

— В ТЦ куча людей.

— Поэтому туда.

— Нас увидят.

— Нас увидят все. Запомнят единицы. Нам нужны не отсутствие глаз, а отсутствие внимания.

Аня молчала. Виктория встала. Медленно.левой рукой придержала бок, но сразу убрала ладонь, будто сама себе запретила этот жест. Подошла к стеллажу и начала выкладывать на верстак вещи: серую медицинскую маску, две тонкие шапки, тёмные перчатки, старый складной зонт, пластиковую бутылку воды, батончик, влажные салфетки, маленький фонарик, блокнот, карандаш, плоский телефон, несколько купюр.

— Денег мало, — сказала она. — На первое хватит. Остальное снимем.

— С какой карты?

— Не твоё.

— Очень информативно.

— Меньше знаешь — меньше врёшь.

— Я вообще-то уже в этой истории по уши.

— По колено. По уши будет позже, если будешь болтать.

Аня фыркнула, но спорить не стала. Виктория открыла ящик с одеждой. Достала тёмную толстовку, старую куртку без ярких деталей, кепку, шарф. Осмотрела Аню коротким взглядом, как оценивают не человека, а силуэт.

— Тебе надо стать скучной.

— Спасибо. Очень мотивирует.

— Ты сейчас девочка с рюкзаком, которую ищут. Надо стать девочкой с рюкзаком, на которую всем плевать.

— А разница?

— В походке.

— В походке?

— И в глазах. Не верти головой. Не проверяй всех подряд. Не жмись к стенам. Не беги, если все идут. Не стой, если поток двигается. Не смотри в камеры. Не прячь лицо руками. Не изображай шпиона. Шпионов видят быстрее дураков.

— То есть мне быть дурой?

— Обычной.

— Это почти оскорбление.

— Это задача.

Виктория кинула ей шапку. Аня поймала.

— Волосы убри. Шапку ниже. Маску наденешь перед входом. Не сейчас. В маске в пром-зоне выглядишь как человек, которому есть что скрывать. В маске в ТЦ — как человек, который не хочет заболеть.

Аня стала убирать волосы под шапку. Пальцы путались. Волосы цеплялись за ткань. Она раздражённо выдохнула.

— Я выгляжу ужасно?

Виктория посмотрела.

— Ты выглядишь никак.

— Вау. Compliments от терминатора.

— Запомни это состояние.

— Какое?

— Никак — это хорошо.

Аня замолчала и посмотрела на рюкзак. Он лежал там же, в углу. Зелёный, грязный, потёртый. Слишком детский для того, что внутри. Слишком заметный именно потому, что обычный. Виктория тоже посмотрела на него.

— Его возьму я.

— Нет, — сказала Аня. Слово вышло неожиданно твёрдо. Даже для неё самой.

Виктория медленно повернулась.

— Что?

— Я понесу.

— Нет.

— Он мой.

— Он не твой.

— Я знаю. Но на мне он выглядит нормальнее. На тебе школьный рюкзак будет выглядеть как мем. Очень плохой мем. Сразу палево.

Виктория молчала. Аня почувствовала, что надо продолжать, пока голос не дрогнул.

— Девочка с рюкзаком — обычная. Женщина с раной, оружием и школьным рюкзаком с единорогом — это уже... ну... вайб психбольницы.

— Ты закончила?

— Нет. Ещё он тяжёлый. Если ты его понесёшь, у тебя бок откроется. Ты будешь медленнее. А если нам надо будет бежать, ты не сможешь. А я смогу.

— Ты вчера чуть не упала три раза.

— Вчера я была в режиме «что за ад». Сегодня я хотя бы знаю, что ад продолжается.

Виктория смотрела на неё долго. Холодно. Взвешивая не слова, а тело. Руки. Плечи. Ноги. Дыхание. Способность не сорваться. Способность слушать команду. Аня это понимала и стояла ровно, хотя внутри всё просило сесть обратно на ящик и сказать, что она передумала.

— Если понесёшь, — сказала Виктория, — не снимаешь без команды. Не ставишь на пол. Не открываешь. Не отдаёшь. Если я упаду — уходишь с ним.

Аня побледнела.

— Я тебя не брошу.

— Бросишь.

— Нет.

— Это не просьба. Это порядок.

— Мне плевать.

Виктория подошла ближе. Теперь между ними было меньше метра.

— Слушай внимательно. Этот рюкзак — причина, по которой нас ищут. Но он же может стать причиной, по которой нас будут слушать. Если он попадёт обратно к ним, мы просто мусор. Если он останется у нас, мы проблема. Проблемы иногда живут дольше мусора.

Аня сжала губы.

— Ненавижу твою логику.

— Она взаимностью не интересуется.

— А если ты упадёшь, я хотя бы попробую тебя поднять.

— Попробуешь три секунды. Не получилось — уходишь.

Аня вспомнила правило трёх секунд. Страх. Реакция. Задержка. Она ненавидела, что это правило уже вросло ей в голову.

— Ладно, — сказала она тихо. — Три секунды.

Виктория кивнула. Это не было благодарностью. Но было чем-то близким к признанию.

Аня подошла к рюкзаку и надела его. Лямки сразу врезались в плечи. Она была готова к весу, но всё равно тело просело. Бриллианты всё равно тянули вниз, хоть и не так, как раньше. Аня выпрямилась. Позвоночник хрустнул. Рот сам открылся от усилия.

— Нормально? — спросила Виктория.

— Вообще лайтово, — выдавила Аня. — Четыре килограмма счастья на плечах.

— Ремень на груди застегни.

Аня застегнула.

— Лучше?

— Нет. Но пафоснее.

Виктория впервые за утро почти усмехнулась. Почти — потому что губы сдвинулись на миллиметр, а глаза остались настороженными.

Потом началась уборка. Виктория замечала следы не метлой, а системой. Сначала осмотр пола. Где грязь с обуви. Где капля крови. Где мокрый след от носков. Где ворсинка от куртки. Где упаковка от перевязки. Всё, что можно было убрать, уходило в отдельный пакет. Всё, что нельзя убрать, маскировалось старой пылью, песком из пластикового контейнера, движением резинового коврика.

Аня смотрела и училась. Виктория не объясняла лишнего, но бросала короткие фразы:

— След не должен исчезнуть идеально. Идеально — подозрительно.

— Пыль кладётся не сверху, а в рисунок.

— Свежую кровь не трут водой. Размажешь.

— Мусор не оставляют в одном пакете. Разделяют.

— Дверь закрываешь так, чтобы она выглядела не открытой вчера, а не открытой год.

Аня запоминала. Не потому что хотела стать такой, как Виктория. Нет. Эта мысль пугала. Просто мир за ночь сменил правила, а старые учебники не подходили. В новой школе предметы назывались: «как не умереть», «как не оставить след», «как не смотреть в камеру», «как не выдать страх плечами». Учительница была ранена в бок, вооружена и говорила так, будто человеческая психика — расходник.

Перед выходом Виктория достала пакет с гарнитурами. Они вставили наушники в уши, закрепили микрофоны на воротниках. Аня проверила связь:

— Раз, два. Слышно?

— Чётко. — Голос Виктории прозвучал прямо в ухе, будто она стояла рядом, хотя уже отошла к воротам.

— Кринжово, — повторила Аня.

— Работает.

Виктория открыла маленькую металлическую коробку и достала оттуда два дешёвых кольца, старый проездной, пакетик с монетами и связку ключей.

— Ключи зачем? — спросила Аня.

— Звук.

Виктория сунула связку в карман Аниной куртки.

— Человек с ключами выглядит так, будто ему есть куда идти.

— А нам есть?

— Пока нет. Поэтому звенеть будешь убедительно.

— Гениально. Моё прикрытие — брелок.

— Не брелок. Быт.

Это слово Виктория произнесла почти с уважением.

Они выключили лампу. Схрон снова стал железным ящиком. Только теперь Аня знала, что в темноте остались вода, консервы, аптечки, запасные батарейки, пустая крышка термоса, пакет с грязными салфетками, спрятанный отдельно, и место, которое уже не казалось просто складом. Оно было их ночью. Их паузой. Их дыханием между ударами.

Виктория открывала замки в обратном порядке. Верхний фиксатор. Цепь. Штырь в полу. Маленький цилиндр под металлической пластиной. Старый ржавый навесной замок остался висеть как декорация. Ворота отошли на узкую щель. В щель вошёл серый утренний свет. Аня впервые за много часов увидела не лампу, а настоящий день.

Он оказался неприятным. Промзона утром была не менее враждебной, чем ночью, просто перестала притворяться тайной. Теперь были видны лужи с радужной плёнкой, окурки, ржавые ворота, облупленные стены, граффити, пустые бутылки, следы шин в грязи. Сверху висело низкое белёсое небо. Воздух пах мокрым бетоном, соляжкой и дешёвым утренним дымом из трубы какой-то котельной.

Виктория вышла первой, проверила стороны, потом коротко махнула Ане.

— Вспомни маршрут.

— Назад?

— Всегда назад.

Аня оглянулась на ворота, на спуск, на бетонную плиту, на ржавый лист, закрывавший проход, на дальний ряд гаражей.

— Бокс семнадцать. Спуск. Потом лист у бетонной плиты. Потом баннер с мужиком в каске. Потом автомойка. Потом хаб.

— Не хаб.

— Почему?

— Хаб скомпрометирован.

— Тогда?

— После баннера — не влево, а прямо до кирпичной трубы. За ней лестница. Лестница ведёт к старой проходной. Оттуда можно выйти к остановке.

— Почему мы не шли так ночью?

— Ночью там сидели двое.

— Откуда ты знаешь?

— Пепел свежий был. И бутылка тёплая.

Аня помолчала.

— Я когда-нибудь перестану удивляться?

— Если повезёт.

Они пошли. Виктория держалась на полшага впереди, но не так, чтобы выглядеть ведущей. На улице это уже было важно. Она не тащила Аню, не оглядывалась каждую секунду, не командовала жестами слишком явно. Просто шла. Женщина утром в промзоне. Рядом подросток с рюкзаком. Неприятно, но не невероятно.

Аня пыталась копировать её походку. Не красться. Не бежать. Не оглядываться резко. Не искать опасность глазами, как потерянная кошка. Быть невидимой оказалось не значит спря-

таться. Быть невидимой значило не дать чужому мозгу зацепиться за тебя. Не дать повода. Не дать картинки. Не дать истории.

Они прошли мимо сторожевой будки. Внутри кто-то кашлял и слушал радио. Мужской голос из динамика говорил про пробки, курс валют и утренние новости. Аня услышала слово «розыск» и едва не сбилась с шага, но Виктория даже не повернула голову.

— Не реагируй на слова, — сказала она через наушник. Голос прозвучал тихо, но чётко.

— Я не реагирую.

— Ты плечом дёрнула.

— У меня плечо живое.

— Сделай его скучным.

Аня выдохнула.

— Скучное плечо. Принято.

У проходной они влились в поток рабочих. Не большой. Человек десять: мужчины в грязных куртках, женщина с пакетом из продуктового, парень с термокружкой, кто-то в наушниках. Виктория сразу изменила скорость. Чуть медленнее. Под общий ритм. Аня почти физически почувствовала, как они перестали быть двумя отдельными фигурами и стали частью утреннего выхода.

За воротами промзона распалась на город. Обычный. Наглый. Живущий. Маршрутки шипели у остановки. Люди переходили дорогу на красный. В киоске продавали кофе и слойки. Дворник лениво толкал мокрый мусор вдоль бордюра. На рекламном щите улыбалась женщина с идеальными зубами и обещала ипотеку «без стресса». Аня посмотрела на этот щит и чуть не рассмеялась. Ипотека без стресса. База.

Виктория купила две бутылки воды в киоске. Наличные подала заранее, без лишних слов. Голос изменила — стал ниже, глуше, усталее. Продавщица даже не подняла взгляд.

— Вот так, — сказала Виктория, когда они отошли. — Людям не нужен ты. Им нужна завершённая операция. Деньги — товар — следующий.

— Я тоже хочу быть завершённой операцией.

— Будешь. Когда выйдем из города.

Они сели в маршрутку не сразу. Сначала пропустили одну. Потом вторую. Виктория смотрела не на номера, а на водителей, пассажиров, камеры у перекрёстка, патрульную машину в дальнем кармане дороги. На третью маршрутку она кивнула.

— Эта.

— Почему?

— Водитель злой, салон полный, камера внутри мёртвая.

— Ты увидела мёртвую камеру с улицы?

— Провод висит.

В маршрутке пахло мокрой одеждой, дешёвым кофе, пластиком, духами и старым отоплением. Аня села у окна, но Виктория сразу легонько нажала ей на плечо.

— Не к окну. В середину.

— Почему?

— Окно — витрина.

Аня пересела. Рюкзак давил на спину. Она не снимала его. Лямки натирали плечи, грудной ремень мешал дышать, но она терпела. Внутри маршрутки люди толкались, передавали деньги, ругались на водителя, смотрели в телефоны. Никто не знал, что у неё за спиной лежит состояние, из-за которого ночью по промзоне носились машины и сирены. Никто не знал, что женщина рядом может за тридцать секунд угнать внедорожник, вытащить из себя осколок и закрыть дверь на четыре замка. Это было почти смешно. Почти.

Виктория наклонилась к ней, но говорить стала через наушник:

— ТЦ большой. Заходим через подземную парковку. Там меньше случайных глаз, но больше камер. Не смотри вверх. Не читай вывески вслух. Не останавливайся резко. Если потереялись — не ищешь меня глазами. Идешь к пожарному плану на стене и стоишь левым плечом к нему. Поняла?

— Левым плечом к плану. Не глазами. Не вверх. Не вывески. Не резко.

— Эскалаторы.

— Что эскалаторы?

— Ты за ними следишь.

— Почему я?

— Потому что я буду смотреть людей.

— А эскалаторы не люди.

— Поэтому ты справишься.

— Очень обидный комплимент.

— Эскалатор — воронка. Люди на нём не могут быстро менять траекторию. Если кто-то нас ведёт, он будет выбирать верхнюю или нижнюю точку. Смотри, кто стоит и не едет. Кто едет без цели. Кто дважды появляется на разных уровнях.

Аня слушала и кивала. Маршрутка резко затормозила. Её качнуло, рюкзак ударил по спине. Она упёрлась ботинками в пол.

— И ещё, — сказала Виктория. — Если я скажу «падай» — падаешь.

— Прямо на пол?

— Да.

— В ТЦ?

— Особенно в ТЦ.

— А если там грязно?

Виктория посмотрела на неё. Аня вздохнула.

— Ладно. Поняла. Грязь переживу. Пулю — не факт.

— Учишься.

— Отстойная школа.

— Зато без домашних заданий.

— У нас рюкзак... — Аня осеклась и покосилась на соседа. — В общем, это хуже домашки по алгебре.

На этот раз Виктория действительно чуть усмехнулась. Не тепло. Но живо.

Маршрутка довезла их до остановки за квартал от торгового центра. Виктория не стала выходить у главного входа, где уже толпились люди, такси, доставщики, мамы с колясками и курьеры. Они вышли раньше. Прошли через двор, мимо мусорных баков, небольшой аптеки, кофейни с запотевшими окнами. Аня увидела своё отражение в стекле: шапка, маска в руке, чужая куртка, тяжёлый рюкзак. Девочка как девочка. Уставшая. Немного злая. Никакая.

Виктория была права.

Торговый центр поднялся перед ними серой громадой со стеклянными фасадами, рекламными экранами и огромной вывеской. У главного входа люди текли внутрь и наружу. Автоматические двери открывались с мягким шорохом. Охранник у рамки лениво смотрел в телефон. Камеры под потолком поворачивались медленно, как насекомые.

Виктория повела Аню не туда. Они обошли здание по боковой улице, спустились к въезду в подземную парковку. Машины втягивались вниз одна за другой. Запах изменился: холодный воздух смешался с выхлопом, мокрой резиной, бетонной пылью и тормозными колодками.

— Маску, — сказала Виктория.

Аня надела.

— Голова ниже?

— Не ниже. Естественно.

- Я уже не понимаю, где естественно.
- Представь, что ты опаздываешь, но не сильно.
- Это мой обычный вайб.
- Вот его и держи.

Они вошли через пешеходный спуск рядом с парковкой. Камера висела над дверью. Аня почувствовала её кожей, но не подняла взгляд. Смотрела на плечо мужчины впереди, на пакет с логотипом магазина электроники, на серую плитку под ногами. Держалась в группе: мужчина, женщина с ребёнком, курьер с коробкой и они. Не отдельно. Не парой беглецов. Просто часть неудобного утреннего потока.

Внутри парковки гул усилился. Каждый звук отражался от потолка: шаги, писк сигнализации, хлопок двери, голос ребёнка, скрип тележки. Свет был искусственный, зеленоватый. Машины стояли рядами, между ними двигались люди с пакетами, сумками, стаканами кофе.

Виктория не смотрела на камеры напрямую. Но Аня видела, что она знает, где они. По тому, как она выбирала траекторию между колоннами. По тому, как входила в слепые промежутки за высокими автомобилями. По тому, как пропускала вперёд семейную пару, чтобы пройти за ними под объективом.

— Камеры не надо бояться, — сказала Виктория тихо, но не в наушник — так, на случай, если рядом кто-то мог услышать. — Камера — тупой глаз. Опасен тот, кто потом смотрит запись.

- Утешение уровня «пожар не страшный, страшно гореть».
- Примерно.

Они поднялись на первый этаж через боковой лифт вместе с тремя людьми. В лифте пахло духами, влажной шерстью и кофе. Аня смотрела на кнопки. Виктория — на отражение в металлической стене. Их лица искажались, вытягивались, дробились. На секунду Ане показалось, что за ними уже кто-то стоит, но это был просто мужчина с пакетом корма для кошек.

Двери открылись. ТЦ встретил их теплом. И шумом. После схрона это было почти нападение. Музыка из динамиков. Голоса. Детский смех. Писк касс. Запах выпечки, парфюма, жареного масла, новой одежды, пластика, кофе. Свет витрин. Движение эскалаторов. Блики на плитке. Рекламные экраны. Люди. Слишком много людей. Аня на секунду остановилась.

— Поток, — сказала Виктория через наушник.

Аня заставила себя сделать шаг и войти в общий ритм.

Они двигались мимо витрин, не задерживаясь. Виктория выбирала магазины не по брендам, а по выходам. Первый — одежда. Большой сетевой магазин с широким входом, несколькими рядами, зеркалами и двумя кассовыми зонами. Камеры на потолке. Много покупателей. Слишком много одинаковых вещей.

— Здесь, — сказала Виктория.

Аня хотела спросить, что именно покупать, но Виктория уже сняла с вешалки серое худи, чёрные штаны, две футболки, упаковку носков и простую бейсболку. Размеры выбрала на глаз.

- Примерочная?
- Нет.
- А если не подойдёт?
- Подойдёт достаточно.
- Стиль умер.
- Стиль похороним позже.

Они прошли к кассе не сразу. Виктория заставила Аню пройти между рядами, взять ещё одну кофту самой, потом вернуть её на место. Обычное движение покупателя. Не слишком прямой маршрут. Не слишком быстрый.

На кассе девушка с наклеенными ресницами пробила вещи, даже не посмотрев на них толком. Виктория расплатилась наличными. Чек не взяла.

— Чек? — спросила кассирша.

— Не надо.

Голос был обычный. Уставший. Без тени тревоги.

Дальше — обувь. Аня выбрала бы что-то мягкое, красивое, нормальное. Виктория выбрала чёрные кроссовки без ярких вставок.

— Эти.

— Они страшные.

— Они бегают.

— Обувь не бегают.

— Плохая — мешает.

Размер подошёл. Почти. Чуть свободно, но с толстыми носками нормально. Аня переобулась в примерочной кабинке, старые кроссовки Виктория велела не выбрасывать в магазине.

— Почему?

— Слишком свежая связка. Купили обувь, оставили старую — точка на карте. Старую обувь выбросим отдельно.

— У меня теперь мусорная стратегия.

— У тебя теперь жизнь.

Аня затянула шнурки. Новые кроссовки были жёсткие, пахли резиной и клеем. Но сухие. После мокрых старых это казалось почти роскошью.

Потом был салон связи. Там Виктория стала ещё тише. Выбрала не большой яркий павильон, а маленькую точку у прохода, где скучающий парень листал телефон. Сим-карты лежали под стеклом. Рядом продавались дешёвые зарядки, чехлы, наушники, повербанки.

— Две сим-карты, — сказала Виктория. — Без тарифа с привязкой. Самые простые.

Парень поднял глаза.

— Паспорт нужен.

Виктория положила на стойку документ. Аня увидела только край обложки. Не её фамилия. Не её лицо. Или её? Она не успела понять. Продавец посмотрел, сравнил лениво, без интереса человека, которому платят не за внимательность, а за оформление. Что-то вбил в компьютер. Попросил номер телефона. Виктория продиктовала. Чужой, одноразовый, мёртвый — Аня уже понимала такие вещи без объяснений.

— Вам ещё защитное стекло? — спросил парень.

— Нет.

— Повербанк по акции?

Виктория посмотрела на витрину.

— Один. Средний. И зарядку.

Аня едва не сказала: «У нас же денег мало», но вовремя прикусила язык. В этой новой школе был ещё один предмет: не обсуждать ресурсы при продавцах.

Когда они отошли, Виктория сунула сим-карты во внутренний карман, повербанк — в пакет с одеждой.

— Теперь деньги, — сказала она.

— Банкомат?

— Да.

— Там камеры.

— Везде камеры.

— Обожаю город. Просто стеклянная клетка с фудкортом.

— Поэтому люди в нём расслабляются. Думают, если всё видно, значит, безопасно.

Банкоматы стояли в нише между аптекой и магазином косметики. Три штуки. У одного — мужчина в пальто. У второго — пожилая женщина. Третий свободен, но Виктория не пошла к нему сразу. Она остановилась у витрины аптеки, будто выбирала что-то от простуды.

— Смотри эскалаторы, — сказала она через наушник.

Аня напряглась. В центре атриума два эскалатора вели вверх, два вниз. Люди текли по ним непрерывно. Школьники, мамы, мужчины с портфелями, девушки с кофе, охранник, курьер. Сначала всё сливалось. Потом Аня начала делать так, как учила Виктория: не смотреть на лица подряд, а искать поведение. Кто стоит, но не едет. Кто смотрит не туда, куда идёт. Кто появляется второй раз. Кто слишком ровный. Слишком ровных пока не было.

— Чисто? — спросила Виктория.

— Не знаю.

— Хороший ответ. Продолжай.

Виктория подошла к банкомату. Вставила карту. Закрыла экран ладонью, но не слишком театрально. Набрала код. Сняла деньги. Не много. Несколько операций подряд не делала. Купюры убрала в разные места: часть в карман, часть в пакет, часть в маленький плоский кошелек.

— Карта на мертвеца? — спросила Аня, когда они отошли.

— Тише.

— Но да?

— На человека, который больше не пользуется деньгами.

— Это очень криво.

— Зато он не спорит.

— Чёрный юмор у тебя как подвал.

— Рабочий.

Они зашли в аптеку. Виктория купила обезболивающее, перевязочные материалы, антисептик, маленькие ножницы, пластыри, таблетки для желудка.

— Мне таблетки для желудка? — спросила Аня.

— Тебя тошнит от адреналина.

— Меня тошнит от жизни.

— От жизни это другие таблетки.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет.

Аня посмотрела на неё и вдруг тихо фыркнула. Не потому что было смешно. Потому что иначе пришлось бы снова плакать. Виктория не улыбнулась, но дала ей бутылку воды.

— Пей.

— Я не маленькая.

— Маленькие как раз забывают пить реже. Они ноют.

— Я не ною.

— Уже меньше.

Они вышли из аптеки и направились к магазину продуктов. Виктория брала всё с расчётом: батончики, орехи, сухари, воду, маленькие упаковки сыра, влажные салфетки, пакеты. Ничего тяжёлого. Ничего пахнущего. Ничего, что надо готовить.

Аня несла пакет и рюкзак. Плечи уже ныли. Ремень давил на грудь. Но она не просила забрать. Не потому что гордилась. Потому что понимала: если сейчас отдаст, Виктория возьмёт. И будет идти с раной, оружием, болью, пакетом, планом и рюкзаком, пока не упадёт. Аня не хотела проверять эти три секунды.

После продуктов Виктория повела её к туалетам.

— Переоденешься.

— Там камеры?

— В кабинках нет. В коридоре есть.

— Прекрасно.

— Зайдешь с пакетом. Выйдешь в новом. Старое сложишь внутрь. Маску оставишь. Волосы под бейсболку.

— А рюкзак?

— На себе.

— В кабинке?

— На себе.

— Это будет акробатика.

— Это будет жизнь.

Аня переодевалась в тесной кабинке, где пахло хлоркой, дешёвым освежителем и чужими руками. Рюкзак мешал. Она сняла куртку, но не рюкзак, протасила худу через голову, едва не застряла, выругалась шёпотом. Чёрные штаны надела поверх колготок, потом сняла старые, запуталась в штанине, ударилась локтем о стенку.

— Ненавижу всё, — прошипела она.

Снаружи кто-то включил сушилку для рук. Рёв перекрыл её дыхание.

Когда Аня вышла, Виктория оценила её одним взглядом. Серое худу. Чёрные штаны. Чёрная бейсболка. Маска. Новые кроссовки. Рюкзак всё тот же, но теперь он меньше выбивался из силуэта.

— Нормально? — спросила Аня.

— Никак.

— Лучший комплимент утра.

Виктория забрала пакет со старой одеждой, переложила часть вещей, упаковки разорвала и распределила по разным мусорным урнам на выходе из туалетной зоны. Не все сразу. Одну — здесь. Вторую — у автомата с игрушками. Третью — в урну у лифта.

Аня следила за эскалаторами. Сначала по обязанности. Потом сама. Она стояла у витрины магазина косметики и делала вид, что смотрит на помады. В стекле отражался атриум, люди, свет, движущиеся лестницы. Отражение было удобнее прямого взгляда: можно было смотреть, не выглядя смотрящей.

И тогда она увидела мужчину. Он стоял на втором уровне у стеклянного ограждения. Тёмная куртка. Обычные джинсы. Никакой бандитской кожи, никаких цепей, никакого злодейского лица. В руке — бумажный стаканчик кофе. Рядом — магазин спортивной одежды. Он мог быть кем угодно. Мужем, который ждёт жену. Курьером. Покупателем. Обычным человеком. Но он стоял слишком ровно. Не переносил вес с ноги на ногу. Не смотрел в телефон. Не пил кофе. Не выбирал товар. Не скучал. Его голова была повернута не прямо на них, а чуть в сторону, будто он рассматривал витрину напротив. Но в отражении Аня увидела угол его взгляда. Он смотрел вниз. Туда, где Виктория выбрасывала последнюю упаковку.

Аня почувствовала, как холод проходит по спине под рюкзаком. Не паника. Не крик. Что-то другое. Узкое, ясное. Как нитка, натянутая внутри. Она не повернула голову. Не указала пальцем. Не схватила Викторию за рукав. Она продолжила смотреть в витрину на помады, хотя уже не видела ни цветов, ни ценников.

Виктория, покончив с упаковками, бесшумно подошла и встала рядом, тоже уставившись в витрину.

— Виктория, — сказала Аня тихо, но так, чтобы микрофон на воротнике уловил. — Не смотри сразу.

Голос Виктории ответил в наушнике:

— Где?

— Второй уровень. Ограждение. Тёмная куртка. Кофе. Он стоит слишком ровно и не выбирает товар.

Виктория не подняла голову. Она посмотрела в ту же витрину, куда смотрела Аня. Одной секунды хватило. Лицо Виктории не изменилось. Только глаза стали холоднее.

— Хорошо, — сказала она. — Ты научилась.

Виктория не стала уходить сразу. Это было первое, что Аня поняла и почти возненавидела. Внутри неё всё уже сорвалось с места. Ноги хотели бежать, руки хотели вцепиться в лямки рюкзака так, чтобы ткань треснула, горло хотело выдать какой-нибудь короткий испуганный звук. Мужчина наверху стоял слишком ровно, слишком тихо, слишком не как покупатель, и от этого весь торговый центр вдруг стал картонной декорацией, за которой двигалась настоящая опасность.

Но Виктория продолжала стоять у витрины косметики и шуршать пакетом. Не резко. Не долго. Ровно столько, сколько могла стоять обычная женщина, которая перекладывает покупки, проверяет чек, вспоминает, не забыла ли что-то в аптеке.

— Не ускоряй дыхание, — сказала она в наушник.

— Я не...

— Ускоряешь.

Аня заставила себя вдохнуть через нос. Маска прилипла к лицу. Воздух был тёплый, пах тканью, шоколадом, парфюмом и её собственным страхом. Она выдохнула медленно. На шесть, как Виктория учила в машине. Только теперь не машина летела по промзоне, а они стояли посреди торгового центра между витриной с помадами и толпой людей, которые не знали, что рядом началась охота.

— Он нас видит? — спросила Аня.

— Возможно.

— Возможно?!

— Он видит сектор. Не нас полностью.

— А это типа лучше?

— Это значит, что у нас есть секунды.

В отражении витрины мужчина в тёмной куртке наконец двинулся. Не к ним. Не резко. Он просто сделал шаг вдоль стеклянного ограждения второго уровня, будто решил пройти к эскалатору. Стаканчик кофе оставался в правой руке. Левая была свободна. Голова чуть опущена. Он не смотрел вниз напрямую, но его траектория была слишком чистой: без витрин, без остановок, без бытовой бессмысленности. Все вокруг петляли. Он сокращал.

— Он идёт, — сказала Аня.

— Да.

— Что делаем?

— Покупаем помаду.

Аня повернула к ней глаза.

— Что?

Виктория взяла с ближайшего стенда первый попавшийся тестер, посмотрела на цвет, поставила обратно и взяла другой.

— Ты подросток в магазине косметики. Веди себя соответственно.

— Я подросток с бриллиантами и киллером наверху.

— Поэтому особенно.

Аня машинально взяла блеск для губ, прочитала название и не поняла ни слова. Руки всё ещё дрожали, но теперь дрожь была меньше. Действие помогало. Даже тупое. Даже бессмысленное. Тестер, крышка, ценник, стойка. Мир сужался до предметов, которыми можно было занять пальцы, пока мозг считал выходы.

Виктория через отражение следила за вторым уровнем. Аня видела это по микродвижениям: не глазами, а паузами. Виктория брала товар, ставила обратно, сдвигалась на полшага, меняла угол отражения. Мужчина наверху шёл к эскалатору вниз. Медленно. Спокойно. И всё равно слишком быстро.

— Кто он? — спросила Аня.

— Чистильщик.

Слово легло между ними плоско и тяжело.

— Типа как ты?

— Нет.

— Чем отличается?

— Я убирала последствия. Он убирает людей.

Аня перестала чувствовать блеск для губ в пальцах.

— Ты его знаешь?

Виктория не ответила сразу. Мужчина наверху поставил стаканчик кофе на край урны у эскалатора и поехал вниз. Это движение было обычным. Люди постоянно ставили недопитый кофе куда попало. Но Виктория чуть заметно напряглась.

— Знаю почерк, — сказала она.

— Почерк?

— Правую руку освободил перед спуском. Кофе был не кофе. Маркер.

— Какой маркер?

— Проверял, смотрим ли мы на него. Если бы я повернула голову на стаканчик — он бы понял, что раскрыт.

— А мы не раскрыли?

— Ты раскрыла. Правильно.

Аня не знала, гордиться или блевать.

Мужчина спускался по эскалатору. Он стоял не посередине ступени, как большинство, а чуть сбоку, ближе к правому поручню. У него была расслабленная поза человека, которому некуда спешить. Но его взгляд работал. Не бегал. Не цеплялся. Просто снимал пространство слоями.

Виктория поставила тестер на место.

— Идём в одежду.

— Мы же уже были.

— Поэтому туда.

— Это логика или издевательство?

— И то, и другое.

Они двинулись вдоль витрин не к ближайшему выходу, а обратно в сторону большого магазина одежды. Аня сначала не поняла. Выход был в другую сторону. Эскалатор — тоже. Но Виктория шла туда, где больше рядов, зеркал, манекенов и людей, занятых выбором размеров. Пространство, где можно исчезнуть не за стеной, а в повторении одинаковых силуэтов.

— Не оборачивайся, — сказала Виктория.

— Я смотрю витрины.

— Смотри лучше.

Аня подняла взгляд на стекло магазина аксессуаров. В отражении мужчина с эскалатора уже был на первом уровне. Он не пошёл сразу за ними. Он остановился у карты торгового центра, как будто изучал, где находится фудкорт или туалет. Но стоял так, чтобы видеть проход к магазинам одежды.

— Он остановился.

— Хорошо.

— Хорошо?!

— Значит, не уверен, что мы поняли.

— А если уверен?

— Тогда он даёт нам почувствовать ложную свободу.

— Мне уже не нравится слово «хорошо».

— Привыкнешь.

Они вошли в магазин одежды. Тот же запах новой ткани, тёплой пыли и пластика. Та же музыка, слишком бодрая для людей, которые выбирают дешёвые штаны. Те же манекены с пустыми лицами. Теперь всё выглядело иначе. Ряды вешалок стали укрытиями. Зеркала — окнами назад. Примерочные — ловушками. Кассовая зона — узким горлом. Служебная дверь у дальней стены — возможностью или капканом.

Виктория взяла с вешалки женский жакет, повесила себе на руку, потом другой. Аня взяла худи, хотя оно ей не было нужно. Они двигались между рядами так, будто снова выбирали одежду. Но теперь их маршрут строился не по товарам, а по линиям обзора.

— Он зайдёт? — спросила Аня.

— Не сразу.

— Почему?

— Сначала проверит выходы.

— Ты знаешь, что он сделает?

— Я знаю, что сделала бы я.

— И он тоже знает?

Виктория мельком посмотрела на неё.

— Поэтому плохо.

Аня почувствовала, как под рюкзаком выступил пот. Тёплая ткань худи прилипла к спине. Вес бриллиантов стал не просто физическим, а шумным. Ей казалось, что каждый камень внутри звенит, что каждый продавец слышит, что каждая камера видит сквозь ткань. Она подтянула лямку, но тут же вспомнила: лишнее движение. Остановилась. Сделала вид, что поправляет рукав.

Виктория заметила.

— Нормально.

— Что нормально?

— Поправила без паники.

— У меня внутри паника в полный рост.

— Снаружи меньше.

— Прогресс?

— Да.

Они прошли к зеркалу в дальнем углу. Виктория встала так, чтобы видеть вход в магазин под углом. Аня держала худи перед собой, будто оценивает цвет. В зеркале появились люди: женщина с коляской, парень в наушниках, две девушки с одинаковыми пакетами, консультантка. Мужчины в тёмной куртке не было.

— Он не вошёл, — сказала Аня.

— Вошёл.

— Где?

— Не в главный проход.

Аня почти повернула голову, но удержалась.

— Смотри левое зеркало. За стойкой с джинсами.

Она посмотрела. Сначала увидела только ряд джинсов, металлическую стойку, табличку «-30%», женщину с красной сумкой. Потом — кусок тёмной куртки за колонной. Мужчина стоял не в проходе, а у бокового входа магазина, почти за рекламным стендом. Он не рассматривал товар. Но теперь в руке у него был телефон.

— Он кому-то звонит?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Экран чёрный.

— Тогда зачем?

— Отражение. Камера. Или повод держать руку выше.

Аня вдруг поняла: он тоже использует стекло, металл, витрины. Он тоже не смотрит прямо. Он тоже знает, что прямой взгляд — это признание.

— Он как ты, — сказала она.

Виктория помолчала.

— Хуже.

— Почему?

— Он не ранен.

Это было сказано без жалости к себе. Просто вводная. Как температура воздуха или количество выходов. Аня посмотрела на Викторию и впервые за всё время увидела не только собранность, но и предел. Лицо ровное, но губы чуть суше. Движения точные, но экономные до жадности. Она берегла каждый поворот корпуса. Рана в боку не исчезла от того, что началась охота. Она только стала ещё одним участником игры, работающим против них.

— Мы можем выйти через служебную дверь? — спросила Аня.

— Он ждёт, что я попробую.

— Тогда не пробуем?

— Пока нет.

— А главный выход?

— Тоже считает.

— Эскалатор?

— Слишком открыто.

— Лифт?

— Камера и коробка.

— Примерочная?

— Тупик.

— Класс. Мы в магазине шмоток, а ощущение, что в шахматах, где все клетки горят.

— Неплохое описание.

— Спасибо. Я в ужасе, но с метафорами.

Виктория взяла пару вещей и пошла к примерочным. Аня напряглась.

— Ты же сказала тупик.

— Для тех, кто входит.

— А мы?

— Не войдём.

Перед примерочными стояла очередь из трёх человек. Виктория подошла, повесила вещи на стойку возврата, задержалась у зеркала и резко, но естественно сменила направление, будто передумала мерить. Она быстро, не привлекая внимания, вернулась к Ане и встала рядом, делая вид, что поправляет воротник.

— Он копирует? — спросила Аня через наушник.

— Он режет угол.

— Что это значит?

— Он не идёт за нами по следу. Он идёт туда, где мы окажемся.

— Как он знает?

— Потому что я слишком предсказуема для человека, который меня учил или учился рядом.

Аня резко посмотрела на неё.

— Что?

— Потом.

— Нет, это не «потом». Он тебя знает?

— Сейчас важно, что он знает мои привычки.

— Какие?

— Я люблю зеркала. Не люблю тупики. Беру правый край потока. Перед выходом делаю ложную остановку. Использую шум. Не доверяю лифтам. Веду слабого через магазин, где много ткани и зеркал.

Аня почувствовала, как живот падает вниз.

— То есть мы делаем всё, что он ждёт?

— Уже нет.

— Почему?

— Потому что ты спросила.

Виктория повернула к ней голову.

— Он профи. Мне нужна твоя голова.

Аня моргнула.

— Моя?

— Да.

— У меня она сейчас в режиме «ошибка системы».

— Нормально. Твоя ошибка не похожа на мою привычку. Он считает меня. Тебя — нет.

Аня хотела сказать что-то нервное, смешное, привычное. Про то, что её голова обычно нужна только для шапки и школьных проблем. Про то, что доверять ей план — это кринж на уровне госзакупок. Но слова не вышли. Потому что Виктория сказала это не как утешение. Не как взрослый, который хочет подбодрить ребёнка. Она сказала это как профессионал, которому действительно понадобился новый элемент в схеме.

Аня посмотрела в зеркало. Мужчина в тёмной куртке стоял теперь ближе. Он листал вешалку с мужскими свитерами. Плохо листал. Без интереса. Пальцы двигали ткань, глаза работали отдельно.

— Он видит нас через зеркало у примерочных, — сказала Аня.

— Да.

— И ждёт, что мы пойдём к правому выходу.

— Да.

— Потому что ты любишь правый край.

— Да.

— А если мы пойдём левым?

— Он готов. Левый выходит к эскалатору. Там открыто.

— А если не к выходу?

Виктория не ответила сразу.

Аня сглотнула и продолжила, пока мысль не развалилась:

— Он считает тебя. Значит, ты не должна делать ход. Я должна.

— Говори.

— Мы разделяемся.

— Нет.

— На несколько секунд.

— Нет.

— Слушай. Он пришёл за нами двумя или за рюкзаком?

— За всем.

— Но рюкзак на мне. Если я пойду одна, он посмотрит на меня. Хотя бы на секунду. Если ты пойдёшь в другую сторону, он будет выбирать. Ему придётся решать, кто важнее. Ты или рюкзак.

— Он выберет рюкзак.

— Значит, ты сможешь выйти ему за спину.

— Или он возьмёт тебя.

— На людях?

— Профи умеют брать людей на людях.

Аня почувствовала, как по спине прошёл ледяной пот, но не отступила.

— Тогда не далеко. Я не уйду из магазина. Я иду к манекенам у выхода, делаю вид, что фоткаю или выбираю кепку. Ты уходишь между рядами назад. Мы встречаемся у пожарного выхода за магазином техники. Ты сама показывала план.

— Это далеко.

— Но не прямой выход. Он ждёт, что ты не пойдёшь туда, потому что там служебный коридор и камеры. Значит, туда он поставит меньше внимания.

— Ты не знаешь, сколько у него людей.

— А ты знаешь?

Виктория молчала. Ответ был ясен.

Аня вдохнула через нос. Маска снова прилипла к губам.

— Он один сейчас. Или главный один. Если бы их было трое, нас бы уже закрыли у входов. Они бы не играли в витрины. Значит, ему надо подойти чисто. Без шума. Он не хочет панику. Значит, паника — наш шанс.

— Паника привлекает охрану. Охрана привлекает камеры. Камеры привлекают Соколова.

— А Чистильщик привлекает смерть. Выбирай вайб.

Виктория посмотрела на неё так, будто впервые увидела не девочку с рюкзаком, а человека, который способен предложить плохой, рискованный, но рабочий вариант.

— Ты боишься? — спросила она.

— Очень.

— Хорошо.

— Опять это слово.

— Страх держит тебя внимательной.

— А если я облажаюсь?

— Облажаешься — падай.

— Просто падай?

— Да. Толпа остановится. Он потеряет темп. Я заберу.

— Меня или рюкзак?

Виктория не ответила сразу. Потом сказала:

— Сначала тебя.

Аня отвела взгляд. Это было сказано почти без интонации. Но почему-то ударило сильнее, чем чай в схроне и куртка на плечах. Не мягкость. Не забота. Просто порядок приоритетов, который Виктория, возможно, сама себе не хотела признавать.

— Ладно, — сказала Аня. — Тогда делаем.

— Счёт?

— Три секунды?

— Нет. Семь. На трёх ты отходишь. На пяти я теряюсь. На семи он выбирает. У пожарного выхода — левое плечо к плану. Если меня нет сорок секунд — уходишь вниз по лестнице.

— Нет.

— Да.

— Виктория...

— Это условие.

Аня сжала лямки рюкзака.

— Сорок секунд. Потом вниз.

— Не ждёшь героически. Героизм — мусорный жанр.

— А ударить кого-нибудь огнетушителем — это героизм?

— Это хозяйственное использование имущества.

Аня нервно усмехнулась.

— Вот за это тебя почти можно любить.

— Не надо. Мешает бегать.

Мужчина в тёмной куртке переложил свитер на место. Он приближался. Не прямо. Через ряд. Через отражения. Через чужие спины. Он двигался так, будто не преследовал, а случайно совпадал с ними в выборе маршрута. Но дистанция сокращалась. С пятнадцати метров до двенадцати. Потом до десяти. В торговом центре десять метров — это почти рядом. Между ними были ткань, люди, музыка и привычка окружающих не видеть ничего, кроме скидок.

Виктория взяла с полки бейсболку и надела Ане на голову поверх уже убранных волос.

— Зачем?

— Новый контур.

— Я теперь совсем никак?

— Почти.

— Почти — это плохо?

— Почти — это жизнь.

Она поправила козырёк. Движение было быстрым, деловым, но в нём на секунду появилось что-то странно человеческое. Как будто она не маскировала Аню, а собирала её перед выходом в холод.

— Готова?

— Нет.

— Пойдёшь всё равно.

— Знаю.

— Смотри не на него. На манекены. Потом на телефонный чехол. Потом на пожарный план.

— У меня нет телефона.

— Значит, смотри на витрину с чехлами как человек, который выбирает, но бедный.

— Это моя самая естественная роль.

— Иди.

Слово было тихим. Но для Ани оно прозвучало как выстрел. Она сделала шаг. Потом второй. Не быстро. Не медленно. Просто девочка в сером худи, чёрных штанах и новой страшной обуви идёт между рядами одежды, держа в руке ненужную кепку, с рюкзаком за спиной. Ей шестнадцать. Она якобы выбирает что-то. Она якобы обычная. Она якобы не чувствует, что мужчина в тёмной куртке сейчас решает, кого убить первым или как забрать её так, чтобы никто не понял.

На третьем шаге она отделилась от Виктории. Мир тут же стал шире и страшнее. Раньше Виктория была рядом, как стена, как нож, как дверь с замками. Теперь между ними встал ряд курток. Потом стол с джинсами. Потом женщина с коляской. Аня продолжала идти, хотя тело хотело развернуться обратно.

Она дошла до манекенов у выхода. Один манекен был одет в белый пуховик и лыжную шапку. Другой — в зелёную куртку. У обоих не было лиц. Это почему-то разозлило Аню. Даже пластиковым уродам можно стоять спокойно, а ей нельзя. Она взяла с соседней стойки шарф и приложила к манекену, будто сравнивает цвет. В отражении стекла у выхода она увидела мужчину. Он остановился. Не резко. Просто на полшага нарушил свой темп. Выбор. Аня почувствовала это кожей. Он смотрел не на неё. Не прямо. Но его тело уже повернулось в её сторону. Рюкзак. Девочка. Цель. Виктория без рюкзака становилась опасной, но менее ценной. Аня с рюкзаком — ценной, но слабой. Ему надо было выбрать, и он выбрал слабую ценность.

Аня заставила себя не ускоряться. Она вышла из магазина в общий проход. Шум ТЦ ударил сильнее. Эскалаторы шуршали впереди. Слева витрина магазина аксессуаров. Справа

островок с чехлами для телефонов. Дальше — поворот к технике и пожарному выходу за ней. Семь секунд давно прошли. Виктории рядом не было.

Аня подошла к островку с чехлами и взяла первый попавшийся розовый чехол с блёстками.

— Вам подсказать? — спросила продавщица.

Аня чуть не сказала «спасите», но вместо этого выдала:

— У вас на пятнадцатый айфон есть что-нибудь не такое... кричащее?

Голос прозвучал почти нормально. Чужой, но нормально.

— Конечно, вот здесь посмотрите.

Продавщица начала доставать чехлы. Это было хорошо и плохо. Хорошо — потому что рядом появился свидетель. Плохо — потому что Аня застряла. Она чувствовала мужчину за спиной ещё до того, как увидела его в зеркальной панели островка. Он вышел из магазина. Дистанция — метров восемь. Он не смотрел на неё прямо. Он шёл к соседней витрине. Но его траектория резала проход так, чтобы через несколько секунд оказаться у неё сбоку. Не за спиной, где можно испугать. Сбоку, где можно взять под локоть, сказать что-нибудь спокойное, повести как знакомую. На людях это сработало бы. Люди не вмешиваются, если насилие похоже на семейную сцену, служебный разговор или просьбу взрослого к подростку.

Аня поняла это с холодной ясностью. Виктория была права. Профи умеют брать людей на людях.

— Вот матовый чёрный, — сказала продавщица.

— Скучный, — ответила Аня.

— Есть серый.

— Ещё скучнее.

— Сейчас модно минималистично.

— У меня сегодня и так минимализм по жизни.

Продавщица не поняла, но улыбнулась. Мужчина был уже в пяти метрах. Аня увидела его лицо в отражении. Спокойное. Ничем не выдающееся. Волосы короткие. Щетина аккуратная. Глаза не злые. Вот что было хуже всего: он не выглядел злым. Злость можно заметить. Злость оставляет следы на лице, в плечах, в дыхании. Этот человек был пустым от лишнего. Он делал работу.

И где-то за рядами, невидимая для Ани, двигалась Виктория. Или не двигалась. Или уже попала в его расчёт.

Аня взяла серый чехол, покрутила в руках и сказала:

— А можно я сфоткаю подруге?

— Конечно.

Телефона у неё не было. Она сделала вид, что ищет его в кармане, потом в другом, потом хлопнула себя по худе.

— Блин. Я его в магазине оставила.

Продавщица сочувственно округлила глаза.

— В каком?

— В одежде. Я сейчас.

И Аня пошла обратно. Не к пожарному выходу. Не по плану. Она увидела в отражении, как мужчина на долю секунды изменился. Не лицом — темпом. Его расчёт споткнулся. Если она идёт обратно, значит, рюкзак возвращается к Виктории? Или это паника? Или приманка? Он должен был решить снова.

Аня не знала, правильно ли делает. Она просто поняла, что если пойдёт прямо к пожарному выходу, он перережет её у поворота. А если вернётся, то сломает линию. «Твоя ошибка не похожа на мою привычку». Вот. Ошибка. Она сделала её оружием.

Мужчина пошёл следом, но уже не так гладко. Между ними вклинилась пара с пакетами, потом ребёнок на самокате, которого мать тут же схватила за капюшон. Аня прошла мимо входа в магазин одежды, но не вошла. Вместо этого резко свернула к эскалатору вниз, будто вспомнила, что телефон мог остаться на фудкорте или в туалете. Сердце било так, что отдавалось в горле.

— Девочка, чехол! — крикнула продавщица сзади.

Аня поняла, что всё ещё держит серый чехол. Прекрасно. Теперь она ещё и воровка аксессуаров.

— Да чтоб тебя, — прошептала она.

Она остановилась, подняла чехол, виновато махнула продавщице, как обычный тупой подросток, и пошла обратно на два шага, чтобы вернуть. Мужчина снова замедлился. Ему нельзя было ускоряться. Нельзя было привлекать внимание. Нельзя было хватать её рядом с продавщицей, которая уже смотрит. И эти две секунды стали подарком.

Из бокового прохода за магазином одежды вышла Виктория. Не к Ане. К мужчине. Она не нападала. Не бежала. Просто появилась в его слепом углу, с пакетом в руке, как уставшая покупательница, которая тоже идёт к островку с чехлами. Но Аня увидела, как изменилось её плечо. Как правая рука стала свободной. Как корпус, несмотря на рану, собрался для короткого рывка.

Мужчина тоже увидел. Слишком рано. Он чуть повернул голову. Не испугался. Не удивился. Только принял информацию. И ушёл от контакта. Просто сделал шаг в сторону, подставив между собой и Викторией женщину с пакетами. Не толкнул её, не схватил, не создал сцены. Использовал чужое тело как стену. Викторией пришлось остановиться, чтобы не сбить женщину. Одной секунды хватило, чтобы Чистильщик снова стал недостижимым.

— Сука, — очень тихо сказала Виктория в наушник. Аня прочитала по губам, но слово прозвучало в ухе чётко.

Мужчина двинулся к эскалатору вверх. Не вниз, не к выходу, не к Ане. Вверх. Он снова резал угол. Он понял, что их план включает пожарный выход на этом уровне, и уходил туда, откуда сможет увидеть следующий маршрут сверху. Он не гнался. Он управлял.

Виктория подошла к Ане и забрала из её руки чехол.

— Украсть решила?

— Это был манёвр.

— Дорогой?

— Не знаю. Серый. Скучный. Почти наш стиль.

Виктория положила чехол обратно на стойку, коротко кивнула продавщице.

— Передумали.

— Бывает, — сказала продавщица и тут же переключилась на другого покупателя.

Виктория взяла Аню за локоть. Не грубо. Но пальцы были стальные.

— Ты изменила маршрут.

— Он бы перерезал у поворота.

— Видела?

— В отражении. Он шёл сбоку. Как будто знакомый. Мог взять за локоть и сказать, что я его дочь или типа того.

Виктория смотрела на неё долю секунды.

— Верно.

— Я облажалась?

— Нет.

— Тогда почему у тебя лицо, как будто я сожгла город?

— Потому что он тоже не облажался.

Они пошли вдоль атриума, теперь уже не скрываясь в магазине, а используя общий поток. Виктория перестроила маршрут. Пожарный выход за магазином техники оставался целью, но прямой путь к нему был закрыт. Чистильщик ушёл вверх и мог видеть их сверху через стеклянное ограждение. Значит, надо было пройти так, чтобы верхний обзор стал бесполезен.

— Зеркала, — сказала Виктория в наушник. — Потом эскалатор. Потом техника.

— Он же наверху.

— Поэтому мы пойдём туда, где верх видит слишком много.

— Это как?

— Фудкорт.

Аня едва не застонала.

— Толпа с подносами?

— Да.

— Дети, супы, кофе, липкий пол?

— Да.

— Ты точно профи, а не садист?

— Сегодня совпало.

Они поднялись на эскалатор не сразу. Сначала подошли к витрине магазина белья, потом резко, но естественно влились в группу людей, которые уже ступали на движущиеся ступени вверх. Аня встала на одну ступень ниже Виктории, как будто они не вместе. Рюкзак давил назад, и она крепко держалась за поручень.

— Не стой рядом со мной, — сказала Виктория.

— Уже.

— Если он смотрит сверху, мы не пара.

— Мы и так не похожи на пару. Скорее на похищение со скидкой.

— Меньше юмора.

— Юмор держит меня от истерики.

— Тогда дозируй.

Эскалатор вёз их вверх медленно, мучительно открыто. Аня чувствовала себя выставленной на ленту. Вокруг люди стояли, листали телефоны, говорили, держали пакеты. На соседнем эскалаторе вниз ехали другие лица. Она искала мужчину в тёмной куртке и не находила. Это было хуже.

— Я его не вижу, — сказала она.

— Значит, он видит нас.

— Обожаю.

— Смотри не за ним. Смотри за теми, кто смотрит на нас слишком долго.

Аня перевела взгляд. Девушка с кофе — нет. Мужчина с ребёнком — нет. Охранник у перил — возможно, но он смотрел на всех. Женщина в красном пальто — только на витрину. Парень в кепке — в телефон. Никто.

Наверху они сошли с эскалатора и сразу попали в запах еды. Фудкорт был огромный, шумный, яркий. Жареная курица, картошка фри, кофе, сладкая выпечка, лапша, соусы, пластик, мокрые подносы. Люди сидели за столами, двигали стулья, искали места, ругались, смеялись, кормили детей. Здесь верхний обзор действительно становился бесполезен: слишком много голов, подносов, курток на спинках стульев, колонн, рекламных стоек.

Виктория взяла пустой поднос с ближайшей стойки.

— Зачем?

— Роль.

— Мы будем есть?

— Нет.

— То есть я голодная актриса с рюкзаком.

— Именно.

Аня взяла второй поднос, потому что поняла: предмет в руках делает человека понятнее. Человек с подносом ищет еду или столик. Его не надо объяснять.

Они прошли между рядами столов. Виктория двигалась чуть медленнее из-за раны. Аня видела, как каждый поворот корпуса отдаётся ей болью. Один раз Виктория слишком резко обошла ребёнка со стаканом сока и на секунду прижала локоть к боку.

— Ты норм? — тихо спросила Аня.

— Нет.

— Честно хотя бы.

— Не радуйся.

— Я не радуюсь. Я фиксирую исторический момент.

Виктория хотела ответить, но не успела. Мужчина в тёмной куртке появился у стойки с кофе. Уже на их уровне. Без подноса. Без пакета. Но с новым стаканчиком в руке.

— Он здесь, — сказала Аня.

— Вижу.

— Как он так быстро?

— Не быстро. Правильно.

— Он нас обошёл?

— Да.

— Ты же сказала, фудкорт.

— Он тоже так сказал.

Виктория не остановилась. Она повела Аню между столами, туда, где фудкорт переходил в коридор к кинотеатру и туалетам. Чистильщик не ускорялся. Он просто пошёл параллельно, по внешнему краю, где меньше людей и проще держать линию. Дистанция снова начала сокращаться. Двенадцать метров. Десять. Девять.

Аня вдруг поняла, что он специально не прячется полностью. Он давит присутствием. Даёт видеть себя ровно настолько, чтобы они тратили силы на расчёт, на страх, на перестройку маршрута. Он не просто догонял. Он заставлял Викторию думать быстрее, чем позволяла рана.

— Он гонит нас, — сказала Аня.

Виктория коротко посмотрела на неё.

— Куда?

Аня огляделась через отражение в стекле кофейной стойки. Кинотеатр впереди. Туалеты справа. Служебный коридор слева за дверью для персонала. Эскалатор назад. Пожарный выход где-то за магазином техники ниже или через переход.

— К туалетам, — сказала Аня. — Там камеры меньше, но тупик. Или служебка. Он хочет, чтобы ты выбрала служебку, потому что ты не любишь тупики.

— Хорошо.

— Если ты ещё раз скажешь «хорошо», я начну брать за это деньги.

— Бери бриллиантами.

— Не смешно.

— Зато дорого.

На секунду это было почти нормальным разговором. Потом мужчина в тёмной куртке поставил стаканчик на чужой стол и пошёл быстрее. Не бегом. Просто быстрее. Дистанция стала шесть метров.

Виктория бросила поднос на ближайший стол.

— Вниз.

— Куда?

— Сейчас.

Она резко свернула не к туалетам и не к служебной двери, а между столиками, где сидела большая семья с тремя детьми. Аня пошла за ней, едва не зацепив рюкзаком стул. Один ребёнок уронил картошку. Мужчина за столом возмущённо поднял голову.

— Осторожнее!

— Извините, — сказала Аня автоматически.

— Не извиняйся на бегу, — бросила Виктория.

— Я воспитанная!

— Переживёшь.

Они вышли к второму эскалатору, который вёл вниз с противоположной стороны атриума. Чистильщик появился за ними через несколько секунд. Его задержала семья, но не сильно. Он двигался уже без кофе, с пустыми руками. Это было хуже. Пустые руки быстрее становятся занятыми чем-то плохим.

— Он близко, — сказала Аня.

— Вижу.

— План?

Виктория посмотрела вниз. На нижнем уровне под эскалатором был магазин техники. Рядом с ним — коридор с табличкой пожарного выхода. Цель. Но Чистильщик тоже это видел. Если они просто спустятся, он пойдёт следом или обгонит по соседнему эскалатору. Если побегут, поднимут шум. Если останутся — он сократит дистанцию.

Аня почувствовала, как внутри снова натягивается та самая нитка.

— Разделяемся второй раз, — сказала она.

— Нет.

— Слушай. Он ждёт, что после первого раза ты запретишь. Потому что опасно. Значит, второй раз будет неожиданнее.

— Или глупее.

— Это часто одно и то же.

— Не всегда полезно.

— Я иду вниз по этому эскалатору. Медленно. С рюкзаком. Он пойдёт за мной, потому что рюкзак. Ты не идёшь следом. Ты переходишь на соседний вниз через верхний мостик и выходишь у техники с другой стороны. Мы встречаемся у пожарного выхода. Левое плечо к плану.

— Он может не пойти за тобой.

— Тогда он пойдёт за тобой, а я с рюкзаком дойду до выхода.

— Он может взять тебя на эскалаторе.

— На эскалаторе люди стоят рядами. Если он тронет меня, я падаю. Ты сказала падать.

Виктория смотрела на неё очень внимательно. Шум фудкорта катился вокруг. Люди обходили их, раздражались, не замечали. Мужчина в тёмной куртке был уже у края зоны столов.

— Сколько секунд? — спросила Виктория.

Аня выдохнула.

— Двадцать.

— Много.

— Пятнадцать.

— Десять.

— Двенадцать.

— Одиннадцать.

— Серьёзно торгуемся за секунду?

— Секунда — это много.

— Ладно. Одиннадцать.

Виктория чуть наклонилась к ней.

— Если он касается тебя — падаешь. Не кричишь «помогите». Кричишь «папа, не надо». Это бытовое. Люди смотрят быстрее.

Аня похолодела.

— Мерзко.

— Работает.

— Я ненавижу, что это работает.

— Потом.

— Да, да. Всё потом.

Виктория поправила лямку рюкзака на её плече. Быстро, крепко.

— Голова.

— Что?

— Не геройство. Голова.

Аня кивнула. И ступила на эскалатор вниз. Одна. Снова. На этот раз одиночество было не таким острым. Страшнее — да. Но понятнее. Она знала, что делает. Или хотя бы знала, какую ошибку изображает.

Она встала справа, как обычный человек.левой рукой взялась за поручень. Правая свободна. Рюкзак за спиной. Впереди женщина с пакетом. Ниже парень в наушниках. Сзади через две ступени должен появиться он. Или не должен. Аня смотрела вперёд, но боковым зрением ловила отражение в стеклянном борту эскалатора. Мужчина ступил на ленту. Через три ступени после неё. Не вплотную. Не далеко. Идеально. Сердце ударило так сильно, что Аня испугалась: сейчас он услышит.

Виктории рядом не было. Она не стала оборачиваться. Эскалатор ехал вниз мучительно медленно. Каждый металлический зубец, каждая ступень, каждый шорох поручня тянули время. Аня чувствовала мужчину за спиной как холодную точку между лопатками, прямо над рюкзаком. Если он сейчас шагнёт через ступень, если наклонится, если возьмёт за лямку... Падай. Не кричи «помогите». Кричи «папа, не надо». От этой инструкции хотелось вымыть мозг. Но она держалась в голове чётко, готовая к использованию.

Внизу показался магазин техники. Люди сходили с эскалатора, расходились в стороны. Аня сделала шаг на плитку и не ускорила. Пошла к витрине с телевизорами. В десятках экранов одновременно показывали яркий рекламный ролик: море, горы, улыбающиеся лица, идеальные цвета. И в каждом чёрном промежутке между кадрами отражался торговый центр. Она увидела Викторию. Слева. На другой стороне прохода. Она успела. И мужчина тоже увидел. На секунду все трое оказались в отражениях телевизоров: Аня с рюкзаком, Чистильщик позади, Виктория сбоку. Геометрия снова сошлась.

Теперь надо было идти к пожарному выходу. Коридор был в двадцати метрах. Двадцать метров в ТЦ — это пропасть, если за тобой идёт человек, который умеет забирать людей без шума. Аня пошла первой. Не быстро. Виктория двигалась параллельно, отделённая от неё потоком покупателей. Чистильщик между ними чуть сзади. Он больше не скрывал сокращение дистанции. Просто делал это в рамках нормы: человек обходит медленных, перестраивается, идёт к тому же коридору.

Пять метров до поворота. Четыре. Три. Тут из магазина техники вышел консультант с огромной коробкой в руках и перекрыл проход. Аня остановилась. На долю секунды. Этого хватило. Чистильщик оказался ближе. Слишком близко. Сбоку. Ровно там, где Виктория предупредила. Он ещё не касался её, но уже мог. Его левая рука поднялась на уровень её локтя.

Аня не думала. Она резко дёрнулась в сторону, пытаясь уйти из захвата. В этот момент Чистильщик, сокращая дистанцию, сделал резкий шаг. Консультант с коробкой, заметив движение у себя за спиной, испуганно обернулся, поскользнулся на гладком полу и выронил

коробку. Та с грохотом рухнула на плитку, содержимое разлетелось. Кто-то выругался, женщина вскрикнула.

— Ой! — громко сказала Аня. — Простите!

Она присела, делая вид, что помогает собирать рассыпавшиеся вещи. Рука Чистильщика прошла над её плечом по пустому воздуху. Виктория использовала эту секунду. Она оказалась рядом, подхватила Аню за капюшон не грубо, а точно, подняла, как вытаскивают из-под колёс, и потянула к выходу.

— Идём, — сказала она.

Аня почти рассмеялась от ужаса. Чистильщик не стал наклоняться. Не стал помогать. Не стал создавать сцену. Он просто обошёл консультанта с другой стороны. Но теперь между ним и ними стояли трое раздражённых покупателей, коробка, рассыпанное содержимое и маленькая бытовая авария. Дистанция снова стала семь метров.

Они вошли в коридор. Здесь шум торгового центра стал глуше. Свет — холоднее. Стены — проще. Рекламные поверхности закончились. Началась служебная зона, где никто не хочет задерживаться без причины. Это было опасно: меньше людей, меньше хаоса, меньше свидетелей. Но и ближе к выходу.

Аня встала у плана эвакуации левым плечом, как было сказано. Виктория на секунду остановилась рядом.

— Дальше по лестнице вниз, потом дверь во двор.

— А ты?

— Я за тобой.

— Нет, ты сейчас опять...

— За тобой, сказала.

Чистильщик вошёл в коридор. Он шёл ровно. Спокойно. Дистанция — десять метров. Девять.

Виктория открыла пожарную дверь. Сработал тихий предупредительный писк, но сигнализация не взвыла. Видимо, дверь была не аварийной в строгом смысле, а служебной эвакуационной, подключенной к системе контроля. Или отключенной наполовину. Виктория это, кажется, ожидала.

За дверью была лестница. Серая. Бетонная. Пахло пылью, холодом и металлическими перилами. Аня шагнула внутрь. И в этот момент Чистильщик впервые заговорил.

— Вика.

Голос был негромкий. Даже почти вежливый. Виктория замерла. Не полностью. Только внутри. Аня увидела это по плечу, по пальцам на ручке двери, по тому, как лицо стало каменным.

Чистильщик остановился в начале коридора.

— Старые привычки, — сказал он. — Правый край, зеркала, шум, слабого вперёд. Ты стала сентиментальной.

Виктория держала дверь открытой.

— А ты всё такой же скучный, Громов.

Аня перевела взгляд с неё на него. Громов. Значит, имя было. Значит, прошлое было. Значит, это не просто наёмный человек из темноты.

Чистильщик чуть наклонил голову, как будто признал удар.

— Рана мешает?

— Твоя речь сильнее.

— Девочку отдай. Камни оставь. Тебе дадут уйти.

— Ты сам в это веришь?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь?

— Проверяю, насколько ты устала.

Виктория едва заметно улыбнулась.

— И?

— Сильно.

Аня стояла на первой ступени лестницы, с рюкзаком за спиной, и понимала, что сейчас всё может сорваться. Не в погоню. Не в витрины. В прямое столкновение. Громов не повышал голос, не угрожал, не доставал оружие. Но от его спокойствия воздух в коридоре стал плотным.

Виктория сказала, не поворачивая головы:

— Вниз.

Аня не двинулась.

— Аня.

— Я не...

— Вниз.

В голосе не было просьбы. Аня сделала шаг вниз. Потом второй. Но не побежала. Она спускалась так, чтобы слышать. Чтобы не потерять Викторию. Чтобы понять, когда надо падать, кричать, бежать или делать что-то ещё из этого нового кошмарного учебника.

За спиной Виктория вошла на лестницу и начала закрывать дверь. Громов двинулся. Быстро. Не бегом, но уже без роли. Виктория толкнула дверь, Аня услышала удар тела о металл снаружи, резкий скрежет, короткий выдох боли — Виктории, не его. Рана. Бок. Дверь не закрылась полностью.

— Вниз! — рявкнула Виктория.

Аня побежала. Рюкзак бил по спине, ступени прыгали под ногами, перила мелькали слева. Один пролёт. Поворот. Второй. Сверху донёсся глухой удар, потом ещё один. Не выстрел. Тела, металл, дверь, дыхание. Она добежала до площадки между этажами и остановилась, потому что дальше был выбор: вниз к выходу во двор или через боковую дверь на технический уровень.

Виктория сказала бы вниз. План говорил вниз. Голова Ани сказала: он тоже знает, что план говорит вниз. Она посмотрела на боковую дверь. На ней висел знак пожарного шкафа. За стеклом внутри краснел огнетушитель. Аня вдохнула.

— Чёрт, — сказала она. — Это будет максимально кринжово.

И вместо того чтобы бежать дальше вниз, она рванула к боковой двери.

Аня не побежала вниз. Это было первое настоящее нарушение приказа, которое она совершила не от паники. Не потому что ноги перепутали ступени. Не потому что страх сорвал её с маршрута. Не потому что мозг перестал работать и тело кинулось туда, где показалось светлее. Она остановилась на площадке между этажами, услышала сверху глухой удар о металлическую дверь, короткий сдавленный выдох Виктории, сухой звук подошвы по бетону — и поняла, что если побежит дальше вниз, выполнит план идеально. И именно поэтому их поймают.

Громов знал планы Виктории. Знал её правые края, зеркала, шум, ложные остановки, нелюбовь к тупикам. Он знал, куда она отправит слабого. Он знал, что Виктория будет прикрывать отход, пока может стоять. Он знал, что Аня с рюкзаком побежит вниз, потому что так было правильно. Аня уже успела выучить: правильное иногда видно издалека.

Сбоку от лестничной площадки была техническая дверь без ручки, с узким нажимным язычком и наклейкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Рядом — пожарный шкаф. За мутным стеклом краснел огнетушитель, толстый, тяжёлый, почти нелепый в своей бытовой готовности. Внизу под ним лежал свернутый рукав, а сбоку висел маленький молоточек на цепочке. Аня посмотрела на огнетушитель. Потом вверх. Сверху снова ударило. Дверь лязгнула. Кто-то резко втянул воздух. Виктория. Точно Виктория. У Громова дыхание было другим — его почти не было слышно.

— Чёрт, — прошептала Аня. — Это будет максимально кринжово.

Она рванула к технической двери. Язычок поддался не сразу. Аня ударила ладонью, потом плечом. Рюкзак с бриллиантами качнулся, врезался ей между лопаток, и от этого удара у неё перед глазами на секунду вспыхнули белые точки. Дверь открылась внутрь. За ней был короткий служебный коридор, ведущий обратно к торговому залу. Узкий, серый, с трубами под потолком, коробками у стены и запахом пыли, картона, хлорки и тёплой электрики. В конце коридора виднелась щель света — проход в отдел с товарами для дома или одежды, где стояли манекены. Аня не знала точно. Ей было всё равно. Главное — свет, люди, витрины, свидетели.

Она влетела туда. Коридор выплюнул её за спинами манекенов. Их было много. Белые пластиковые фигуры стояли на низких подиумах, в куртках, худи, шарфах, с сумками через плечо, без лиц, без глаз, без страха. Один манекен был детский, в яркой шапке. Второй — женский, в длинном пальто. Третий — мужской, с поднятой рукой, будто он кого-то останавливал. Аня выскочила между ними слишком резко.

Покупательница у стойки с перчатками вздрогнула.

— Девочка, осторожно!

Аня не ответила. Она схватила первый попавшийся шарф с манекена и потянула. Манекен качнулся. Пластиковая рука с сухим щелчком слетела и упала на пол. Звук получился громким, нелепым, почти комичным. Несколько людей повернулись. Отлично. Пусть смотрят. Пусть видят. Пусть мир перестанет быть удобным для тихого убийцы.

Аня сделала ещё шаг, зацепилась рюкзаком за плечо мужского манекена, дёрнулась, и вся фигура поехала с подиума, медленно, ужасно, как будто тоже не могла решить, падать ей или держаться. Потом рухнула на пол с пластиковым грохотом.

— Да что ж ты... — выдохнула продавщица.

Аня подняла глаза и увидела Громова. Он вошёл в отдел через тот же служебный проход. Не бежал. Даже сейчас не бежал. Но в его движении исчезла прежняя торговая мягкость. Он больше не играл покупателя. Он увидел Аню среди манекенов, рюкзак за её спиной, людей вокруг, упавшую пластиковую фигуру, продавщицу, которая уже смотрела слишком внимательно, и на одну секунду остановился. Одну. Ровно ту секунду, которую Аня хотела украсть.

За его спиной появилась Виктория. Она вышла из коридора бесшумнее, чем должна была женщина с раненым боком. Лицо у неё стало белым, почти серым. Левая рука была прижата к корпусу. Правая свободна. В глазах — ничего лишнего. Только расстояние до цели.

Она атаковала не красиво. Не как в кино. Коротко, грязно, экономно. Шаг вперёд. Плечо вниз. Правая рука к запястью Громова. Корпус вбок, чтобы вывести его из равновесия и впечатать в стойку с ремнями. Если бы он был обычным бандитом, если бы он бросился за Аней, если бы позволил себе злость или спешку, это сработало бы. Но он ждал. Громов будто специально отдал ей эту секунду. Разрешил подумать, что он потерял темп. Его тело развернулось раньше, чем рука Виктории легла на запястье. Он не отдёрнулся — наоборот, пошёл ей навстречу. Принял захват, провернул кисть, подставил локоть, и Виктория вдруг оказалась слишком близко, с открытым боком и рукой, которую уже нельзя было вернуть без боли.

Аня увидела, как всё произошло, но не поняла сразу. Просто Виктория нападала. А через мгновение её уже заламывали. Громов взял её руку снизу, развернул плечо наружу и шагнул за спину. Не сильно. Не резко. Именно поэтому это выглядело страшнее. Он не тратил лишнего усилия. Он знал сустав. Знал предел. Знал, на каком угле человек ещё стоит, а на каком уже либо падает, либо ломается. Виктория стиснула зубы. Звука не было. Но кожа на её лице стала мёртвой.

— Вика, — сказал Громов почти спокойно. — Ты всегда заходишь на болевой справа.

— А ты всегда говоришь перед ударом.

Она ударила его затылком назад. Не попала как надо. Только скользнула по скуле. Громов чуть качнулся, но руку не отпустил. Наоборот — довернул сильнее. Виктория резко выдохнула.

Раненый бок ударился о край стойки с ремнями. Металлические крючки дрогнули, несколько ремней упали на пол. Продавщица наконец вскрикнула:

— Что вы делаете?!

Громов не посмотрел на неё.

— Семейное, — сказал он. Голос был ровный, взрослый, уверенный. И это почти сработало. Покупательница у перчаток замерла. Мужчина рядом с кассой сделал полшага и остановился. У людей в глазах появилось то самое тупое сомнение, о котором говорила Виктория. Если это семейное, вмешиваться нельзя. Если это полиция, вмешиваться нельзя. Если это чужая ссора, вмешиваться нельзя. Если мужчина говорит спокойно, а женщина молчит от боли, значит, наверное, всё сложнее, чем кажется.

Аня почувствовала, как ярость ударила ей в лицо жаром.

— Он врёт! — крикнула она. Слишком громко. Голос сорвался, но толпа повернулась.

Громов впервые посмотрел на неё прямо. Глаза у него были не злые. Даже сейчас. Просто холодные, внимательные, чуть раздражённые тем, что маленькая деталь не легла на место.

— Аня, — сказал он.

От того, что он произнёс её имя, у неё подкосились ноги. Он знал. Конечно, знал. Он знал не просто рюкзак. Не просто Викторию. Он знал её имя, возраст, лицо, возможно, адрес, школу, мать, всё, что можно было достать за ночь тем, кто умеет искать.

— Не подходи, — сказал он. — Она сама себя убьёт.

— Да пошёл ты.

Фраза вышла не подростковой бравадой, а чистым животным отвращением. Громов чуть повернул Викторию так, чтобы она стала между ним и Аней.левой рукой он удерживал её заломленную руку. Правая скользнула к поясу. Не за пистолетом. В торговом центре пистолет был слишком громко, слишком грязно. В его руке появился короткий складной нож или тонкий клинок — Аня не успела понять. Просто узкая тёмная линия, блеснувшая в свете магазина.

Виктория увидела тоже. Она ударила каблуком ему по стопе. Сильно. Громов дёрнулся, но не отпустил. Клинок прошёл не туда, куда он хотел: не к горлу, не к боку, а по плечу Виктории, вскрыв ткань и кожу. Кровь появилась сразу, ярче, чем ночью. Узкая красная полоса на чёрной футболке, потом вниз, под перевязку. Виктория всё-таки издала звук. Не крик. Короткий хрип, проглоченный на половине.

Аня перестала думать. Совсем. До этого у неё были планы, маршруты, отражения, секунды, слова Виктории в голове, правила, условные сигналы. Теперь всё исчезло. Осталось только одно: он режет её.

Рядом, на стене у служебного выхода, висел огнетушитель. Не в шкафу за стеклом, а открыто, на красном металлическом кронштейне. Большой. Тяжёлый. С чёрным шлангом, plombой и железной ручкой. Под ним была табличка. Аня не прочитала. Она уже бежала. Рюкзак ударил по спине, потянул назад, почти сорвал равновесие. Она схватила огнетушитель обеими руками и сначала не смогла снять. Он был тяжелее, чем выглядел. Кронштейн держал его упрямо, как будто тоже не верил, что шестнадцатилетняя девочка собирается использовать его не по инструкции.

— Давай же! — прошипела Аня.

Она дернула вверх, потом на себя. Огнетушитель сорвался с крепления. Вес ударил в руки. Пальцы чуть не разжались. Металл был холодный, гладкий, чужой. Аня прижала его к груди и развернулась. Всё вокруг стало медленным. Продавщица с открытым ртом. Покупатель с телефоном, который уже начал снимать. Упавший манекен без руки. Виктория, прижатая к стене служебного коридора. Громов, повернувший голову на движение. Его глаза. Не страх. Расчёт. Он начал переносить вес, чтобы уйти от удара.

Аня не целилась красиво. Она просто вложила в движение всё: страх, ночь в мусорном контейнере, тяжесть рюкзака, холод схрона, вкус дешёвого чая, мокрые носки, голос Громова,

произносящий её имя, кровь на плече Виктории, все свои шестнадцать лет, которые не должны были знать, как выглядит человек с ножом в руке.

Огнетушитель ударил Громова по голове сбоку. Звук был не как в кино. Не глухой. Звонкий, мерзкий, металлически-костяной. Громов не упал сразу. Это было страшнее всего. Его голова дёрнулась, плечо ушло вниз, рука с клинком на секунду потеряла точность. Но он остался на ногах. Виктория использовала эту секунду мгновенно: вывернула корпус, несмотря на рану, освободила заломленную руку не до конца, но достаточно, чтобы ударить его локтем в горло.

Громов отступил на шаг. Аня всё ещё держала огнетушитель. Руки уже горели от веса. Она ударила снова. На этот раз не так точно. Огнетушитель попал по плечу, скользнул, ударился о стену. Ручка сжалась под её пальцами. Что-то щёлкнуло. Пломба сорвалась. Шланг хлестнул в сторону. Белая пена вырвалась с шипением. Сначала узкой струёй, потом широким бешеным облаком. Она ударила Громову в грудь, в лицо, в стену, в стойку с ремнями, в манекена, в пол. Едкий химический запах мгновенно забил воздух. Люди закричали. Кто-то подумал, что это дым. Кто-то — что пожар. Кто-то просто увидел кровь, нож, пену и упавшие манекены, и этого хватило.

С потолка сорвался первый сигнал. Короткий. Потом второй. Потом пожарная система взывала полностью. Резкий, режущий звук заполнил торговый центр, пробил стены, витрины, головы, кости. Красные лампы замигали. Где-то автоматически заговорил женский голос, ровный и бесполезный, про необходимость покинуть помещение через ближайшие эвакуационные выходы. Толпа сломалась. Не сразу. Сначала люди растерялись. Потом один побежал. Потом другой. Потом мать схватила ребёнка, продавщица бросила кассу, мужчина с телефоном отступил назад, кто-то поскользнулся на пене, кто-то закричал, что там нож, кто-то закричал, что пожар, кто-то не понял ничего, но побежал вместе со всеми. И вот тогда торговый центр стал тем, чем Виктория называла шансом. Паникой. Управляемой уже не людьми, а инстинктом.

Громов вытер лицо рукавом. Пена покрывала его волосы, щеку, ворот куртки. На виске уже наливалась кровь. Не много, но достаточно. Его взгляд стал другим. Не злым. Злость всё ещё была лишней. Но теперь там появилась поправка: девочка перестала быть слабой ценностью. Девочка стала фактором.

Виктория качнулась. Аня увидела кровь на её плече и на боку. Старый бинт снова темнел. Новая рана на плече разошлась красной полосой. Лицо Виктории было белое, губы почти бесцветные.

— Дверь, — сказала Виктория.

Аня не сразу поняла. Виктория схватила её за лямку рюкзака и дёрнула к служебному коридору.

— Дверь!

Громов сделал шаг к ним. Аня, всё ещё держа огнетушитель, инстинктивно нажала ручку ещё раз. Пена ударила ему в лицо второй волной. Он отвернулся на долю секунды. Виктория толкнула Аню в коридор.

Они влетели внутрь, сбив коробку с пластиковыми вешалками. Вешалки рассыпались по полу сухим треском. Сирена редела так, что мир стал бессловесным. Красный мигающий свет из торгового зала полосами падал на стены коридора. Воздух был забит пеной, пылью, запахом химии, крови и горячей электрики.

— Брось! — крикнула Виктория.

Аня поняла только по губам. Она бросила огнетушитель. Тот ударился о пол и покатился, продолжая шипеть остатками давления. Белая струя била в стену, оставляя на серой краске мокрое пятно. Виктория захлопнула служебную дверь. Не на замок. Просто закрыла, чтобы выиграть секунду. С той стороны в неё почти сразу ударили. Громов. Дверь дрогнула.

— Бежим, — сказала Виктория.

— Ты ранена!

— Я в курсе!

Они побежали по коридору. Теперь уже без маскировки. Без ролей. Без «никак». Аня бежала впереди, потому что Виктория толкнула её туда. Рюкзак с бриллиантами прыгал на спине, тяжесть была по позвоночнику, грудной ремень впивался в рёбра. В горле стоял вкус химической пены. Глаза слезились. Ладони болели от огнетушителя так, будто она держала раскалённый металл, хотя металл был холодный. Сзади Виктория двигалась неровно. Это было страшнее, чем преследование. Аня слышала: один шаг нормальный, второй тяжелее, третий с коротким провалом. Рана мешала. Бок, плечо, потеря крови, удар о стойку — всё догоняло.

— Быстрее! — крикнула Виктория.

— Я не брошу тебя!

— Не обсуждается!

Коридор вывел их к развилке. Налево — складская зона магазина. Направо — лестница. Прямо — дверь с зелёной табличкой аварийного выхода. Виктория выбрала прямо. Аня ударила ладонью по нажимной планке. Дверь открылась. И они снова оказались в торговом центре, но уже в другом месте — боковом проходе рядом с магазином детских товаров. Здесь паника была гуще. Люди бежали к эскалаторам, кто-то спорил с охранником, ребёнок плакал, женщина тащила за собой коляску, не понимая, куда её катить. Сигнализация выла. Красные лампы мигали. По громкой связи голос повторял одно и то же. Аня на секунду ослепла от света, шума и движения.

Виктория схватила её за капюшон и потянула вбок.

— Не в поток!

— Но выход там!

— Поток ждут!

Они пошли против логики толпы, вдоль стены, к узкому коридору за торговыми автоматами. Люди не видели их. Все смотрели на большие выходы, на эскалаторы, на охранников. Никто не хотел смотреть на женщину с кровью на плече и девочку с рюкзаком, потому что увидеть такое значило бы стать участником. Аня вдруг поняла, что Виктория была права и здесь. Люди не любят становиться участниками. Даже когда всё происходит в трёх шагах.

Сзади распахнулась служебная дверь. Громов вышел в общий проход. Пена всё ещё была на его куртке. Кровь у виска смешалась с белой химической кашей. Он выглядел не страшно, а неправильно — как человек, которого вытащили из обычности насильно, но он всё равно пытается вернуть себе контроль. Его взгляд быстро нашёл их через толпу.

— Он идёт! — крикнула Аня.

— Вижу!

— У него башка железная?!

— Почти!

Виктория резко свернула в отдел с домашним текстилем. Полки с подушками, одеялами, пледами и коробками создали мягкий лабиринт. Люди там ещё не поняли, куда бежать, и стояли с товарами в руках, растерянные, злые, испуганные. Аня сбила плечом стопку декоративных подушек. Они посыпались на пол, смешно и бесполезно. Одна попала под ноги Громову, когда он вошёл следом. Он перешагнул. Не упал. Даже не замедлился как следует.

— Подушки не работают! — выкрикнула Аня.

— Заметила!

Виктория схватила с полки тяжёлый плед в плотной упаковке и бросила назад. Не в лицо — под ноги. Громов обошёл, но на этот раз потерял полсекунды. Полсекунда стала расстоянием. Они выскочили из отдела к боковому атриуму. Там уже работала эвакуация. Охранники в чёрной форме махали руками, пытаясь направить поток. Один кричал, что надо спокойно, без паники. Никто его не слушал. Спокойствие закончилось на первом звуке сирены.

Виктория прижалась к колонне, на секунду остановилась. Аня увидела, как она сжала бок.

— Кровь, — сказала Аня.

— Потом.

— У тебя всё потом!

— Если будет потом — обсудим.

Виктория посмотрела на ограждение, на эскалаторы, на поток людей, на охранника у ближайшей двери, на Громова, который уже выходил из отдела текстиля.

— План поменялся.

— Какой теперь?

— Грязный.

— Отлично, мои любимые.

Виктория схватила Аню за руку и потащила прямо к охраннику. Аня не поняла. Охранник тоже.

— Девушка, туда нельзя! — начал он.

Виктория на ходу показала на Громова.

— У него нож!

Охранник повернулся. Громов тут же замедлился. Не потому что испугался охранника. Потому что появилось официальное внимание. Камера, форма, свидетель, рация. Для человека, который работает чисто, это грязь. А грязь требует обхода.

— Где нож? — спросил охранник, уже неуверенно.

— Видела! — крикнула Аня, и её голос сорвался в почти настоящую истерику. — Он напал на женщину! Там кровь!

Теперь это было правдой. Никакой игры. Никакого «папа, не надо». Просто правда, произнесённая достаточно громко, чтобы люди рядом услышали. Несколько голов повернулись к Громову. Он остановился. На секунду. Снова на секунду. Виктория выжала из этой секунды всё. Она толкнула Аню за спину охранника, в узкий проход к служебной лестнице. Охранник всё ещё пытался понять, что происходит, уже тянулся к рации, уже смотрел на Громова, уже становился препятствием. Громов не стал его бить. Не стал резать. Не стал проходить силой. Он просто исчез в толпе. Это было хуже.

— Где он? — спросила Аня, оглядываясь.

— Потеряли.

— Это хорошо?

— Нет. Это значит, он снова выбирает место.

Они нырнули в служебную лестницу. Дверь захлопнулась за ними, отрезав торговый зал, но сирена всё равно проходила сквозь стены. Здесь было холоднее. Бетон, перила, запах пыли и эвакуационного выхода. Виктория остановилась на площадке и впервые позволила себе согнуться. Ладонь ушла к боку. Между пальцами сразу показалась кровь.

Аня подалась к ней.

— Дай посмотрю.

— Не сейчас.

— Да сколько можно не сейчас?!

Виктория подняла голову. Глаза были мутнее, чем раньше, но голос остался жёстким.

— Сейчас — выйти.

— А потом?

— Потом не сдохнуть.

— Очень структурный план.

Сверху хлопнула дверь. Обе замерли. Шаги. Не бегущая толпа. Один человек. Спокойный. Ровный. Громов. Виктория выпрямилась через боль.

- Вниз.
- Опять?
- Да.
- Он ждёт, что вниз!
- Поэтому быстро.

Они бросились вниз по лестнице. На этот раз Аня не спорила. Не потому что поверила плану, а потому что поняла: схватка уже случилась, но охота не закончилась. Огнетушитель купил им хаос, кровь, сигнализацию, свидетелей, злость Громова и несколько драгоценных минут. Не победу. Победы не было. Была лестница. Был рюкзак. Была Виктория, которая оставляла на перилах красные следы, хотя старалась не касаться их раненой рукой. И был Чистильщик наверху, который уже снова шёл за ними без спешки.

И была Аня, которая ещё чувствовала в ладонях тяжесть огнетушителя и понимала, что ударила человека по голове не в кино, не во сне, не в плохой фантазии, а на самом деле. Её начало трясти. Не от страха даже. От задержанной реакции. Руки стали чужими. Колени — ватными. Но она бежала. Потому что рюкзак тянул её вниз, Виктория дышала сзади всё тяжелее, а сирена торгового центра выла над ними так, будто весь мир наконец-то понял: спокойно уже не будет.

Они вылетели через служебную дверь во двор. Свежий воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения. Он пах дождём, холодом и выхлопами с трассы. Аня остановилась, согнулась, уперлась ладонями в колени. Рюкзак навалился сверху, придавил. В горле стоял химический вкус пены, во рту — кровь, кажется, она прикусила губу, когда бежала.

Виктория прислонилась к стене. Правая рука висела тяжело. Плечо было в крови. Бок тоже. Старая перевязка потемнела, новая рана на плече сочилась алым. Она не жаловалась. Но дышала глубоко и часто, как бегун после марафона.

- Надо остановиться, — сказала Аня. — У тебя кровь. Остановиться и...
- Не здесь.
- Виктория.
- Не здесь.

Она оттолкнулась от стены и пошла. Аня пошла следом. Двор был пуст, только мусорные контейнеры и старые поддоны. За ближайшим поворотом начиналась промзона. Знакомая, но теперь враждебная. В ней уже не было убежища. Только бетон, ржавчина и возможность потеряться.

Они свернули за угол, прошли мимо брошенной газели, нырнули в проход между кирпичными стенами. Там было темно, пахло мочой и кошками. Виктория остановилась у глухой стены, где над головой нависал козырёк. Свет сюда почти не проникал. Достаточно, чтобы не видеть их с улицы.

- Здесь, — сказала она и опустилась на корточки.

Аня подхватила её, помогла сесть на перевернутый ящик. Виктория не сопротивлялась. Это было хуже всего. Она села, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза на секунду. Всего на секунду. Потом открыла и полезла в карман.

- Аптечка в пакете, — сказала она.

Аня уже разрывала пакет. Руки дрожали, но теперь дрожь была не от страха, а от попытки сделать всё быстро, правильно. Аптечка, бинты, антисептик. Она вытряхнула содержимое на колени.

- Ты знаешь, что делать? — спросила Виктория.
 - Я смотрела тиктоки.
 - Что?
 - Там были гайды. Про первую помощь. Не... не супер, но должно сработать.
- Виктория усмехнулась. Криво, сухо, почти без звука.

— Вот оно, цифровое поколение.

— Не беси. Сейчас я тебя перевязывать буду. Можешь помереть от боли, но это будет боль со вкусом лайфхака.

— Ты в своём уме?

— Нет. Но это не отменяет того, что я права. Снимай куртку. Точнее, я сниму.

Аня помогла Виктории стянуть куртку с левого плеча. Кровь присохла к ткани. Ткань прилипла к коже. Аня отрывала её аккуратно, но всё равно Виктория шипела сквозь зубы. Под курткой была футболка, разрезанная на плече и пропитанная кровью. Рана была глубокая, но не широкая — нож прошёл по касательной, но оставил рваный край.

— Огнестрела нет. Не радуйся, просто порез. Если бы Громов хотел убить — убил бы. Он тебя метил.

— Спасибо за оптимизм.

— Я реалистка. Сейчас будет больно. Чуть-чуть.

— Ты будешь это делать под тикток?

— А ты заткнёшься?

Виктория замолчала. Аня обработала рану антисептиком. Виктория не издала ни звука, только сжала челюсть так, что побелели скулы. Аня смочила салфетку, промокнула кровь. Пальцы слушались лучше, чем она ожидала. Дыхание Виктории стало глубже, но она не отстранилась.

— Знаешь, — сказала Аня, накладывая стерильную повязку, — в одном видео говорили: «Если рана не глубокая, можно просто заклеить пластырем, но если ты в лесу или в заброшке, используй бинт и не жалея».

— Это было в тиктоке?

— Да. Ещё там показывали, как перетянуть жгут, если пуля. У нас нет пули. Просто порез. И крови не так много. Ты не умрёшь. Вообще, если честно, тикток спасает жизни. Ну, иногда. Не мой, конечно, но вот тот ролик был нормальный. Авторша такая смешная, рассказывала про аптечку в машине. А потом её заблокировали за что-то. Не помню.

— Ты сейчас болтаешь, чтобы не сойти с ума.

— Да. И чтобы ты не сконцентрировалась на боли.

— Умная тактика.

— Я умная. Просто у меня руки трясутся.

Она закрепила бинт. Сделала узел, как показывали: не слишком тугой, чтобы не пережать, но и не слабый. Повязка легла ровно. Аня посмотрела на свою работу. Не идеально, но кровь почти остановилась.

— Вуаля. Выживание по гайдам. Тикток, верни мне деньги за потраченные нервы.

Виктория подняла на неё глаза.

— Ты справилась.

— Ты удивлена?

— Да.

— Обидно.

— Реалистично.

Аня вытерла руки о штаны. На пальцах была кровь — Виктории и немного своя, от ободранной кожи. Она посмотрела на разорванную упаковку, на грязные салфетки, на пузырёк антисептика. Хотелось плакать. Не от страха, а от усталости. Но она не плакала. Потому что если сейчас заплачет, Виктория встанет и потащит её дальше, даже с перевязанным плечом и открытым боком. А если она встанет, то не остановится.

— Нормально, — сказала Аня. — Теперь мы обе потрёпанные.

— Я всегда была потрёпанная. Ты теперь тоже.

— Красивая история для мемуаров.

Виктория закрыла глаза. Аня хотела сказать что-то ещё, но Виктория подняла руку, призывая к тишине. Аня замерла. Снаружи, где-то далеко, снова завывала сирена. Не пожарная — полицейская. Или ДПС. Они не могли определить. Но звук был слишком близко.

— Он вызвал подкрепление? — спросила Аня.

— Или они сами нашли, — ответила Виктория.

Аня смотрела на рюкзак. Зелёный, грязный, потёртый. Внутри — бриллианты, из-за которых всё это. Она вдруг поняла, что Виктория была права: схрон — это пауза, а не жизнь. Пауза кончилась.

Виктория перевела взгляд на серую полосу промзоны, уходящую вдаль. Туда, где за ржавыми ангарами и бетонными стенами прятался их схрон — гараж №17. Громов видел, в какую сторону они ушли из ТЦ. Если он свяжется с Соколовым, они начнут прочёсывать эту промзону. Рано или поздно наткнутся на убежище. Рисковать нельзя.

— К схрону мы не вернёмся, — сказала Виктория. — Уходим из города сейчас. Другой дорогой.

— Куда? — спросила Аня.

— Есть человек в другом регионе. Он поможет продать камни. Поможет уйти от Соколова. Но дорога будет долгой. И опасной.

— А Ленка? — спросила Аня. — Они её... Она не видела лиц бандитов. Соколов её запугает, но не тронет. Ей ничего не грозит. А вот ты — видела. Поэтому они охотятся на тебя.

— Она не видела лиц бандитов. Соколов её запугает, но не тронет. Ей ничего не грозит. А вот ты — видела. Поэтому они охотятся на тебя. Аня кивнула. Застегнула рюкзак на груди, поправила ремень.

— Я готова.

Они пошли вдоль стены, углубляясь в промзону, но не к окраинам, а назад, к знакомым гаражам. Риск был безумный. Громов видел, в какую сторону они ушли из ТЦ, и если он свяжется с Соколовым, те начнут прочёсывать этот район. Рано или поздно наткнутся на убежище. Но выбора не было. Виктория не могла идти дальше — бок горел, плечо онемело, температура поднималась, и каждые сто метров она останавливалась, хватая ртом воздух.

— В гараж, — сказала она. — У них уйдёт время, чтобы обойти все боксы. У нас есть несколько часов.

— А если они найдут?

— Тогда будем отвечать. Но сейчас — только схрон. Иначе я просто упаду посреди дороги.

Гараж №17 встретил их запахом пыли, масла и старого бетона. Аня закрыла ворота, накинула цепь, защелкнула замок — криво, наспех, но снаружи не понять. Виктория опустилась на раскладушку, даже не сняв куртку, и несколько секунд просто сидела с закрытыми глазами, слушая, как бьётся её собственное сердце.

Аня достала аптечку. Сменила повязки — на плече, на боку. Руки дрожали, но она работала молча, не задавая лишних вопросов. Виктория терпела, только иногда сжимала челюсть так, что желваки выступали под бледной кожей. Потом Аня разогрела на горелке воду, заварила какой-то пакетированный чай из запасов схрона, сунула Виктории в руки.

— Пей. Ты горишь.

— Сама знаю.

— Тогда пей и не спорь.

Виктория взяла кружку. Сделала маленький глоток, потом ещё. Чай был горьким, почти без сахара, но горячим — и это тепло разливалось по груди, напоминая телу, что оно ещё живое.

— Сколько у нас времени? — спросила Аня, садясь на ящик напротив.

— До утра. Может, меньше. Громов профессионал. Если он поймёт, что мы не ушли далеко, начнёт обход.

— А если не поймёт?

— Тогда до обеда. Но я не рассчитываю на удачу.

Аня посмотрела на рюкзак с бриллиантами, который поставила в угол. Тёмный, тяжёлый, нелепый. Из-за него всё это.

— Ленка? — спросила она. — С ней всё будет в порядке?

Виктория подняла на неё мутные глаза.

— Она не видела лиц бандитов. Соколов её запугает, но не тронет. Ей ничего не грозит. А вот ты — видела. Поэтому они охотятся на тебя.

Аня кивнула.

— И на камни.

— И на камни.

Повисла тишина. Где-то далеко, за бетонными стенами, прокатилась сирена — тонкая, далёкая, не их. Потом стихла.

— Виктория?

— М-м?

— Спасибо, что не бросила.

Виктория не ответила. Но кружку из рук не выпустила.

Они спали урывками — Аня на ящике, прижав рюкзак к груди, Виктория на раскладушке, с пистолетом под подушкой. Ворота скрипели от ветра, в щели задувал холодный воздух с запахом промзоны, где-то за стеной шуршали крысы. Но это было лучше, чем ночь на улице. Это была пауза. Короткая, тревожная, но пауза.

Когда за щелями ворот начал пробиваться серый утренний свет, Виктория открыла глаза.

— Подъём.

Аня вздрогнула, села. Шея затекла, спина болела, рюкзак за ночь будто стал ещё тяжелее.

— Уходим? — спросила она.

— Уходим. Пока они не поняли, где мы.

Она поднялась с трудом — левая рука почти не слушалась, но Виктория не позволила себе ни стоны, ни паузы. Застегнула куртку, проверила оружие, кивнула на рюкзак.

— Неси. И не отдавай никому. Даже если я скажу.

— А если ты скажешь «отдай»?

— Значит, я уже не я.

Они вышли из гаража. Утро встречало их холодом, сыростью и запахом мокрого бетона. Промзона просыпалась — редкие машины, голоса рабочих за забором, лай собаки. Аня накинула капюшон, поправила лямки рюкзака.

— К схрону не вернёмся, — сказала Виктория. — Сожжён.

— В переносном смысле?

— В прямом. Если Громов не нашёл его за ночь — он здесь будет сегодня. А мы будем далеко.

— Куда идём?

— Есть человек в другом регионе. Он поможет продать камни. Поможет уйти от Соколова. Но дорога будет долгой. И опасной.

Аня оглянулась на гараж №17. Ржавые ворота, облупленный номер, цепь, висящая криво. Вчера это было убежищем. Сегодня — просто железной коробкой, которую они больше никогда не увидят.

— Я готова, — сказала Аня.

Они пошли вдоль стены, углубляясь в промзону, но теперь — не назад, а вперёд, к окраинам, где можно было выйти на объездную дорогу. Виктория окинула гараж последним взглядом.

дом. Спальные мешки, аптечки, консервы, канистры с водой — всё, что составляло их жизнь последние часы, оставалось здесь. Но она смотрела не на вещи. Она смотрела на стены, на балки под потолком, на металлические шкафы у входа.

— Выходи, — сказала она Ане. — Быстро.

— Что ты делаешь?

— Заканчиваю.

Аня вышла наружу, в серый предрассветный холод. Виктория осталась внутри. Аня слышала, как она двигается — быстро, экономно, без лишних звуков. Металлический скрежет. Щелчок. Ещё один. Потом тишина.

Виктория появилась в проёме ворот через минуту. В руке у неё была тонкая леска — почти невидимая в сером свете.

— Что это? — спросила Аня.

— Растяжка.

Виктория натянула леску поперёк входа, на высоте колена, закрепив концы на косяках. Внутри, на уровне пояса, блеснула ещё одна — Аня увидела её только потому, что знала, куда смотреть. Третья — у стеллажа с банками, на уровне головы.

— Заминировала? — Голос Ани сел. — Ты заминировала гараж?

— Не гараж. Входную группу и зону обыска. — Виктория говорила спокойно, будто объясняла, как варить макароны. — Первый, кто войдёт, заденет леску. Там граната без чеки, придавленная банкой с тушёнкой. Банка упадёт — запал сработает.

— Это же... они могут убить кого-то.

— Они пришли убивать нас. Я просто уравниваю шансы.

Аня смотрела на неё и не узнавала. Вчера эта женщина вытаскивала из себя осколок ножа и учила дышать. А сегодня она расставляла ловушки, не моргнув глазом.

— Ты знала, что так будет?

— Знала, что может понадобиться. Готовила.

Виктория закрыла ворота, навесила замок — тот самый, который Аня открывала утром. Снаружи ничего не изменилось. Всё выглядело так же, как час назад. Только теперь внутри, в темноте, ждала смерть.

Они отошли метров на пятьдесят. Виктория остановилась у угла соседнего гаража, прислушалась.

— Если Громов или Соколов найдут схрон сегодня или завтра, они потеряют людей. Может, не всех. Но достаточно, чтобы затормозить.

— А если туда зайдёт кто-то чужой? Бомж? Подросток?

Виктория посмотрела на неё. В глазах не было жестокости. Только правда.

— Тогда мы будем об этом жалеть. Но выбора нет.

Они пошли дальше. Аня не оглядывалась. Она боялась, что если оглянется — увидит, как гараж №17 взрывается у неё за спиной. Или не взрывается. Или взрывается, когда там уже никого нет, и тогда всё было зря.

— Это правильно? — спросила она тихо.

— Нет, — ответила Виктория. — Но это работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.